

К. МОИСЕЕВА

В ПОМПЕЯХ
БЫЛ
ПРАЗДНИК

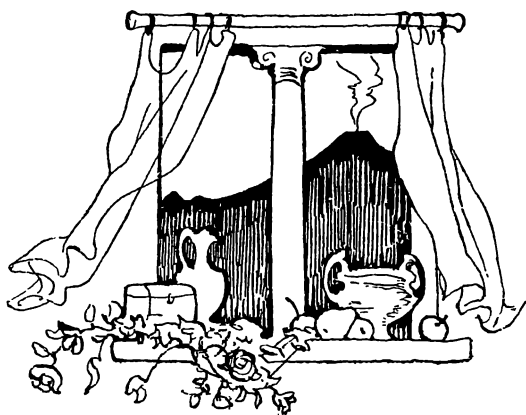
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

К. МОИСЕЕВА

В ПОМПЕЯХ БЫЛ ПРАЗДНИК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ И. АРХИПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА • 1972

Эта книга перенесет вас в Помпеи, в цветущий и богатый город древней Италии, где жили греки и римляне — искусные ремесленники, строители и ваятели. Они были великими тружениками и жизнерадостными людьми. Они воздвигали храмы, дворцы и театры, восхищались отважными гладиаторами и пели песни в честь богини Весты, покровительницы домашнего очага. Они не знали, что давно уже потухший вулкан Везувий таит в себе страшную силу.

Вы станете свидетелями трагической гибели Помпей и увидите античный город со следами остановившейся жизни, открытый для нас археологами.

Город, погибший в 79 году н. э., превратился сейчас в уникальный музей античности, равного которому нет во всем мире.

Scan AAW

Вот увенчали ослов: гирляндой с них хлебцы свисают,
Мельниц стоят жернова, убранных в блеске венков...

Овидий

ПРАЗДНИК

Вначале он услышал цокот маленьких копыт и веселый смех. Чистая узкая улица, выстланная белыми каменными плитами и ночью омытая дождем, только что тихая и пустынная, вдруг наполнилась звоном, треском и криками. И тотчас же из-за поворота появилась процессия. Удивительная процессия, какой Стефан Мерула ни разу не видел, но которую мечтал увидеть, потому что это явно была театральная процессия. Откуда только такое количество мимов? Старики в белых праздничных одеждах, мужчины, женщины, дети, все в венках, с ветками маслины и пучками колосьев, девушки с кувшинами вина на плечах — все пели, кричали, приплясывали и шутили. Иные из них погоняли ослов. Головы животных были убраны венками из полевых цветов, а на шеях висели гирлянды маленьких свежих хлебцев с хрустящей корочкой; они издавали необычайно соблазнительный запах. Это и заставило юношу подумать: мимы ли это?

Стефан Мерула, решивший было, что это театральное зрелище, вдруг усомнился. Слишком много актеров, к тому же во главе процессии шел такой почтенный красивый старик в белом колпаке, посыпанном мукой. Зачем?

— Да это праздник пекарей! — воскликнул Стефан Мерула и обрадовался ему не меньше, чем если бы это было театральное представление. Попасть на такой праздник в богатых Помпеях, где есть не менее сорока пекарен, было удачей для каждого путешественника, а для человека, доставившего пекарям зерно, такой праздник был вдвойне интересен.

Стефан еще не успел подумать о том, как найти знакомых пекарей, а толпа уже заполнила всю улочку и увлекла его за собой.

Звенели бубенчики на ослах, трубили трубачи, им вторили кифары и детские погремушки. Стефан, увлеченный веселыми молоденькими девушками, незаметно очутился на помпейском форуме. Сегодня пекари были хозяевами форума, и казалось, что белые мраморные колонны, заботливо увитые зелеными венками, воздвигнуты именно для этого праздника.

— Отдай свой голос достойному человеку, и я палью тебе вина, — сказала Стефану веселая девушка с венком из полевых цветов.

— За кого же я должен голосовать? — спросил Стефан, поняв, что речь идет об избрании эдила.

— За Юлия Полибия, если хочешь иметь каждый день хрустящие хлебцы.

С этими словами девушка наполнила глиняную чашу и подала Стефану с такой обворожительной улыбкой, что Стефан сразу же понял, какой награды ждет девушка, и крепко поцеловал ее в румяную щеку.

— Я готов голосовать за Юлия Полибия, хоть и не живу в Помпеях, — признался Стефан. — Но я видел Юлия Полибия. Ведь я привез ему зерно.

— Ты привез зерно моему дядюшке Юлию Полибию? Как это хорошо! Тогда выпей еще одну чашу, — обрадовалась девушка. — Я думала, что ты из помпейцев, что будешь голосовать за моего дядюшку. Ты, возможно, и не знаешь, что это за важная птица — эдил?

— Откуда мне знать? Я издалека.

— Однако ты помог его избранию, если привез зерно. Первейшая обязанность эдила — заготовка зерна. Кому нужен эдил, который не заботится о горожанах! А хлеб ведь нужен каждому помпейцу, не правда ли?

— Разумеется! — согласился Стефан. — Но не так уж трудно заготовить зерно. Стоит лишь сообщить в соседние поместья, и пшеницы будет доставлено сколько угодно! А что он еще делает, этот эдил?

— Он проверяет, хороший ли хлеб продают пекари, его вес.

Эдил должен штрафовать за мошенничество. Впрочем, если хочешь знать, нынешний эдил не угодил многим пекарям именно потому, что штрафовал с чрезмерным усердием. Один уважаемый пекарь позволил себе немного убавить количество теста, положенного на каждый маленький хлебец. Этого не заметили покупатели, все были довольны. А вот эдил взял и как-то утром проверил вес каждого хлебца. Он увидел, что пекарь смошенничал: положил в свой мешок изрядную сумму денег незаслуженно. И он велел его судить. Ведь мог не заметить такой малости, не правда ли?

— Хорошо, что заметил. А что стало с пекарем?

— Ему присудили такой штраф, что пришлось продать свой новый дом с садом и фонтаном да еще забрать у молодой жены все купленные ей драгоценности и отдать их богатому скупщику под залог. Теперь этот пекарь трудится дни и ночи, чтобы вернуть долги. Ему и жизнь не мила.

— Я бы не стал обманывать, — сказал Стефан Мерула. — И голос свой я бы отдал за нынешнего эдила, который не угодил пекарям.

— И я не стала бы обманывать. Мой дядюшка, Юлий Полибий, самый честный человек в Помпеях, поверь мне!

Сын вольноотпущенника, управляющего большим имением, Стефан Мерула впервые отправился в самостоятельное путешествие. Впервые в своей жизни он получил почетное поручение — доставить зерно в богатые Помпеи. Это было большое путешествие, если учесть, что поместье, где они жили, находилось в пяти днях пути от Помпей.

Стефан Мерула был в Помпеях очень давно, когда совсем еще маленьким мальчиком прибыл сюда с отцом на громахающей двухколесной повозке. Ему запомнились роскошные виллы богатей и форум с храмом Аполлона, сверкающим белыми мраморными колоннами.

В тот раз они оказались в Помпеях через несколько лет после великого бедствия. Многие вспоминали тот страшный день, когда земля внезапно задрожала, застонала и так раскачала город, что рухнули храмы Юпитера и Аполлона. Тогда все говорили о гневe богов и приносили щедрые жертвы к алтарям.

Сейчас уже не видно было разрушений. Форум выглядел еще наряднее и красивее, а статуя Аполлона по-прежнему стояла с простертыми руками. Помпеи выглядели очень богато. Стефан не знал, что уже несколько лет, как город стал одним из самых модных мест отдыха. Римские аристократы приезжали сюда в жаркие летние месяцы, чтобы насладиться мягким и приятным климатом и морем. Среди садов и виноградников по склонам Везувия были

воздвигнуты виллы. В городе были построены новые храмы и знаменитый музыкальный театр, который стал известен далеко за пределами Помпей.

Прощаясь со Стефаном и давая ему множество советов, отец разрешил потратить немного денег на развлечения. Он позволил побывать в амфитеатре на бое гладиаторов, а еще лучше — посмотреть захватывающее зрелище: стравливание хищников.

«Если тебе повезет, сынок, — сказал отец, — то на арену выпустят быков, медведей, львов, а может быть, даже тигров. Они будут пожирать диких кабанов и зайцев. Говорят, что в такой игре участвуют и гладиаторы. Все они обречены, потому что хищники делают свое дело и кровь льется рекой. Наш господин видел такое зрелище, он рассказывал, что хищники свирепствуют неистово и так это интересно, что на игры в Помпеи приезжают знатные люди из многих городов и даже из Рима».

«Тогда не попадешь, — вздохнул Стефан, — места не хватит».

«Мест много, в амфитеатре может поместиться двадцать тысяч человек, население всего города. Только уплати. Однако не будь расточительным, купи померок подешевле. Отовсюду видно».

Разумеется, Стефан мечтал о таком зрелище. Но сейчас, участвуя в празднике пекарей, он вспомнил о мимах, которые разыграли свое представление на узкой улочке у харчевни, давно, в тот приезд. Это представление особенно хорошо запомнилось ему, потому что сам Стефан с малолетства имел склонность к перевоплощению. И не только склонность, а какую-то необыкновенную потребность. Без слов, жестами и очень выразительной мимикой лица Стефан умел передать образ живого человека со всеми его особенностями. Может быть, помогло то запомнившееся веселое зрелище, когда настоящие мимы дали ему первый урок? Иначе почему он был признан мимом в своем поместье?

В часы досуга, когда рабы и вольноотпущенники, жившие в большом поместье Мерулы, собирались на обширном дворе, Стефан изображал кого-либо, над кем можно было всласть посмеяться. Отец Стефана, знавший способности своего сына, нередко предостерегал его, чтобы Стефан по легкомыслию не вздумал изобразить кого-либо из семьи господина, его родственников или гостей. Смеяться можно было лишь над слабостями или недостатками рабов, какими были еще недавно вилик Мерула и его сын Стефан.

Сейчас, в этом веселом водовороте, Стефан вдруг ощутил потребность что-то сделать, на минуточку преобразиться и повторить псвадки человека, который ему запомнился. Но что показать, он не мог решить. Ведь эти люди не знали смешного и нелепого хранителя зерна, который дрожащими руками отвешивал ту ма-

лость, что полагалось выдать каждому рабу на пропитание. Он что-то важно записывал на своей вошеной дощечке, предварительно вскидывая к небу косящие глаза и словно подсчитывая и соображая, правильно ли он это делает. В поместье, где каждый знал этого усердного и дотошного человека, Стефан имел успех. Жестами и мимикой, без единого слова Стефан сумел заставить людей поверить в то, что он взвешивает зерно, делает запись, подсчитывает...

Вряд ли здесь мог иметь успех облик старой знахарки, толстой, кривоногой, но очень подвижной и бойкой женщины, которая лечила рабов своими травами и заклинаниями. И образ закройщика из рабов, который так ловко примерял господину вновь сделанную накидку и тогу. Все это было очень забавно, когда люди, знавшие, кого показывает Стефан, вдруг находили безупречное сходство в каждом его движении, в выражении лица.

Стефан не сразу решил, стоит ли ему здесь, в этой веселой толпе, показать свое искусство. Вначале он просто веселился. От души смеялся над шутками старого пекаря, заигрывал с девушками, знакомился с юношами. Племянница Юлия Полибия, отставив свой кувшин, надела венки на его курчавую голову, а веселый юноша-пекарь хлопнул Стефана по плечу и спросил:

— Откуда ты, великан? Такого можно и в гладиаторы.

В ответ на реплику незнакомого юноши Стефан в одно мгновение превратился в старого, согбенного человека, больного и страшного, бредущего с палкой по неровной дороге. Юноша в изумлении смотрел на это превращение. Перед ним в самом деле был старый, согбенный человек, и гладкие плиты улицы словно бы покрылись буграми.

— Да ты, видно, из мимов? — сказал незнакомец. — В одно мгновение ты словно переродился... Покажи еще что-либо! У нас тут, видишь, и трубачи, и кифаристы, и певцы, а мима нет...

— Кого же представить? Может быть, борца?

— Можно и борца. Показывай!..

В то время как Стефан разыгрывал сцену борьбы, в толпе, глазевшей на веселый праздник, стоял юноша Антоний, сын философа, живущего в уютной вилле на окраине Помпей. Антоний как зачарованный смотрел на молодого мима. Он был увлечен игрой, которая показалась ему вполне занятной, потому что перед ним был настоящий кулачный боец с лицом спокойным, равнодушным и даже бессмысленным и с удивительно ловким и красивым телом. Мускулам этого мима можно было позавидовать, хотя и сам Антоний был отлично сложен. Все дело было в том, что молодой мим был самым настоящим двойником Антония. И если бы на этом

миме была такая же белоснежная тога, то люди, увидевшие их рядом, не нашли бы в них различия. Чем больше Антоний вглядывался в неизвестного юношу, тем больше он поражался этому удивительному сходству. Откуда он взялся?.. Кто он такой?.. И как это может быть?.. Если он житель Помпей, то Антоний давно уже должен был бы знать о человеке-двойнике. Если он гость издалека, то откуда?..

Стефан уже распротился со своим воображаемым соперником, которого он уложил на обе лопатки, и в окружении веселых девушек отошел к колоннаде, где стоял Антоний.

«Само божество покровительствует нам», — подумал Антоний и решительно подошел к Стефану.

— Должно быть, боги создали нас в один день, — сказал, улыбаясь, Антоний и, глядя смеющимися глазами в веселые глаза Стефана, словно бы увидел свое отражение.

Стефан, в свою очередь, опешил от изумления и сразу даже не нашелся; он не знал, что сказать этому богатому красивому юноше, который был так невероятно похож на него, что его родной отец, Мерула, вполне мог бы этого богатого юношу назвать Стефаном, хотя сам он, Мерула, был вольноотпущенником всего лишь год и почти вся его жизнь прошла в рабстве.

Несколько мгновений они стояли молча, рассматривая друг друга. А потом Антоний, сын философа, молодой поэт, вдруг прочел несколько строк импровизации. Он облек эти строки в очень красивую, изящную форму, и Стефан, который был грамотен, но не очень начитан, с грустью подумал о том, что какой-то поэт написал эти стихи, ему неизвестные.

Встретил себя самого я в потоке людском торопливом!

Чудо великое — видеть живое свое отраженье;

Если подобен ты мне и станом, и ликом, значит,

В душе у тебя, как в моей, обитают священные музы.

— Отличные стихи написал неизвестный мне поэт, — сказал Стефан. — Какая удивительная встреча с себе подобным. И как лестно, что, увидев меня на этом празднестве пекарей, ты, высокорожденный, обратился ко мне с такими словами. Поистине я жажду стать твоим другом. Кто ты?..

Только сейчас Антоний понял, что он сделал недозволенное и непривычное, обратившись с такими пышными словами к простолюдину, а может быть, даже и к миму. Ни один порядочный человек не станет вести разговор с мимом. Если бы его, Антония, спросили, почему он сделал это, недопустимое для человека благородно-

го и знатного сословия, он бы не смог ответить. Но сделал он это только потому, что увидел нечто удивительное и совершенно необъяснимое. Да и в самом деле — как понять это? Как могло свершиться такое чудо?.. Когда ты вдруг на площади своего города встречаешь двойника... Что это — волшебство или веление богов? Эти мысли мгновенно промелькнули в голове Антония, и в поисках ответа он спросил:

— Откуда ты? Неужто помпейский житель?

— Если ты помпейский житель, то мой дом находится в пяти днях пути от твоего дома. Я сын вольноотпущенника, управляющего имением. Мое имя Стефан Мерула... А твое?

— А я сын философа, известного не только в Помпеях. Наша вилла у Геркуланских ворот. Ничего подобного в жизни не встречал... И от удивления сочинил те строки, которые ты слышал. И хоть отец премного преподавал мне философию, я все равно не найду ответа на мой вопрос. Как может быть, чтобы боги создали в разных местах одновременно совершенно одинаковых людей?.. Согласись, что подобное достойно удивления. И, поскольку со мной свершилось такое чудо, я хотел бы узнать тебя получше. За каким делом ты здесь?

— Я не менее тебя удивляюсь случившемуся, — ответил Стефан. — Как видишь, могущество богов непостижимо. И как прекрасно, что отец послал меня вместе со своими доверенными доставить зерно помпейским пекарям перед выборами эдилов. Не случись эти выборы в ближайшее время, они вряд ли бы так топили нас с доставкой зерна и я не попал бы на это веселое празднество пекарей, а ты мог не встретить меня на этой площади, прогуливаясь без мыслей о том, что на свете есть твой двойник. Теперь, когда ты знаешь, кто я, ты не осудишь меня за то, что я пожелал вдруг превратиться в мима — существо ничтожное и недостойное стоять рядом со знатным человеком. Я позволил себе эту невинную забаву лишь потому, что питаю удивительную привязанность к этому занятию, и должен тебе сказать, благородный юноша, что этим занятием я снискал себе добрые чувства не только рабов, но и вольных людей нашего поместья. Они нередко просят меня изобразить что-либо, что им уже знакомо, но всегда одинаково смешно и занято.

— Я не могу осудить тебя за это, мой двойник Стефан Мерула. Скорей я могу тебе позавидовать. Ты более свободен в своих желаниях, чем я. Тебя никто не осудит за твое увлечение, а мне этого нельзя, хоть я и питаю к этому интерес. Я должен тебе признаться, что с малых лет у меня было стремление кому-то подражать, повторить чьи-то жесты, вдруг преобразиться. Но меня всегда оста-

навливали. Во мне заглушали эту потребность. К тому же я был так безмерно занят науками и поэзией, что у меня не оставалось свободной минуты. Посуди сам: я сын прославленного ученого Манилия Тегета, который жаждет свои знания передать мне в наследство. Но мой благородный отец нередко забывает, что его знания накоплены долгими годами. А мне всего девятнадцать лет... Как же я могу вместить все это в мою еще совсем глупую голову?..

— Удивительное совпадение! Мне тоже девятнадцать!.. Могу-щество богов непостижимо!

Они еще долго стояли среди беломраморных колонн форума и уже не обращали внимания на веселый праздник пекарей, на музыку, на пляски юных танцоров и на прыжки привлеченных толпой акробатов. Двое юношей не переставали делать открытия, столь загадочные и таинственные, что у каждого голова шла кругом от изумления. Они не так долго были знакомы, но уже многое узнали друг о друге. И все это было откровением, потому что удивительно совпадали их вкусы, наклонности и интересы. И хотя они были совершенно разными, потому что знания, полученные Антонием от отца-философа, и знания, полученные Стефаном от бывшего раба, были различны, очень многое сближало их. Они были разными, но их роднило врожденное чувство благородства, сходные вкусы и общность интересов, несмотря на то что различными были возможности каждого проявлять свои интересы. Если Стефану было можно проявить свое творческое начало, подражая уличным артистам — мимам, то Антонию можно было выразить себя в разумных философских рассуждениях, которые он вел с отцом и друзьями отца, людьми образованными и учеными. К тому же Антоний писал стихи. К поэзии он обратился рано. Еще тогда, когда впервые написал сочинение, порученное ему взыскательным учителем философом Тегетом.

— Наше сходство в какой-то мере роднит нас, не правда ли? — спросил Антоний Стефана. — Надо нам еще повстречаться с тобой и поговорить о многом. Если ты ближайšie несколько дней потратишь на свои дела, связанные с продажей зерна, то в начале следующей недели ты будешь уже свободен. Не правда ли? Встретимся здесь, на форуме, у этих колонн.

— Обязательно встретимся! — воскликнул Стефан и, прижав обе руки к груди, низко склонился перед Антонием. — Я буду очень рад.

Стефан долго еще стоял у колонн форума. Не обращая внимания на праздник пекарей, он думал об удивительной встрече. Как ни старался, он не смог объяснить себе происшедшего иначе, как каким-то колдовством. Но от кого исходило это колдовство? Какое

божество сделало их сходными и столкнуло в тот единственный день, когда он очутился в Помпеях и так случайно был увлечен народным празднеством? Об этом следует хорошо подумать. А пока надо, не теряя времени, отправиться к Юлию Полибию — будущему эдилу. Дельный эдил. Он уже сейчас, заранее, позаботился о запасах зерна для пекарей, хочет оправдать доверие помпейцев.

*

Отправляясь в Помпеи с грузом зерна, Стефан Мерула и представления не имел о том, как горячо заинтересованы в быстром выполнении этого дела такие важные личности, как эдилы. Сидя в своем поместье и помогая отцу на винограднике, Стефан не мог знать, как тесно переплетаются интересы богатых людей, владеющих пашнями, с интересами ремесленников, рабов и эдилов в Помпеях. Он только знал о том, что зерно должно быть доставлено по назначению, что следует получить столько-то денег и по поручению матери надо посмотреть устройство самой хорошей пекарни, чтобы потом сделать такую же пекарню в маленьком городишке, недалеко от поместья.

Вольноотпущенник Мерула, еще будучи рабом и помощником управляющего в этом имении, делал мечту когда-нибудь, когда он уже откупится и будет свободным, стать хорошим пекарем. Он считал это дело благородным, потому что без хлеба не может прожить ни бедный, ни богатый, ни хозяин поместья, ни раб, и руки, создающие хлеб, благословенны.

«Твоя судьба будет более счастливой,— говорил отец Стефану.— Мне удалось выкупить тебя, пока ты еще молод, когда впереди много сил и желания твои могут исполниться, если ты будешь хорошо трудиться и не будешь предаваться лени, твои мечты сбудутся. Будь внимателен, сынок, не бегай за мимами, не трать времени попусту. Побывай у самых лучших пекарей Помпей, у тех, кто уже прославлен своим богатством. Я знаю, там есть среди них вольноотпущенники, которые собственными руками создали свое благополучие. Тяжким трудом они заработали деньги на выкуп, а когда стали свободными, честным и благородным трудом приобрели свое богатство. И мы, сынок, пойдем тем же путем. Посмотри внимательно, как сделаны печи, чтобы нам сделать самую хорошую печь...»

«А есть ли у тебя деньги для этого, отец? Сколько нужно этих денег? Скоро ли ты их наберешь?»

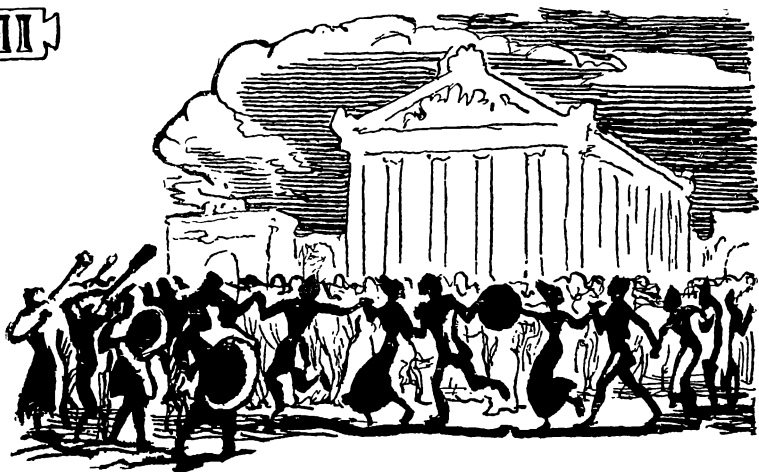
«Пока еще нет этих денег, сынок. Пока еще не выплачены долги. Уже год, как мы свободны, а долг еще висит надо мной.

Однако я надеюсь и долг выплатить, и собрать две тысячи сестерций, которые нужны первое время на обзаведение хозяйством пекаря. Мы начнем с малого. Ведь у нас с тобой крепкие руки, не правда ли?

Об этом разговоре Стефан вспомнил сейчас, когда расстался с Антонием, который был так бесподобно похож на него и который, по всей видимости, был очень богат и очень знатен. Из какой тонкой белоснежной шерсти была сделана его тога! Как красива была эта серебристая шерстяная накидка!.. А какой дорогой перстень у него на указательном пальце!.. Впрочем, он сам сказал, что живет в богатом поместье на окраине Помпей. Однако при такой знатности такая простота в обращении кажется неправдоподобной. Никогда в жизни Стефан не встречал человека столь богатого, знатного и столь простого. И хоть отец, Мерула, восхищается благородством своего хозяина, и хоть он считает его добрейшим за то, что тот принял от него выкуп и предложил управлять имением, в котором отец двадцать лет был рабом, все равно невозможно сравнить благородство хозяина и благородство Антония. Тут сразу видно, что Антоний — человек необыкновенный. Хотелось бы посмотреть на его отца... Какой он из себя?..

Весь остаток дня Стефан провел в заботах о порученном ему деле. Он больше не отвлекался. Он даже не остановился, когда прошел мимо акробатов, которые показывали свое представление недалеко от гладиаторской школы. Он точно выполнял все, что ему было поручено отцом. Последил за тем, чтобы быстро разгрузили поклажу, чтобы сдали зерно в хранилище, чтобы накормили ослов. А когда все это было сделано, Евтих тщательно все записал на вошенных дощечках и очень ловко подсчитал, сколько нужно получить денег от пекарей, сколько нужно уплатить в харчевню и на постоянный двор, где остановились на почлег.

Старый отпущенник Евтих был удивительно ловок в счете, он умел в уме производить такие вычисления, что иному не сделать этого на пяти вошенных дощечках. Мерула знал, кому доверить деньги хозяина. Посылая Евтиха с ценным грузом и дав ему в помощники своего сына, он мог считать, что сам отправился в это трудное путешествие. А Потин Мерула очень хотел, чтобы зерно прибыло вовремя. Он хотел, чтобы хозяин поместья был доволен и дал бы ему обещанное вознаграждение. Ему нравились обязанности управляющего, но все же мечта о собственном доме и пекарне не оставляла его. Потин Мерула был уверен, что замысел его осуществится. Да и как было не верить, если осуществилось самое главное — он откупился, он свободен и сын его, Стефан Мерула, уже никогда не узнает горьких дней рабства.

ОТЕЦ АНТОНИЯ

«Антоний, ты будешь философом...» Так говорил сыну известный римский философ Манилий Тегет, который не перестал считаться римским философом, хотя последние восемнадцать лет безвыездно жил в Помпеях. Труды Манилия Тегета были общеизвестны и снискали ему славу почтенного ученого, человека мыслящего и в высшей степени благородного. Его друзья нередко восхищались беседами, которые всегда украшали праздничный обед и были главной приманкой для молодых поклонников Тегета.

Одни любили его рассуждения о Платоне и Аристотеле, другие ценили его высказывания об Эпикуре. А вот Антоний с удовольствием приходил на беседы, посвященные его любимому поэту и ученому Титу Лукрецию Кару.

В свое время Манилий Тегет много и часто читал сыну отрывки из знаменитой поэмы Лукреция «О природе вещей». Бывало, сын говорил о том, что ему скучно и неинтересно, а отец с величайшим терпением объяснял ему отдельные фразы, перечитывал страницы, снова объяснял и так постепенно заставил Антония вникнуть в сущность учения великого поэта.

Антоний долгое время не понимал значения философских рассуждений Лукреция. Его больше увлекали поэтические достоинства его произведений.

Но прошло время, Антоний повзрослел, и ему стали дороги не

только поэтические образы, но и размышления ученого. Антонию нравились рассуждения поэта о гармонии и единстве в природе. Он помнил строки трудные, но удивительно верные:

...Силе нельзя никакой нарушить вещей совокупность,
Ибо и нет ничего, куда из вселенной могла бы
Скрыться материи часть и откуда внезапно вломиться
Новая сила могла б во вселенную, сделать иною
Всю природу вещей и расстроить порядок движений...
То, что доселе всегда рождалось, то будет рождаться
В тех же условиях, и жить, и расти постоянно, и крепнуть.
Столько, сколько кому суждено по законам природы...

Антоний был потрясен своим открытием, когда, начитавшись Лукреция, вдруг понял, сколь велика сила человеческого мышления, которое в состоянии проникнуть в тайны природы. Антсний читал описания того, как рождались миры, как наступала смерть и разрушение космических тел и как рождались новые миры... Все это было так грандиозно, так удивительно, так малопонятно и в то же время пленительно, что Антоний не переставал думать об этом и нередко обращался к отцу с такими вопросами, на которые старый философ с трудом давал ответы.

Манилий Тегет много заботился о том, чтобы сын получил хорошее образование и был его достойным преемником. С тех пор как Антоний впервые взял в руки вошеную дощечку и стиль, отец не переставал напоминать ему о том, что он, Антоний, его единственный сын, будет знаменитым философом и продолжит почетное дело, начатое отцом задолго до рождения Антония.

Унаследовав большое поместье, которое давало семье Тегета полное обеспечение, Манилий Тегет почти не занимался хозяйством. Он целиком положился на своего вилика Манилия Квинта, хотя и затруднялся сам себе ответить на вопрос: так ли честен этот вилик, как аккуратен в записях, или только аккуратен, а честен лишь на словах. Мать Антония не раз сетовала на беспечность мужа, который не удосуживался собирать взносы от должников в первые дни календ.

Календы наступали в тот вечер, когда впервые показывался бледный серп луны и глашатай на улицах громко оповещал о том, что наступили календы, словно люди сами не видели молодого, только что народившегося серпа. Но кричал глашатай главным образом для должников, чтобы те не забыли и позаботились скорее сделать взнос. Не всегда находились честные должники. И не каж-

дый из них торопился со взносом. Но должники Тегета знали, что вилик Квинт любым способом заставит их уплатить. Они только не знали, делает ли записи в свой толстый календарий грозный вилик, или часть этих взносов попадает в его бездонный мешок.

Если бы Манилий Тегет пожелал, он бы всегда мог проверить правильность записей. Но он очень редко делал это: он жалел время. Старый философ считал кошунством тратить время на хозяйственные дела. Он нередко говорил о том, что жизнь слишком коротка, чтобы безрассудно тратить свои дни. Манилий Тегет писал свои философские сочинения каждый день, неустанно, сразу же после завтрака, когда в благоухающем цветами перистиле было необыкновенно прохладно и приятно.

Струи воды, бившие из маленьких мраморных фонтанов, осыпали каплями дамасские розы, мальвы, ирисы и маргаритки. Удобное деревянное ложе, устроенное в тени виноградных лоз, под шатром сиреневых глициний, было покрыто очень мягким шерстяным тюфяком и пестрым ковром. На продолговатом мраморном столике с резными ножками обычно лежали вожденные дощечки, костяные и железные палочки для письма и толстые свитки книг. Их было много в богатой библиотеке Тегета. Ученый создавал ее долго, не жалея средств, и теперь его комната была набита драгоценными свитками. Их было так много, что уже стало тесно хозяину, и потому в жаркие дни он занимался в своем любимом перистиле.

Среди ученых города много говорили о знаменитой библиотеке Тегета. Рассказывали о том, как он купил за большие деньги рабов-переписчиков, которые будто бы трудились от рассвета до заката, переписывая труды римских и греческих философов, поэтов и трагиков. Вот почему рядом с книгами Платона и Аристотеля можно было найти произведения знаменитых поэтов. Они-то и привлекали внимание Антония, он читал на память стихи Горация, Овидия, Вергилия. Юношу привлекали и драматические произведения, которые ставились в театрах Рима.

Библиотека Манилия Тегета славилась в Помпеях не только книгами, но и превосходными скульптурами знаменитых ученых. Прекрасная голова Сократа была сделана искусным римским ваятелем, вольноотпущенником из греков. Голова Эпикура была изваяна рабом-сирийцем, которому дали бронзовый медальон знаменитого во всем мире мудреца и велели перенести его портрет в мрамор.

Старый раб-сириец Элий Сир был куплен в подарок Антонию в день его совершеннолетия. В этот день, когда Антонию исполнилось шестнадцать лет, был устроен большой семейный праздник.

Рано утром Антоний снял перед алтарем богов — покровителей дома Тегета — свою детскую тогу, окаймленную пурпурной полосой, и облекся в мужскую белую тогу. Затем был праздничный обед, и отец в присутствии гостей и Антония прочел свои любимые строки из Горация:

Есть кувшин вина у меня, Филлида.
Десять лет храню альбанин душистый.
Есть и сельдерей для венков, разросся плющ в изобилие.
Кудри им обвей, ослепишь красою.
В доме у меня серебро смеется.
Лаврами алтарь оплетен и алчет крови ягненка.
Полон двор людей, суета, хлопочут.
И снуют туда и сюда подростки,
Девушки. Огня языки завились клубами дыма.

Когда родители и гости проводили Антония на форум, там его занесли в списки граждан Помпей, и все близкие поздравляли его.

Вернувшись домой, отец позвал Элия Сира и сказал Антонию, что отныне этот раб-ваятель станет его собственностью и, следовательно, будет выполнять те работы, которые пожелает сын.

Первая работа, которую Антоний поручил Элию Сиру — скульптура любимого поэта Лукреция Кара, — должна была быть сделана из отличного куска белого мрамора. Антоний сам достал у друзей отца портрет Лукреция. А потом он много дней проводил рядом с рабом Элием Сиrom, с любопытством наблюдая, как оживает холодный мрамор и как возникает облик красивого, умного и жизнерадостного человека, с правильными чертами, с орлиным носом и очень благородным выражением лица.

— Ты с любовью делаешь свою работу, — заметил как-то Антоний, когда в куске белого мрамора уже обозначились черты знаменитого человека. — Я уверен, что отец вознаградит тебя по заслугам...

— Знаешь, мой юный господин, — отвечал с горькой усмешкой ваятель, — я отлично помню изречение одного мудрого человека, моего соотечественника. Он говорил: «Жди от другого того, что ты другому сделал». Поверь, мой господин, я всегда жду с великим терпением. Но жду напрасно. Свидетель тому — моя несчастная жизнь.

— Но ведь ты занимаешься любимым делом, — возразил Антоний, — разве в этом нет радости?

— Есть, мой юный господин. Я люблю свое занятие и предан ему. Но это все, что я имею. Перед тобой нищий раб. Разве этим мало сказано?

— Настанет день, и ты откупишься, Элий Сир. Я уверен. Кстати, скажи мне, кем был тот мудрый человек? Назови его имя.

— Это был Публий Сир. Родом из Сирии. Он долгое время был рабом в Риме. Но он был счастливей меня. Он сумел собрать деньги и откупиться. И он стал известным писателем. Его очень любили мимы. Он придумывал для них множество остроумных историй.

— Как странно, что я ничего не знаю о нем! — воскликнул Антоний. — Ведь я большой любитель мимов и никогда не пропускаю зрелищ на улицах. Но скажи мне, Элий Сир, почему ты не смог откупиться? Разве хозяин не платил тебе за работу?

— Он был очень скардным. Он не только не платил мне за работу, но не позволял трудом своим добыть хоть мелкую монету. Я не имел права сделать кому-либо даже маленькую скульптуру, чтобы получить за нее деньги. Как видишь, дар, данный мне богами, не помог мне выкупиться и стать свободным. Но, к счастью, умер мой хозяин. Вдова продала меня Манилию Тегету, и вот я стал твоей вещью.

— Клянусь Геркулесом, ты неправ, Элий Сир! Я не считаю тебя вещью. Я никогда не буду относиться к тебе дурно. Поверь мне, я потребую, чтобы отец платил тебе за работу. Он ведь платил другим ваятелям, когда захотел украсить свою библиотеку портретами великих мужей.

Элий Сир отложил свой резец, отбросил молоток и в изумлении уставился на своего юного господина, который говорил слова, столь удивительные и непривычные для него, что ему даже показалось, будто он ослышался. Но Антоний и в самом деле все это сказал и при этом смотрел на Элия Сира серьезно, без надменной усмешки, какая, по мнению раба, должна была постоянно украшать лицо богатого господина.

— Я верю тебе, господин, — ответил тихо Элий Сир. — Мой соотечественник Публий Сир нередко восклицал: «О, жизнь, долгая для несчастного, короткая для счастливого!» Я всегда думал о том, какая долгая и несчастная у меня жизнь. Но вот ты обнадежил меня, и я подумал: может, она вдруг обернется для меня счастливой, и тогда, пожалуй, она покажется мне слишком короткой...

*

Они подружались — сын философа Манилия Тегета и его раб Элий Сир. Все чаще Антоний заходил в маленькую каморку Элия Сира и о чем-то беседовал с ним. Зная вздорный нрав вилка Квинта, который, пользуясь доверием философа и слишком мягким

характером его матери, был полновластным хозяином в поместье. Антоний в самом начале знакомства с Элием Сиром оградил раба от обид и оскорблений, которые мог нанести ему вилик Квинт. Он предупредил вилика о том, что раб-взятель — принадлежит только ему, молодому господину, и только он может распоряжаться этим рабом.

Антоний, так же как и отец, не интересовался хозяйством и не вмешивался в дела, которые были ему незнакомы и не всегда понятны. Но как человек мыслящий и по характеру добрый, он не мог не видеть того дурного, что создал вокруг себя самонадеянный и жадный вилик Квинт. Антоний видел, как жестоко вилик наказывал рабов, которые осмеливались в чем-то ослушаться.

Нередко это были просто придирки. Единственно, чего не удавалось злобному Квинту, — морить рабов голодом. Манилий Тегет много раз говорил ему о том, что он не потерпит несправедливого обращения с людьми своего поместья.

Если бы рабы, бесправные, запуганные угрозами вилика, больше знали своего хозяина, они бы, вероятно, решились пренебречь угрозами Квинта и рассказали бы господину о своих несчастьях.

Наказывал вилик Квинт тайно от хозяина. Ни разу голос пострадавшего не донесся до слуха доверчивого Манилия Тегета. Вилик угонял провинившегося куда-нибудь на дальнее поле, туда, где молотили зерно, или на пастбище. И там, наговорив множество страшных вещей и сославшись на хозяина, он нередко сам наказывал плетью, не позволяя ни плакать, ни кричать. Разумеется, люди, работающие за пределами поместья, не получали всего того, что им полагалось по распоряжению хозяина.

Если бы друзья Манилия Тегета узнали о том, как жестоко обращаются с рабами в поместье этого доброго и благородного человека, они бы не поверили этому. Но так уж сложилось, что Манилий Тегет, увлеченный своими занятиями и целиком доверившийся хитрому притворщику вилику, долгие годы ничего не знал и не замечал. А рабы знали, что вилик Квинт великий актер. Они не могли не видеть, как умел этот человек преображаться в одно мгновение, в зависимости от того, с кем ему надо было вести разговор. Когда перед ним был бесправный раб, вилик никогда не говорил с ним спокойно, уважительно — он всегда кричал, горячился, заранее угрожал, и лицо его искажалось злобной гримасой.

Но бывало и так, что в этот момент появлялась госпожа или сам Манилий Тегет, и тотчас же вилик расплывался в приятной улыбке, тотчас же начинал хвалить того раба, которого за минуту до этого бранил. Сразу же на лице его появлялось спокойствие. Он становился неузнаваем.

Вот почему Антоний, который при всей своей рассеянности и равнодушии к делам хозяйства все же давно понял коварный нрав вилика, на другой же день после празднества совершеннолетия сказал Квинту, что он требует предоставить Элию Сиру самое хорошее помещение для работы, он требует, чтобы его кормили со стола господ и никогда бы не давали никаких указаний раб-ваятелю, потому что он принадлежит только ему, Антонию.

Очень скоро Элий Сир понял, что боги покровительствуют ему и что слова юного господина не брошены на ветер. Поистине для Элия Сира настали счастливые дни: он был сыт, он делал работу, которая правилась ему и которая правилась его молодому господину. И, сверх ожиданий, Элий Сир получил деньги уже за первую свою скульптуру. Может быть, потому, что голова Лукреция ему очень удалась и привела в восторг не только Антония, но и старого философа. Когда Манилий Тегет похвалил раба, Антоний воспользовался случаем и тут же сказал:

«Прикажи, отец, дать Элию Сиру деньги за работу. Человек, который умеет делать такие прекрасные скульптуры, должен иметь деньги хотя бы для того, чтобы пойти в термы или в харчевню у Геркуланских ворот, выпить подогретого вина».

Манилий Тегет не стал возражать. Он тотчас же вызвал вилика и велел выдать Элию Сиру небольшую сумму денег. Но для раба эти деньги были целым состоянием. В сущности, это было настоящее богатство, добытое за долгие годы, проведенные вдали от родины.

*

С тех пор как Элий Сир появился в доме старого философа, прошло три года. За это время раб-ваятель сделал много хороших работ, и библиотека Манилия Тегета уже стала славиться в Помпеях своими превосходными мраморными скульптурами.

За это время Элий Сир сумел собрать несколько тысяч сестерций, что давало ему повод надеяться на счастливое будущее. Теперь он верил, что сумеет откупиться и настанет день, когда он будет свободным. Но когда он думал об этом дне, у него неизменно появлялась мысль, что ему сейчас даже не хочется откупиться, он уже слишком привязан к сыну философа и не мыслит себе расставания с Антонием.

Антоний так привязался к Элию Сиру, что считал своим долгом посвящать его в свои тайны. Раб-ваятель стал его верным другом и часто бывал добрым советчиком. Чем старше становился Антоний, чем больше он учился и чем больше накапливал знаний, тем

реже он обращался к отцу с теми наивными вопросами, которые, однако, требовали ответа. А получить этот ответ можно было у Элия Сира.

Ведь Элий Сир был человеком знающим и образованным. В свободные часы, по вечерам, он допоздна засиживался у маленького светильника с какой-либо книгой из библиотеки Тегета. Эти книги приносил Элию сам Антоний. Юноше доставало собеседника, более простого и покладистого, чем был отец. Бывало так, что Антонию не хотелось спорить, не хотелось слышать правоучений, а просто хотелось внимательно прочесть книгу и вникнуть в мысль любимого поэта или трагика. В таких случаях он давал книгу Элию Сиру и потом с увлечением рассказывал рабу о том, что его волнует и тревожит.

*

В тот день, когда Антоний встретился со своим двойником на форуме, мысль о Стефана Меруле не покидала его. Он никак не мог объяснить себе это удивительное явление и сколько ни искал в своей памяти, не мог найти ответа на этот вопрос. А вопрос был и очень простой, и очень сложный: как это случилось?

Да и в самом деле: можно ли было объяснить это удивительное чудо? Можно ли было узнать, кто повинен в нем — боги или люди? Но ведь это чудо предстало перед ним в виде живого Стефана Мерулы.

В первую минуту после расставания Антоний поспешил домой с мыслью о том, что он расскажет обо всем отцу и потребует от него объяснения. Но пока он шел домой, он подумал, что отец может не поверить этому и лучше ничего не говорить отцу, а просто привести в дом Стефана Мерулу. Если они через два-три дня встретятся с ним на форуме, то Антоний приведет Стефана домой, и тогда отец, увидев двух одинаковых юношей перед собой, волей-неволей начнет искать ответа на этот загадочный вопрос. Но если не говорить отцу, то, может быть, рассказать об этом Элию Сиру? Ведь надо кому-то рассказать. С матерью Антоний не привык откровенничать и редко обращался к ней со своими вопросами. Его разговоры с матерью всегда касались одежды, еды, денег. Мать Антония была очень заботливой и внимательной к сыну. Она радовалась его успехам и печалилась неудачам. Но она не читала тех толстых свитков, которые заполняли комнаты Манилия Тегета, и потому сыну невозможно было с ней говорить о том, что более всего его волновало.

Вернувшись домой, Антоний прежде всего уединился с Элием

Сиром и поведал ему свою тайну во всех подробностях. Он несколько раз повторил рассказ о том, как выглядел Стефан Мерула, как сделал целое представление, будто он самый настоящий мим, и как потом сообщил о своем отце-вольнотруженнике и о своей мечте сделаться владельцем хорошей пекарни.

— Мне это непонятно, — признался Элий Сир. — Насколько мне известно, столь похожими могут быть только родные братья. Но как случилось, что так похож на тебя человек, рожденный другими людьми, в другом городе, это мне непонятно. Однако это очень любопытно. Я думаю, что не стоит говорить об этом отцу. Лучше всего — приведи в дом Стефана Мерулу, и все мы тогда увидим то чудо, о котором ты мне рассказывал.

Они еще долго говорили об удивительной встрече. Антоний усматривал в этом какое-то предзнаменование. Он поверил в Стефана Мерулу и решил, что это, должно быть, будет его самый лучший друг. Антоний все перебирал в своей памяти рассказ Стефана о его детстве и находил много доказательств тому, что его новый друг непременно окажется человеком добрым и благородным. Но когда он сказал об этом Элию Сиру, тот отнесся недоверчиво к словам Антония. Он сказал, что в жизни не встречал благородного вилика, что таких, должно быть, нет на свете, а если отец Стефана Мерулы хоть сколько-нибудь похож на вилика Квинта, то как печально будет, если сын его окажется таким же злодеем.

Вот когда загорелся настоящий спор. Антоний стал горячо доказывать, что Элий Сир неправ, что он слишком подозрителен и что он, может быть, видит в поступках их собственного вилика пороки, которых в самом деле нет. На этот раз Элий Сир не стал выдавать своей тайны. Он не захотел огорчать Антония подробными рассказами о вилике Квинте. Он знал, что молодой господин непременно захочет что-то изменить, что он пойдет к отцу и передаст ему то, что, может быть, не следует передавать. Ведь неизвестно, как все это обернется, и, может быть, пострадает не вилик Квент, а сам Элий Сир. Разве трудно всемогущему вилику опорочить его, бедного раба, и лишить его того, чего он достиг ценой своей хорошей работы и верной службы молодому хозяину. Нет, он не должен рассказывать Антонию об ужасных пороках вилика Квинта, о его стяжательстве, о его скарденности, о его злобном нраве. Может быть, потом, когда он, Элий Сир, станет свободным, вот тогда он поступит по справедливости и попытается разоблачить злодея. Но, помня об этом, он не может верить в доброго вилика, сын которого, Стефан Мерула, встретился вчера с Антонием.

ХАРЧЕВНЯ И ЛАНИСТА

На склоне веселого праздничного дня, который показался Стефану особенно ярким и незабываемым, он, вместе с погонщиками ослов, зашел в харчевню закусить перед сном. Погонщики, уставшие за день, после сытного ужина поторопились уйти на ночлег.

Стефан остался в обществе очень веселого, приветливого человека, который рассказывал своему другу необыкновенно интересные истории о гладиаторах. Стефан только раз в жизни видел бой гладиаторов, и это незабываемое зрелище всплыло в его памяти, когда он услышал множество подробностей о том, как обучают искусству боя этих смелых и отважных юношей. Ведь каждый из них может стать героем, стоит ему лишь захотеть. Этот неизвестный человек рассказывал о том, как сытно кормят в гладиаторской школе, как усердно лечат каждого заболевшего гладиатора, как бережно ухаживают за ними, поручая массажистам массировать и натирать оливковым маслом их тела, чтобы каждый был подобен бронзовой статуе, чтобы им любовались и восхищались. Вначале этот веселый и довольно-таки болтливый человек обращался к своему знакомому, а потом незаметно стал обращаться к Стефану.

Стефан не заметил, как рядом с его миской, где плавали остатки гороха, оказалась кружка подогретого вина с водой. Он был увлечен рассказом, и голова шла кругом от всех впечатлений этого необычного дня. После первой была выпита вторая и третья кружка, и когда неизвестный спросил Стефана, откуда он и что делает здесь, в харчевне, Стефан рассказал ему о себе так, словно перед ним был старый друг, с которым он давно не виделся. Да и как было не рассказать о себе такому приветливому человеку: не по-

жалев времени, этот добрый человек вел беседу с неизвестным юношей.

Когда Стефану был задан вопрос, хотелось ли ему когда-нибудь стать гладиатором, тот, сверкая веселыми глазами, в каком-то тумане задорно ответил:

— А разве я гожусь? Туда ведь попадают избранные?

— Очень годишься, ты хорошо сложен, — ответил незнакомец. — Я уверен, ты мог бы стать одним из тех героев гладиаторского боя, которые всегда побеждают... и которых зрители награждают криками восторга.

— Ты так думаешь? Ты знаешь гладиаторов?

— О мой друг! Вряд ли есть человек, лучше знающий гладиаторов. Только сегодня я закупил пурпурные, шитые золотом туники для парадного шествия гладиаторов.

— Кто же ты?

— Я тот человек, который может сделать из тебя самого знаменитого гладиатора, стоит лишь тебе захотеть!..

— Как же так! — воскликнул Стефан. — Неужели это возможно? Правда, я никогда над этим не задумывался, не собирался... Я никогда не видел такого человека... Боже мой! Какой удивительный у меня сегодня день! словно во сне, со мной происходят необыкновенные встречи...

— Не знаю, какие были у тебя встречи, но встреча со мной может принести тебе счастье, это я точно знаю. Выпей еще вина и подумай как следует... разумеется, если тебе нужны деньги. Мне помнится, ты говорил, что отец твой откупился всего лишь год назад, да еще мечтает стать пекарем. Как ты думаешь, ему пригодились бы две тысячи сестерций?

Поистине со Стефаном творились чудеса. Ему предлагают именно ту сумму денег, которая нужна отцу, чтобы открыть пекарню. Что-то есть в этом таинственное и загадочное. Что за человек?.. И как это случилось, что он оказался в этой бедной харчевне?..

— Ты говоришь — две тысячи сестерций? Это... что такое? Плата за что-то? За работу?..

— Да. Это плата вперед за большую работу. Если бы ты захотел стать гладиатором, если бы ты захотел пойти в прекрасную помпейскую школу гладиаторов, известную даже в Риме... Если бы ты захотел стать героем, победителем, я бы мог тут же вручить тебе две тысячи сестерций.

— Но, может быть, я не гожусь для такого большого дела? Как ты думаешь, добрый человек, мои мускулы достаточно крепки и выносливы? Ведь в каждом бою есть не только победители, но и

побежденные. А что, если я окажусь среди побежденных? Что тогда?.. О, насколько я понимаю, это совсем не просто...

Мысль о том, что это совсем не просто, только на мгновение мелькнула в голове Стефана, но он тут же отбросил ее. Его собеседник с удивительным красноречием нарисовал ему картину беспечной, веселой и праздничной жизни в школе гладиаторов. И чем больше рассказывал Стефану ланиста — а это был ланиста, который как раз вербует молодых здоровых людей, чтобы научить их искусству убивать, — тем больше юноша загорался желанием связать свою судьбу с гладиаторской школой. Стефан не знал о том, что ланиста умышленно подсел к ним, когда он и погонщик ослов приняли за ужин, что ланиста подсел к ним именно потому, что обратил внимание на отличное телосложение Стефана, на его здоровый, цветущий вид и на мускулы, которые словно играли и переливались под смуглой кожей. За такими охотился ланиста. И если такого удавалось встретить в бедной закопченной харчевне, это была удача ланисты, его добыча. Чтобы привлечь юношу, ланиста и затеял разговор со своим приятелем. Он должен был завлечь юношу и заставить его заинтересоваться гладиаторской школой. Для этого добрый и приветливый на вид ланиста не пожалел нескольких кружек подогретого вина и много добрых улыбок. Он действовал верно. У него был многолетний опыт охотника за дичью. Однако этот юноша был довольно умен, независим. В тот момент, когда ланиста уже посчитал себя победителем, возникал новый вопрос, который внезапно отдалял победу.

— А смогу я навестить своих родителей, когда захочу? — спрашивал Стефан. — Ведь я у них один.

Он уже видел себя в этой пурпурной, расшитой золотом тунике во время парадного шествия. Он видел себя с мечом в руках после победы. Ему слышались крики восхищенных зрителей. Его горячее воображение прирожденного мима помогало ему увидеть именно ту картину, какую рисовал очень хитрый и опытный ланиста.

Однако Стефана тревожила мысль о том, насколько он потеряет свободу. Он понимал, что школа есть школа и надо кому-то подчиняться. Он только не знал главного... И, конечно, ланиста не сказал ему главного: что, став гладиатором, он до конца дней своих становится рабом. Стефан не мог знать, что рабство гладиатора — самое страшное из всех видов рабства. Из него нельзя выбраться, из него нельзя откупиться, как откупился его отец, собрав нужную сумму денег.

Рабство, о котором знал Стефан, было счастливым исключением хотя бы потому, что хозяин был человеком справедливым. В его поместье рабы не знали жестоких наказаний. Там никого

не забивали до смерти. Там никого не морили голодом. Наоборот, там ценили тех, кто был предан. Вот почему раб Мерула смог откупиться. Во многом это зависело от его хозяина, который платил ему за его честный труд, за его усердие и порядочность. Почему бы Стефану подумать о том, что он продает себя в рабство, он, который обрел свободу всего лишь год назад...

Когда хозяин харчевни с шутками и прибаутками стал выгонять засидевшихся, ланиста уже считал себя победителем. Но когда они вышли из харчевни и присели на камне у дороги, чтобы окончательно обо всем договориться, Стефан Мерула вдруг сказал, что он не решается без согласия родителей пойти в школу гладиаторов.

— Если хочешь,— сказал он,— я приду к тебе через месяц или два. Я должен вернуться домой, рассказать обо всем отцу.

— Что же ты думаешь, что я могу отложить это дело на целый месяц или даже на два? — закричал ланиста. — Ты что, смеешься или ведешь серьезный разговор с человеком? Я считаю тебя взрослым и умным. Я уверен, что тебе не нужно возвращаться домой и спрашивать родителей. Ты можешь решить все без них. Насколько я понимаю, тебе хочется помочь отцу, добыть ему денег для пекарни. Ты задумал хорошее, благородное дело. Я бы на твоём месте не стал отказываться от такого доброго дела. Если ты спросишь родителей, они не позволят тебе пойти в школу гладиаторов, им захочется видеть тебя каждый день. И для этого они готовы отказаться от всего, и даже от пекарни. Так бывает всегда, когда в семье только один сын.

Стефан молча слушал ланисту. Он колебался, страшился неведомого и в то же время очень желал получить все то, что обещал ему ланиста.

Видя, что разговор принял дурной оборот, ланиста шепнул на ухо приятелю, тот побежал в харчевню и вскоре вернулся с большим кувшином подогретого вина, смешанного с водой. Тут же, в полутьме ночной улицы, ланиста стал снова угощать Стефана, а Стефан, уже опьяневший, после новой кружки стал более сговорчивым. Ланиста, желая закрепить сказанное, пообещал Стефану очень скоро после того, как Стефан примет участие в гладиаторских играх и, разумеется, выйдет победителем, он поможет ему перебраться в Рим, на самую большую арену, где бой гладиаторов смотрят одновременно пятьдесят тысяч человек.

— Ты будешь увенчан лаврами и засыпан золотыми монетами,— говорил ланиста. — Вот я смотрю на тебя и словно вижу твои подвиги и удачи. Поверь мне — твой жребий будет счастливым.

«Отец боялся, как бы меня не увлекли мимы или акробаты,— подумал Стефан.— А что же он скажет, когда узнает, что я продался в эту школу?.. Ведь он будет недоволен. Он столько раз наставлял меня остерегаться дурных людей. Но ланиста не дурной человек... Наоборот, он прекрасный человек и щедрый. Он угощал меня подогретым вином, не жалея затрат, словно я его лучший друг. Почему не довериться такому человеку?»

— Ну что ж... Завтра подпишем с тобой свиток,— сказал вдруг Стефан, словно отмахиваясь от своих мыслей, которые удерживали его, как в узде, и не давали сделать последний решительный шаг.

— Зачем же завтра? — возразил ланиста.— Мы и сейчас это сделаем. Вот только добудем светильник, чтобы ты видел, где поставить свое имя. Надеюсь, ты грамотен?

— Как ты мог в этом усомниться?.. В имении нашего господина нет человека более грамотного, не считая Евтиха. Перед отъездом в Помпеи он поручил мне сделать записи в календарии. А ты спрашиваешь, грамотен ли я!

Ланиста снова наполнил чашу, подал ее уже совсем охмелевшему Стефану и тут же послал приятеля за светильником. При свете одного маленького фитилька Стефан размашисто поставил свое имя на свитке. Он не знал, что там было написано, но помнил, что надо получить деньги, и, протянув руку, потребовал денег.

Когда ланиста предложил отложить выдачу денег до утра, Стефан заупрямился. Он сказал, что желает немедленно получить деньги и тотчас же отнести их Евтиху, чтобы тот передал отцу. Евтих пообещает родителям, что Стефан скоро вернется.

— Но теперь, когда ты подписал этот свиток, когда ты стал учеником помпейской школы гладиаторов, ты уже не можешь уйти куда-то, к какому-то Евтиху, к каким-то погонщикам ослов,— сказал ланиста совсем другим тоном, вовсе не таким приветливым, как говорил прежде.

— Зачем же мне деньги, если я их не смогу передать отцу! — воскликнул Стефан, и ланиста увидел, как красивое лицо юноши перекосилось от злобы, а руки сжались в кулаки.

Стефан был пьян, но все же он ни на минуту не забывал о том, для чего был подписан свиток и для чего он решил остаться в Помпеях. Ланиста это понимал, и он предложил юноше сопровождать его до харчевни, где остановился Евтих и погонщики ослов.

— Хорошо, я дам тебе денег,— предложил ланиста.— Ты получишь их у ворот харчевни, войдешь, отдашь и вернешься ко мне, иначе тебе будет худо...

— Что же я — вор или мошенник? — воскликнул Стефан, гне-

ваясь на ланисту и размышляя о том, не потребовать ли обратно свиток, не отказаться ли от затейного. Мысль о том, что следует отказаться, не была им высказана, но она тревожила его и заставляла воспринимать теперь ланисту уже не так дружески.

Приятель ланисты, который молча, с улыбкой выслушивал все его разговоры в этот вечер, человек, который не произнес и слова, а только поставил свою подпись свидетеля на свитке, вдруг вмешался в разговор и, обратясь к Стефану, сказал:

— Тебе выпало великое счастье, молодой человек. Тебя оценили по достоинству, а ты, видно, не понимаешь этого. Советую тебе: береги свое счастье, не отрекайся от него — и ты станешь знаменитым не только в Помпеях, но и в Риме. Будь отважным и не страшись будущего. Может быть, ты думаешь, что гладиатору нельзя жениться? Ты заблуждаешься. Человек, который пользуется доверием, может обзавестись семьей и, получая большие деньги, унося на дорогом подносе драгоценные подарки, он может содержать свою семью в довольстве. Если ты думаешь, что жизнь гладиатора коротка, ты тоже заблуждаешься: все знают, что был такой Пегниарий Секунд, который скончался в возрасте девяти лет. Правда, он сражался палками и хлыстами, но в синяках и шишках он прожил долгую жизнь.

— Пошли, — предложил Стефан, — отнесем деньги Евтиху, и, если у него найдется вошенная дощечка, я напишу родителям письмо.

Было уже далеко за полночь, когда они пришли на постоянный двор, где трубному зову ослов вторил храп беспокойных постояльцев. Евтих и погонщики ослов устроились на сеновале, и Стефану стоило больших трудов разбудить их. Евтих долго не мог сообразить, о чем говорит ему Стефан и почему этот разговор происходит ночью, впотьмах. Он не сразу понял, почему Стефан дает ему две тысячи сестерций. За что?.. От кого?.. Но когда Стефан уже в десятый раз повторил ему одни и те же слова о том, что эти деньги он посылает отцу на устройство пекарни, что он получил их за честный труд, что скоро он выполнит все задуманное и сообщит о себе отцу и матери, тогда лишь Евтих понял, что он должен взять эти деньги от Стефана для Мерулы.

— Но ведь ты вернешься вместе с нами? — спросил Евтих. — Зачем же ты отдаешь мне деньги? К тому же я не понял, как ты мог так много заработать за эти дни. Да простит мне добрая богиня, не ограбил ли ты богатого купца?

— Не говори глупости, Евтих... Дай вошеную дощечку, я сам напишу обо всем отцу! Зажги фитилек в этом сломанном глиняном светильнике... Я вижу, что спросонья тебе не понять меня.

Евтих зажег фитилек и подал Стефану вошеную дощечку и стиль. Стефан дрожащей рукой написал отцу несколько строк. Он сообщил ему о том, что нашел способ добыть именно ту сумму, которая так нужна отцу для пекарни, и эти две тысячи сестерций он посылает с Евтихом; что для доброго дела ему надо остаться пока в Помпеях, а потом, может быть, счастливая судьба забросит его в Рим... Он писал о том, что все будет прекрасно, и не ушел он ни с мимами, ни с акробатами, и пусть родители не думают о нем дурно... А он остается любящим сыном Стефаном Мерулой.

— Об одном только прошу тебя, Евтих: передай отцу эту дощечку и деньги, и он все поймет и будет доволен.

Евтих спрятал под толстой холщовой туникой завернутые в тряпку деньги и пообещал Стефану, что все будет сделано, как ему угодно, а утром они обо всем еще потолкуют. Стефан не стал говорить о том, что утром он будет уже далеко отсюда и прийти снова не сможет. Сейчас он был озабочен тем, что за воротами ждет ланиста со своим приятелем, а он должен вернуться к ним, потому что получил две тысячи сестерций и подписал свиток.

Голова у него кружилась, на сердце была тревога и страх перед будущим. Подогретое вино словно распустило свои пары и стало бросать его в разные стороны. Впервые за весь вечер Стефан вдруг понял, что он не держится на ногах и что больше всего в жизни ему хотелось бы сейчас свалиться где-нибудь и выспаться. Когда ланиста набросился на него с бранью, а потом даже размахнулся, чтобы подтвердить, что брань эта нешуточная, Стефан вдруг понял неладное в поведении ланисты и спросил:

— Почему ты лезешь в драку, словно тебя подменили и передо мной уже не тот благородный человек, с которым мы так славно посидели в харчевне? Куда девалась твоя приветливость?

— А ты думал, что вместе с такими большими деньгами ты получил в придачу няньку?.. Пойдем на место, да поскорей! Теперь ты уже не волен делать все, что задумаешь. Отныне ты ученик гладиаторской школы и помни об этом постоянно. Я о многом тебе рассказал, но забыл напомнить об одном важном обстоятельстве... За провинность у нас сажают в карцер. А каково там, ты сам узнаешь, если будешь вести себя дурно.

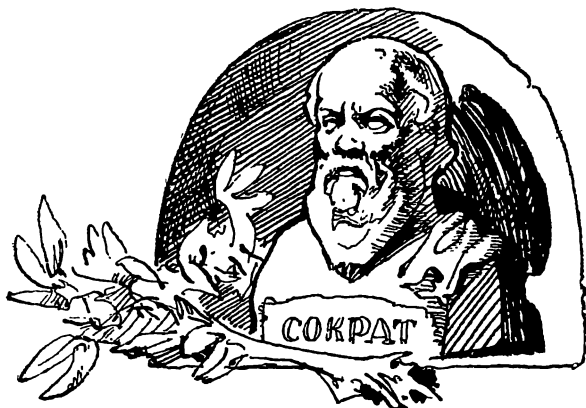
От этих слов в голове Стефана сразу прояснилось. Ужас обуял его от одной короткой фразы ланисты, и он сразу понял, что сделал что-то непоправимое и тяжкое для себя. Что ждет его в этой гладиаторской школе?.. Может быть, все разговоры о счастливой судьбе героев гладиаторской битвы — все это выдумки, а в самом деле в этой школе он найдет гибель?

— Когда ты звал меня в школу, ты не говорил, что сделаешь

меня бесправным рабом! — воскликнул Стефан. — Я не пойду с тобой. Забери свои две тысячи сестерций и отдай мою расписку. Не пойду!..

Но ланиста поволок его, и когда Стефан сопротивлялся, он бил его кулаками.

В каком-то тумане Стефан добрался до школы гладиаторов. Он не помнил, как они прошли обширный двор. Не помнил, как очутился в темной камерке, рядом с храпящим человеком. Не помнил, как уснул. Проснулся он от удара хлыстом. Полуголый старик со шрамом на лице требовал немедленно покинуть камерку и бежать за едой, пока не поздно, потому что нянек здесь нет и еду выдают в течение получаса, не более. Во дворе он увидел, как здоровые, загорелые юноши поливаются холодной водой из колодца. Он последовал их примеру и, освежившись немного, побежал вслед за ними в помещение для еды. Здесь каждому выдавали миску с горячей гороховой похлебкой.

СЫН СПОРИТ С ОТЦОМ

В этот день Антоний нарушил обычный порядок. Он ворвался к отцу утром, во время занятий, в сильнейшем возбуждении, с толстым свитком Лукреция в руках.

— Отец! — воскликнул Антоний. — Теперь я понял: мой любимый Лукреций полностью отрицает богов. Он совершенно отчетливо говорит, что не боги создали мир. Почему ты мне не говорил об этом раньше? Хотел бы я знать, согласен ли ты с ним.

— Когда Лукреций говорит о могуществе и силе человеческого мышления, — отвечал Манилий Тегет, — я с ним согласен. Но когда он отрицает влияние богов на мир, созданный вокруг нас, я с ним не согласен.

— Но ты послушай, отец, что он пишет...

О человеческий род несчастный! Какие явления
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и ввукам!

— Не поддавайся настроению этих стихов, Антоний. Жизнь состоит из радостей и горестей, которые неизменно чередуются. Естественно, что горести и муки вызывают у людей стенания, и человек обращается к богам за помощью, за советом. А если бы не было этого, то, посуди сам, как жил бы человек, не имея опоры и надежды. Твой возлюбленный Тит Лукреций не всегда говорил то, что мы принимаем и во что верим,

— Но ты послушай, отец, он осмелился сказать такие слова, что, услышав их, жрец храма Аполлона предал бы его проклятью.

...Я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир...

Вот какие слова говорит Лукреций...

— Видишь ли,— отвечал отец,— Лукреций спорит с теми, кто хотя и верят, что боги не вмешиваются в человеческую жизнь, но все же считают, что где-то в мировом пространстве существуют боги. Я отлично знаю, что великий поэт был верен своей идее, будто счастье человечества требует уничтожения всякой религии. Ведь он был убежден в том, что религия несет с собой гнет и порабощение. Должен тебе сказать, что и веру в загробный мир, и боязнь ада поэт рассматривал как самое великое препятствие для счастливой жизни человека. Я все это знаю, но повторяю, что не являюсь сторонником этой мысли.

— А вот я поверил, отец, поэту, когда он говорит о том, что познание истинных законов природы освободит человека от суеверного страха. Ты ведь знаешь, Лукреций считает, что первых богов на земле создал страх... И как хороши вот эти его стихи... Послушай, отец!

У кого не сжимаются члены в испуге,
Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
Молнии, а небо кругом огласят громовые раскаты?..
И наконец, когда вся под погами колеблется почва,
Падают или грозят города потрясенные рухнуть;
Что же тут странного в том, если так поколения смертных
Уничтожают себя и всецело богам оставляют
Чудные силы и власть управления всею вселенной?..

— Однако согласись, Антоний, что тот человек, который в очень давние времена в испуге прислушивался к грохоту грома и рассматривался к сверканию молний, тот бедный неискушенный человек... если бы он не поверил в бога, который должен его сберечь, охранить, помочь ему, то как бы он жил, несчастный? Страх раздавил бы его. Боюсь, что не было бы человечества, если бы в очень давние времена вера в богов не вела бы человека вперед по пути разума. Лукреций считает, что огонь — не дар неба, не дар богов, а явление, которое мы получаем при трении ветвей или в том случае, когда деревья воспламеняются молнией. Но если согласиться

с ним, что огонь дан не богами, а случаем, то надо верить, что боги наделили человека разумом, который позволил ему понять природу и воспользоваться ее благами. Я согласен с мнением Лукреция о том, что человек постепенно познавал природу и постепенно разгадывал ее тайны, что позволило ему все лучше и лучше устраивать свою жизнь. Разумеется, что когда в руках человека была только палка, камень и вечный огонь костра — потому что погасить его значило лишиться самого большого блага, а зажечь костер было совсем не просто в те времена, — человек не мог создать себе то благополучие, каким владеем мы с тобой. Должно быть, в ту пору на всей земле не было построено ни одного здания, потому что нечем было добывать камень и никому в голову не пришло, что залежи мрамора или базальта могут сослужить добрую службу.

Из древних летописей я узнал, что в Египте тысячи лет назад город начинал строиться с храмов. Люди угождали богам, а потом уже воздвигали жилища...

Манилий Тебет весело рассмеялся, а Антоний, перебирая в руках свиток и перечитывая отдельные строки, размышлял над тем, что так его озадачило.

В сущности, Антоний вполне мог согласиться с отцом, потому что сказанное отцом было ближе его пониманию. Но загадочные строки ученого-поэта манили его своей туманностью и непостижимостью. Ему очень хотелось представить себе жизнь на земле без богов, без храмов, без тех многочисленных ритуалов, с которыми он сталкивался каждый день и против которых так смело и решительно выступил его любимый поэт.

Антоний призадумался над рассуждениями Лукреция о сновидениях. Поэт говорил о том, что сновидения, по его мнению, как раз и сыграли самую большую роль в создании богов. Но Лукреций считал, что сон есть следствие такого состояния тела, изможденного физической усталостью, когда члены становятся дряблыми, опускаются веки, бессильно гнутся колени, чувства ослабевают. Он видит во всем этом потребность тела в отдыхе, но он не считает, что это есть состояние оцепенения или воздействие какой-либо высшей силы, воздействие бога. А тело, которое продолжает во сне переживать впечатления, полученные наяву, дает толчок сновидениям. Ведь душа спящего продолжает бодрствовать, и человек во сне нередко переживает все, что произошло с ним накануне.

— Мне это трудно понять, отец, — говорил Антоний, показывая на строки, толкующие о снах и сновидениях и отрицающие всякие суеверия. — Ведь в нашем доме многое делается по велению

богов. Я как-то не могу совместить в своем разуме то, что знаю, то, к чему привык, и то, к чему призывает меня мой Лукреций.

— Ты еще молод, Антоний. Опыт твоей жизни еще так мал, что было бы удивительно, если бы ты постиг столь загадочные вещи. Однако я верю, что с годами ты многое начнешь понимать. Я рад, что у тебя возникают вопросы и что ты приходишь ко мне, чтобы воспользоваться опытом моей жизни. И впредь поступай так, сын. Наши предки создали не только божественную поэзию; ты знаешь, были среди них и великие мыслители. Я тебе говорил о поэте-философе Квинте Эннии. Он перевел на латинский язык греческих мыслителей Эпихарма и Евгемера Мессенского. Кстати, когда ты поймаешь Лукреция, то переводы Энния тебя заинтересуют. Эти мыслители высмеивали прорицателей и суеверных жрецов, которые сулят сокровища тем, кто дает им за эти предсказания монетку. А сам Энний говорил: «Я всегда утверждал и снова утверждаю, что небесные боги действительно существуют; но я полагаю, что они вовсе не заботятся о том, что касается судеб человеческих: ведь если бы они об этом заботились, то добрым людям жилось бы хорошо, дурным — плохо, но на деле этого не видно».

— Эти слова я запишу себе на память. Очень они мне нравятся. Они хороши потому, что стоят между теми, кто верил в существование богов, и теми, кто согласен с Лукрецием.

— Постарайся понять и тех и других, — сказал отец. — Ученый должен многое знать. И сомневаться он должен. Иначе не быть ему ученым.

— Знаешь, отец, больше всего мне нравится та свобода, которую ты даешь мне в моих занятиях. Ты позволяешь мне бросаться в разные стороны. Каждый раз я пытаюсь поверить в учение, совершенно противоположное тому, что я знал вчера. Ты ни к чему меня не принуждаешь и этим больше всего привлекаешь меня к наукам.

Манилий Тетет рассмеялся. Он ласково погладил сына по плечу и сказал:

— На то я и философ, сын мой. Для того чтобы постичь неведомое, нужно возможно больше узнать. А если мы утвердимся на чем-то и не пожелаем вникнуть в рассуждения других ученых, подумай, как односторонне будет наше представление о жизни, о мироздании и обо всем том, что мы стараемся познать, вникая в великие тайны природы. Пока ты еще молод, я предоставляю тебе право изучать все, что тебе интересно, и менять свои представления. Я верю в то, что наши представления так же непостоянны, как и явления природы, которые непрестанно меняются. Ты согласен со мной, Антоний?.. Мы хорошо поговорили с тобой этим славным

ясным утром. А теперь оставь меня. Займись своими делами и по-
жалуй ко мне через два дня. Мои ученики хотят со мной потолко-
вать о нашем великом ораторе Марке Туллии Цицероне. Я много
раз говорил тебе об этом талантливом ораторе. Люди, хоть раз
услышавшие его блестящую речь, долго потом помнили о ней и рас-
сказывали друг другу. А тебе это принесет пользу.

— Мало того,— сказал Антоний,— я буду счастлив узнать по-
больше об этом удивительном человеке. Мне кажется, что умнее его
не было среди римлян.

ЕВТИХ ПОТЕРЯЛ СТЕФАНА

Когда Евтих проснулся на сеновале и обнаружил под туникой деньги, завернутые в тряпку, и вощеную табличку, его словно молнией ударило по голове. Он вскочил, выбежал на грязный, заваленный сеном и остатками пищи двор. Здесь стояли груженные поклажей ослы и переговаривались люди, нашедшие приют на одну ночь. Он подбежал к погонщикам ослов. Одни кормили животных, другие таскали воду из колодца, чтобы их напоить. Евтих искал среди них Стефана, но не находил. Он спросил, кто из них видел Стефана. Никто не видел. Никто ничего не мог сказать.

— Куда же он девался? Ведь ночью он был здесь? — спросил Евтих.

Но погонщики с удивлением смотрели на взволнованного Евтиха. Несмотря на то что Стефан будил их точно так же, как он будил Евтиха, никто из них не помнил этого и никто не видел, как Стефан отдавал деньги Евтиху, как писал свое письмо на дощечке. Это знал только Евтих. И когда он понял, что Стефана нет на постоялом дворе, он решил поискать его на форуме, на просторных красивых улицах Помпей, где нередко бродили мимы и акробаты.

Евтих решил прежде всего поискать Стефана среди мимов. Не откладывая, крайне озабоченный всем тем, что произошло ночью, он, браня себя за легкомыслие и сонливость, поспешил в город. Он был в полной уверенности, что найдет Стефана и теперь уже во всех подробностях узнает, что случилось с юношей.

По дороге Евтих вспомнил, как, прощаясь с сыном, Мерула просил его быть серьезным и степенным, поменьше бегать за мимами

и не тратить денег на театр. Отец просил не волочиться за красивой рабыней, которая, может быть, пленит его на подмостках.

«Я видел этот театр лет пятнадцать тому назад,— говорил сыну Мерула,— там все были красивы и голосисты. А танцы! Бог мой, что за танцы!.. Но я не побежал за той юной и прекрасной танцовщицей, что завладела моим сердцем,— признался старый Мерула,— я бросил к ее ногам бронзовый браслет, купленный для твоей матери, и... Советую тебе, сын мой, сделай то же самое... Пусть мой сын Стефан Мерула трудами своими создаст себе благополучие. Кто знает, может быть, в самом Риме есть дом с мраморными колоннами, который когда-то станет твоей собственностью. Великий Рим манит к себе и зовет. Впереди у тебя большая жизнь, сын».

Вспоминая этот разговор отца с сыном, Евтих с тревогой в сердце шагал по чистым красивым улицам Помпей, и лишь изредка взор его останавливался на мраморных колоннах роскошных вилл, резных карнизах и капителях, а иной раз он ловил себя на том, что в задумчивости смотрит на голубое облако, нависшее над Везувием.

В это раннее утро он встретил многих пекарей, которые тащили на головах корзины со свежими душистыми хлебами. Он встречал рыбаков, которые несли на виллы богатых еще бьющуюся, живую рыбу. Навстречу ему шли фуллоны со свертками мягкой шерстяной ткани... А когда он очутился на форуме, он увидел, что там уже трудятся строители, которые восстанавливают полуразрушенный храм, пострадавший во время землетрясения несколько лет назад.

Евтих шел дальше и дальше. Но это ясное солнечное утро нигде не оглашалось веселым смехом толпы, окружившей мима. Он брел по городу в тревоге и тайной надежде, что вдруг встретит самого Стефана и тогда ему уже не потребуются никакие мимы. Он схватит его за руку и уже не будет с ним разлучаться до тех пор, пока они не покинут Помпеи, не вернутся в поместье, где так хороша длинная тенистая аллея, обсаженная буксом и розмарином, где смоковницы и шелковицы раскинули свои зеленые кроны и где благоухают левкой.

Стоило Евтиху подумать о поместье, как сразу же возникла картина мирной сельской жизни и какого-то необыкновенного спокойствия, какого не может быть даже в маленьком городе, таком, как Помпеи. Евтих был озабочен происшедшим еще и потому, что оставалось мало дней до возвращения в поместье. Мерула строго наказывал, чтобы все дела были закончены заранее и чтобы они вернулись к празднику Форнакии. Это был любимый праздник Мерулы, когда в честь богини Форнакии — богини очага и печения

хлеба — устраивались празднества. В знак благодарения богине за хлеб нового урожая пекли лепешки на открытом очаге. Естественно, что Меруле, который послал зерно для Помпей, хотелось в день любимого праздника знать, что все обошлось хорошо и что продажа пшеницы сделана с большой выгодой и для господина, и для него, вольноотпущенника Мерулы.

Размышления Евтиха были прерваны криками босоногих мальчишек, которые мчались к площади, сообщая всем на свете, что мимы идут и начинается представление.

«Вот где я найду Стефана!» — подумал Евтих и поспешил вслед за мальчишками.

На обширной площади обещало разыгаться большое представление. Тут было несколько мимов. Вольноотпущенник из греков, Евтих уже не впервые смотрел мимов, но то, что сейчас предстало перед ним, было особенно интересно. Евтих давно слышал об этом театральном представлении, которое было названо по имени известного разбойника Лавриола. И вот Евтих видел, как раб Лавриол убегает от своего хозяина и становится вожаком шайки разбойников. Раб, убегая, падает, разбивается, плюется кровью, а преследующие его солдаты, вместо того чтобы гнаться за ним, тоже начинают плевать кровью. Каждый старается плюнуть дальше другого. Они спорят, ссорятся... А тем временем показывают, как Лавриол грабит путешественников и как преследующие его солдаты не могут его поймать. Представление это закончилось печально. Вожак разбойников все же попадает в руки солдат и погибает на кресте.

Евтих так увлекся мимами, что даже забыл о цели своего прихода на эту площадь, и когда собравшаяся толпа криками благодарила за доставленное удовольствие, а щедрые стали бросать на деревянную тарелку старого мима мелкие монеты, Евтих кинулся в толпу, стал расталкивать людей, чтобы увидеть наконец Стефана, который, по его представлению, должен был быть здесь.

Толпа растаяла так же быстро, как и собралась, а Стефана не оказалось. И Евтих в полном недоумении и тревоге пошел вслед за группой акробатов в надежде, что их представление снова привлечет толпу, а вместе с ней и Стефана...

Евтих вернулся на постоянный двор уже в сумерках, голодный и встревоженный. В нем теплилась маленькая надежда, что Стефан ждет его на постоялом дворе, что он сидит вместе с погонщиками ослов и рассказывает свои веселые истории. Но Стефана здесь не оказалось, и Евтих уже не мог придумать, где же его искать. Он прочел письмо, написанное рукой Стефана, но ничего не понял. Куда же девался Стефан? Однако он обещает Меруле сообщить о себе подробно и обстоятельно. Если обещает, то сообщит. Но как

легкомыслен юноша! Ничего толком не сказал. И он, Евтих, должен решиться покинуть Помпей без сына Мерулы...

Этот постоялый двор находился недалеко от Помпей, на дороге, ведущей в Нолу. На каменных скамьях у входа постоянно сидел кто-либо из путешественников. У колодца во дворе толпились погонщики, слышались крики и брань. Здесь всегда было оживленно и настолько многолюдно, что хозяин не успевал подогревать вино на открытом очаге, а хозяйка не успевала испечь достаточное количество хлебов, потому что каждый, покидающий постоялый двор, желал купить себе хлеба в дорогу. Однако Евтиху и погонщикам, которые провели на этом постоялом дворе целую неделю, припасли в дорогу и хлеба и сыра.

Люди, посланные Мерулой, тронулись в обратный путь как раз за неделю до праздника Форнакии. И хотя Евтих знал, что праздник у Мерулы будет омрачен отсутствием сына, он утешал себя тем, что Стефан не просто исчез, а предупредил о том, что он останется в Помпеях, да к тому же послал две тысячи сестерций, заработанных им каким-то неведомым путем. Так или иначе, Евтих не может считать себя виновником в этом происшествии. Он был посредником и все свои обязанности выполнил с достоинством.

ВИЛИК МЕРУЛА

Над деревянными воротами большого дома, где было много комнат для хозяев и достаточно каморок для рабов, виселась небольшая надстройка. В ней жил управляющий поместьем Потин Мерула, вольноотпущенник.

Вилик Мерула недавно обосновался в этом тесном низком строении. Всего лишь год назад он стал свободным. И год назад он стал виликом. Восемнадцать лет Мерула, раб Потина Теренция, ютился в маленькой темной каморке. Там едва хватало места одному, а помещалось трое. Так долгие годы жил он с женой и сыном и копил те небольшие деньги, которые ему удавалось получить за усердно сделанную работу. Он копил с надеждой, что настанет день освобождения. Он долго ждал. И такой день настал. Меруле никогда не забыть утро этого удивительного дня, когда хозяин поместья Потин Теренций призвал свидетелей и при них сказал:

— Мой раб Мерула, его жена Клеида и сын его Стефан отныне свободны...

Как завидовали Меруле рабы Потина Теренция! И как зло насмехался над ним старый вилик! Словно он чувствовал, что господин Потин Теренций попросту прогонит его и все дела по хозяйству поручит вольноотпущеннику Потину Меруле.

Однако это произошло не случайно. У Мерулы было большое преимущество перед другими рабами. Его очень ценил господин. Потин Теренций давно уже выделил его среди многих купленных им в Риме рабов. На то были важные причины. Дело в том, что доставшееся в наследство жене Потина Теренция поместье много лет

приносило убытки. Потин Теренций не очень умело вел хозяйство. Вначале он было растерялся, но потом отправился в Рим и закупил рабов, поручив виллику разумно их использовать. А тех, кто много лет неумело трудился на этой земле, он продал. К счастью, старый виллик послал раба Мерулу на виноградник. К счастью потому, что у Потина Мерулы была особенность, которой он отличался от многих рабов: Мерула очень любил землю, на которой трудился. Он с малых лет питал любовь и привязанность к тому куску земли, который ему приходилось возделывать. И когда судьба обернулась злой мечехой, когда он оказался рабом в поместье Потина Теренция, он сказал себе:

«Не измени своей верности, Мерула. Не меняй своей привязанности к земле, Мерула. Она священна. Она прекрасна. Она вечно служит людям. Люби ее, будто она твоя, как в доме твоего отца».

Потин Теренций, воспитанный в семье богатых землевладельцев, никогда прежде не встречал среди своих рабов столь честного и преданного работника.

Когда Мерула вместе с другими рабами был послан возделывать виноградник, он так умело взялся за работу, что старый виллик очень скоро сделал его старшим над несколькими рабами — людьми равнодушными и мало смыслящими в этом деле. И вот как-то, когда Мерула показывал рабам, как обрабатывать землю, отведенную под виноградник, случилось, что проходил мимо Потин Теренций. Господина удивило необычайное усердие раба. Он заговорил с ним и услышал много полезных вещей, которые не были ему известны и которые были ценны для хозяйства.

Раб обратил внимание господина на склоны холма, которые безрассудно использовались под пастбище, тогда как могли быть засажены самыми ценными сортами винограда. Мерула сказал тогда господину, что берется расширить виноградник за счет этих пастбищ, если ему дадут в помощники еще несколько человек и позволят, чтобы ему помогала жена.

— Куда же я дену столько винограда? Не строить же винодельню! — сказал Потин Теренций.

— А почему бы не построить винодельню? — ответил Мерула. — Почему бы не соорудить просторные подвалы, заготовить достаточно много амфор...

— Откуда ты это знаешь?

— У моего отца был виноградник и давяльный пресс. Я знаю, как с ним обращаться, знаю, как сделать площадку, где можно ногами давить виноград.

— Тогда принимайся за дело, — предложил Потин Теренций.

Именно предложил, а не приказал. Он отнесся с большим доверием к рабу, который был таким разумным и преданным.

Вот тогда раб Потин Мерула устроил винодельню, которая потом прославилась во всей округе. Очень хорошие подвалы с достаточным количеством сосудов для вина, пресс для выдавливания сока, разумно сделанные желоба, по которым сок стекал в специальные чаны по свинцовым трубам,— все это было ново в хозяйстве Потина Теренция. Вначале, пока еще не расширились виноградники, вина готовили немного, а потом с каждым годом его стали делать все больше и больше. И настало время, когда на больших глиняных амфорах можно было прочесть, что вино изготовлено пять лет тому назад, а потом и десять лет назад, и пятнадцать... У Потина Теренция охотно покупали вина из душистого черного винограда, выросшего как раз на склонах того холма, где прежде было пастбище.

Потин Теренций уже забыл то время, когда поместье существовало в убыток. И несмотря на то что старый вилик был не очень расторопен и не все делал разумно, Потин Теренций получал изрядные деньги. Неожиданно свалившееся на него богатство добывал ему Потин Мерула. Господин всегда помнил об этом и позволял Меруле выполнять какие-то работы, которые давали рабу немного денег.

На протяжении многих лет раб Мерула был помощником вилика. И когда наконец, через восемнадцать лет, Мерула принес все свои сбережения и сказал, что он хочет откупиться и готов вольноотпущенником работать у господина, Потин Теренций согласился. Этим он по справедливости оплатил рабу за верную службу.

Потин Теренций не отличался ни мягкостью характера, ни щедростью, ни добротой. Но он всегда был справедливым в отношении рабов, так же как он бывал справедливым в отношении равных себе, с которыми вел торговлю.

Вполне возможно, что Потин Теренций прослыл бы человеком сердечным и отзывчивым, если бы он не подчинялся и не попадал под влияние своей жены Скантии, которую называли не иначе, как «Злобная Скантия». Скантия всегда вмешивалась в дела поместья, потому что оно досталось ей по наследству и она считала себя главной. Она требовала отчета обо всех торговых сделках. Скантия слишком много указывала старому вилику, как лучше использовать рабов и как экономить на их пище и одежде. Скантия была злым духом в поместье Потина Теренция. Если бы она всегда была здоровой и деятельной, то вполне вероятно, что рабы попытались бы ей отомстить за ее злобный нрав. Но она часто болела, не могла ходить целыми месяцами и злобу свою изливала только

на тех рабынь, которые ее обслуживали. Пользуясь этим, Потин Теренций мог поступать так, как он считал нужным, и не очень прислушивался к мнению Скантии.

Когда госпожа узнала о том, что Потин Теренций, не спросив ее, отпустил семью Мерулы да еще взял совсем небольшой выкуп, она от ярости чуть не потеряла дар речи. Все рабы только и говорили о том, как свирепствует Злобная Скантия. Но Потин Теренций не хотел менять своего решения. Он набрался терпения и объяснил жене, какие выгоды им сулит освобождение Мерулы.

— Ты подумай, Скантия, как выгодно нам получить все накопления, сделанные рабом почти за два десятка лет, а он, Мерула, хоть и будет вольноотпущенником, но трудиться станет еще больше и лучше. Ты даже не знаешь, как завидуют мне наши соседи. Всем хотелось бы иметь такую винодельню, как у нас. Но сколько они ни приглядывались к нашему хозяйству, им не удалось пойти по нашим стопам. У них нет Мерулы... И жена Мерулы — Клеида, и сын его Стефан — все верно служат нам. Но я точно знаю, что впредь они будут служить еще лучше.

— Ты имел собственность. Ты имел человека, которого мог продать, обменять, сделать все, что угодно! — говорила Скантия. — А теперь, когда ты сделал его виликом да еще вольноотпущенником, он посчитает себя равным тебе. Ты еще посмотришь, как он себя покажет! Я не доверяю рабам...

И, повязав свою голову тонким полотном, Скантия заохала и свалилась на свое деревянное ложе, устланное мягкими подушками и шерстяными коврами.

Потин Мерула не знал о том, какой разговор вела Скантия с господином. Он не знал, как она противилась его освобождению, но очень тревожился: он отлично знал злобный нрав госпожи и боялся, как бы она не помешала.

Забываясь о выкупе, Мерула больше всего мечтал увидеть свободным своего сына Стефана. Ведь Стефану посчастливилось научиться грамоте у благородного и образованного грека Евтиха. А грамотный юноша-вольноотпущенник может покинуть поместье и двигаться вперед, получив достойную службу даже у эдила.

В тот день, когда свидетели подписали документ, где было сказано, что раб Потин Мерула, его жена Клеида и сын Стефан отныне свободны, — в тот день Потин Мерула понял, что не напрасно он любил землю и так преданно служил ей.

— Земля нам отплатила, — сказал он жене.

Однако обязанностей теперь было еще больше. Став виликом, Потин Мерула дни и ночи проводил в трудах и заботах. Впервые с тех пор, как он стал заниматься хозяйством своего господина, Ме-

рула сам договорился о выгодной продаже зерна и вина. Он связался с человеком, посланным помпейским эдилом для покупки зерна. Он нашел купца из Рима, который захотел купить вино для богатой столичной харчевни.

Потин Теренций по-прежнему во всем доверялся Меруле, но сейчас он и сам принимал участие в делах хозяйства. Беда заставила его вникнуть во все области хозяйства своего обширного поместья. Все дело в том, что, когда был изгнан старый вилик, Потин Теренций впервые за много лет вздумал заглянуть в толстый календарий, где постоянно велись все записи о доходах и расходах по хозяйству. Записи, сделанные очень грамотным и аккуратным Евтихом, были правильными. Но господин вдруг увидел, что вилик отдавал ему ничтожную сумму денег, пользуясь его доверчивостью. И, как видно, все остальное он присваивал. И тут Потин Теренций увидел, что его старый вилик был не только нерасторопным, но, самое главное, он был бесчестным. На протяжении многих лет он грабил своего господина с удивительным коварством и беззастенчивостью. Теперь господин понял, как трудно и сложно было вести хозяйство. И еще больше оценил Мерулу, который и сейчас, через девятнадцать лет после того как он явился в поместье Потина Теренция, был безупречно честен и правдив.

Когда было решено отправить зерно помпейским пекарям, Потин Теренций хотел было послать с караваном Мерулу, но оказалось, что предстоит уборка винограда и заготовка вина. Все это без Потина Мерулы осталось бы без присмотра. И тогда было решено послать Евтиха во главе каравана, а в помощники ему дать Стефана.

В тот день, когда вилик отправлял своего сына в Помпеи, Потин Теренций вел переговоры о продаже вина. Он договорился отправить в столицу тридцать амфор выдержанного вина. Так как Меруле невозможно было бросить хозяйство, господин решил сам отправиться в Рим и приказал упаковать глиняные сосуды. На каждой амфоре ставили печать с именем Потина Теренция. Для каждого сосуда была приготовлена ивовая корзинка. Эти сосуды были поставлены на двухколесные тележки, запряженные ослиами. И вот Потин Теренций отправился в путь, взяв себе в помощники верных рабов. На деньги, полученные за вино, Потин Теренций задумал купить серебряную, с чеканкой посуду. Она стоила очень дорого, но зато могла достойно украсить стол. Потину Теренцию давно уже хотелось показать гостям, как он богат.

Покидая свою усадьбу, Потин Теренций уже заранее представил себе те сосуды и кубки, которые он купит. Он словно видел искусно сделанные изображения птиц и животных на больших блю-

дах, предназначенных для дичи. Богатый сосед давно уже хвастал серебряными блюдами и чашами. Когда Теренций вспоминал об этом, ему хотелось возможно скорее добраться до Рима, продать вино и наконец завладеть серебром.

«Это будет лучшее украшение дома»,— сказал сам себе Теренций, но тут же скорчил гримасу. Он представил себе, как его упрямая Скантия схватит драгоценные сосуды и спрячет в своем тайнике, чтобы никто не смог унести. Но и к званому обеду она не пожелает выдать эти сосуды, потому что будет бояться, как бы рабы не испортили их... И все же он с великой радостью отправился в Рим.

Мать Стефана, Клеида, очень тревожилась о судьбе сына. Она огорчилась, когда узнала, что Мерула отправляет сына вместе с Евтихом. Ее пугал незнакомый город. Пять дней пути казались ей вечностью. Клеида никогда не была в Помпеях. Она вообще не имела представления о большом красивом городе, и потому ей казалось, что человек, прибывший в незнакомый город, непременно попадет в беду. Еще она думала о том, что ее сын Стефан слишком доверчив. Она знала, как часто этой доверчивостью пользовался прежний вилик. Этот старый ленивый человек, узнав о том, как грамотен Стефан, прибрал его к рукам и заставлял изо дня в день делать какие-то записи и расчеты — то, что, по мнению Мерулы, вилик обязан был делать сам. Но Стефан очень охотно выполнял распоряжения вилика и так увлеченно работал, что иногда по целым ночам что-то записывал в длинные свитки, сидя где-либо в уголке при свете глиняного светильника.

— Как бы ты не пострадал от чрезмерного усердия...— говорила мать сыну.— Ты бы отказался, сынок. Теперь, когда мы уже свободные люди, ты не обязан подчиняться старому вилику.

— Ты удивляешь меня, Клеида,— отвечал с усмешкой Стефан.— Мы так недавно стали свободными. Старый вилик еще не привык к этому, вот он и заставляет меня выполнять работу, предназначенную ему не только господином, но и всеми богами — покровителями этого поместья.

Когда поручения, связанные с продажей зерна, были переданы Стефану, когда он аккуратно записал все на своей вошеной дощечке, Клеида сказала сыну:

— Как только все сделаешь и освободишься от своих больших забот, непременно зайди, сынок, в хорошую пекарню и как следует посмотри, как устроены печи, как работает мельница, сколько человек справляется с работой, чтобы нам можно было знать, есть

ли надежда когда-либо уйти отсюда и уже совсем свободными людьми жить по-своему, никому не угождая. Ты ведь знаешь, сынок, что моими хлебами господа довольны. Ведь я сама справляюсь с этим делом, имея в помощниках не очень умелую рабыню.

Отец тоже не возражал против того, чтобы посмотреть хорошую пекарню, но при этом говорил сыну, что не скоро еще настанет такой счастливый день. Ведь у них еще много долгов... И не скоро удастся накопить хотя бы две тысячи сестерций на обзаведение хозяйством.

— Ты говоришь так, Мерула, будто чем-то недоволен, — перебила его Клеида. — А ведь грех так говорить. Если мы уже откупились и свободные люди, то разве мы своими руками не добудем того, что нам нужно для скромной жизни?.. Я уверена, что это не праздные мечты. Если хочешь знать, я уже целый год кое-что копию. Когда у меня бывает свободных полдня, я пеку в своей печке маленькие хлебцы и продаю их путникам, которые нередко проходят мимо. Сколько раз при тебе люди спрашивали, где бы купить хлеба. У нас тут поблизости нет харчевни, а по нашей дороге часто катятся повозки, скачут всадники... Да и колодец, что неподалеку от нашего поместья, привлекает сюда путников. Я хорошо тружусь, Мерула!..

— И сколько же ты заработала, Клеида? Какие-нибудь пустяки?

— За целый год я накопила двести сестерций. Это не пустяк. Теперь на эти деньги я могу закупить зерно. А ты, может быть, как-нибудь в сумерках не откажешься поработать на мельнице, размолоть зерно. Если бы мне не приходилось самой молоть, я бы больше работала.

— Что же ты мне не сказала! — рассмеялся Мерула. — Я готов ночью работать на мельнице.

Клеида целый год тайно от мужа и от сына занималась выпечкой маленьких хлебцев. Это позволяло ей хоть немножко заработать для выплаты долгов, а главное, для того, чтобы потом когда-нибудь устроить пекарню. Она мечтала в маленьком домике соорудить вот такую же, как здесь, в поместье, сводчатую печь, купить жернова и все, что нужно для настоящей пекарни. Клеида много лет была пекарем в поместье, и так хорошо она все это умела, что казалось, совсем не страшно было самостоятельно вести такое хозяйство в городе или при дороге, у харчевни. Теперь, когда Мерула предложил ей помощь, Клеиде показалось, что она очень скоро осуществит свою мечту, потому что сумеет чуть ли не дважды в неделю выходить к колодцу со своими собственными хлебами.

Провожая сына и Евтиха, Клеида старалась успокоить себя.

Ведь она доверяла Евтиху, она знала, что все расчеты, связанные с продажей зерна, будут сделаны безупречно. А если Стефан, увлеченный мимами или состязаниями гладиаторов, забудет о порученном ему деле, то старый Евтих напомнит юноше и вовремя призовет его к делу. Клеида утешала себя, но в душе тревожилась. Если бы Стефан не очень настаивал и если бы отец не объяснил ей, что поездка в Помпеи — это первая награда сыну за его усердие, она бы настояла на своем. Тогда, возможно, пригласили бы кого-нибудь из вольноотпущенников, которые были клиентами господина. Эти люди без толку посещали дом господина, стараясь ему угодить праздными речами или сопровождая его во время каких-либо путешествий. Иной раз они сопровождали Потина Теренция в гости к более богатому и более знатному соседу. Рассудительная Клеида всегда возмущалась тем, что господин тратит на своих клиентов довольно много денег на угощение, а еще больше — времени. И все для того, чтобы перед кем-то выглядеть более знатным, чем он есть на самом деле.

Впрочем, Клеида была неправа. Как думал Мерула, Потин Теренций был достаточно богатым человеком, и в силу своего богатства он был достаточно знатен. Все знали, что знатный господин должен иметь клиентов. Правда, он не очень интересовался делами государственными, зато поместье свое любил и очень усердно читал книги, которые должны были ему помочь сделать это поместье более прибыльным.

Потин Мерула относился к своему господину с большим уважением. Он очень ценил его доверие к рабу, которого можно было просто заковать в колодки и заставить копать землю или грузить камень на каменоломне. Меруле нравилось, что его господин, Потин Теренций, разумно пользуется опытом и знанием своих рабов. Может быть, это и позволило сделать поместье процветающим, тогда как двадцать лет тому назад, при большем количестве рабов, оно вовсе не было процветающим.

Как узнал Потин Мерула из рассказов старых рабов да из слов своего господина, хозяйство Потина Теренция едва давало пропитание живущим здесь рабам и господину. А прибыли и накоплений никаких не было. Сознывая свою роль в разумном ведении хозяйства, Потин Мерула иной раз думал об этом с чувством гордости. Ему было приятно думать, что все сделанное им принесло пользу. Но ведь это принесло пользу не только господину, но и семье самого Мерулы. Благодаря тому, что помощник виллика на протяжении многих лет сам расставлял людей на работу, грамотный и разумный раб Евтих смог не только хорошо помогать в хозяйстве, верно и точно делать записи, — помимо этого, главного, Евтих с ма-

лых лет обучал Стефана грамоте и дал ему так же много, как если бы Стефан был сыном самого Потина и учился бы у раба по приказанию самого господина. У Потина Теренция не было детей. Но он был человеком не старым, любящим поест, выпить доброго вина и повеселиться.

Накануне дня возвращения Евтиха Потин Мерула говорил своей жене Клеиде:

— Если завтра вернутся из Помпей наши великие путешественники, мы устроим достойный праздник.

Мать Стефана, как и прежде бывало в таких случаях, проследилась от радости. Она рассказала мужу о том, как собирается подарить сыну новый шерстяной плащ. Она еще не успела купить того серебристого сукна, которое приглядела у бродячего фуллона, но она его купит. А плащ сделать можно за один день — несложная это работа. Скорее бы только вернулся сын, и тогда на душе будет легко и весело. Все же матери тревожно... Обычная это вещь.

— Остался один день, Клеида,— говорил Потин Мерула.— Наберись терпения — и все желанное сбудется. Я думаю, ты можешь уже заняться приготовлением каких-либо лакомств. Обязательно сделай сладкие хлебцы с медом, молоком и яйцами, какие ты делаешь господам. Я думаю, что рыбаки принесут завтра свежий улов, мы кое-что купим для нашего праздника. Не тревожься, Клеида, я думаю, что настал день, когда следует вынуть из-под земли тот сосуд с вином, который мы с тобой закопали десять лет назад. Ты совсем забыла о нем... А ведь это вино нисколько не уступает тому прекрасному вину, которое господин увез в Рим...

Так отец и мать Стефана готовились к встрече сына. Они были счастливы, что так близок этот день и что возвращение сына приходится как раз за неделю до праздника Форнакии и, следовательно, всем им можно славно повеселиться.

Мерула предвкушал особенное удовольствие оттого, что все задуманные им праздники приходятся на дни, когда отсутствует господин. Ведь господин очень редко покидал поместье. И, что говорить, на то он и господин, чтобы без конца что-то требовать, на что-то указывать, за что-то браниться. А тут, на счастье, такое приволье! Никто не будет вмешиваться в их дела. Тем более, что госпожа настолько нездорова, что уже много дней возлежит на своем мягком ложе и ей угождают рабыни, стараясь предупредить каждое ее желание.

Обо всем этом Потин Мерула рассказал жене, и потому Клеида совсем перестала печалиться и со свойственным ей усердием принялась готовиться к встрече и приему гостей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВТИХА

Невесело было на душе у Евтиха, когда он приближался к поместью. Он не боялся хозяина, потому что все дела, связанные с продажей зерна, были выполнены безупречно. Деньги были у Евтиха за пазухой, в крепком полотняном мешочке. Все расчеты были записаны. И как бы Потин Теренций ни старался, Евтих был уверен, что ему не к чему будет придрататься. Однако предстоящая встреча с Мерулой очень тревожила Евтиха. Чем ближе был дом, тем страшнее было от мысли, что надо явиться перед Потиним Мерулой. И хотя Евтих был уверен, что Стефан жив и обо всем, что с ним случится, он напишет отцу, какая-то печаль точила его, и он говорил себе: «Не в порядке твои дела, Евтих. Что-то ты недоделал, недосмотрел... Может быть, не следовало возвращаться сейчас, а лучше бы поискать бедного Стефана? Что-то непонятное он задумал. Чего не придумаешь в таком возрасте!»

Сколько ни думал Евтих о том, что скажет Меруле, так и не придумал. Он не мог решить, как рассказать о случившемся.

Потин Мерула стоял у своей клепсидры, когда увидел перед собой Евтиха. Вилик очень гордился устройством этих водяных часов. Они были сделаны так, что вода вытекала из них по каплям. А главное, они находились среди цветов, на просторной площадке перед домом. С тех пор как они появились, каждый мог подойти

и узнать время. А время людей, которые трудились в саду и на винограднике, на полях и в хранилищах,— все это время очень строго учитывалось помощником вилика, который вел записи в своем толстом, нескончаемом свитке.

Мерула смотрел на часы и как раз подумал о том, что Стефан может сейчас вернуться. И, словно по волшебству, перед ним оказался Евтих.

— Я так и думал! — воскликнул он радостно. — Я знал, что Форнакии мы проведем все вместе. Но где Стефан? Должно быть, поспешил к матери? Сын знает, как тревожится материнское сердце. Бедная Клеида ночей не спала. Ну, слава богу, все дома...

— Почтенный Мерула... Я должен сказать, что Стефан остался в Помпеях. А мне он доверил поручение. Вот возьми... — И он протянул Меруле деньги, завернутые в тряпку, и исписанную рукой Стефана дощечку.

Мерула словно остоленел. Странное известие словно громом поразило его. Он даже не догадался о том, что надо прежде всего прочесть письмо, присланное Стефаном. Он держал его в руках и, глядя с испугом на Евтиха, спросил:

— Ты оставил сына в Помпеях? Как это случилось? Ведь я доверил тебе, старому человеку, своего единственного сына. Ведь ты друг наш, Евтих. Как же ты оставил сына в Помпеях, а сам вернулся? Что бы ты ни сказал мне, Евтих, ничто не будет оправданием, потому что ты уехал вместе со Стефаном, а вернулся без него. Или, может быть, он заболел?..

— Читай — и узнаешь, — ответил Евтих. — Ты говоришь со мной, Мерула, так, будто бы я оставил в чужом городе грудного младенца. Но у тебя ведь взрослый сын, грамотный человек. Он отлично выполнил поручение. Побывал у пекарей, у эдилов. Мы вместе с ним сделали все, как было предусмотрено и указано нам господином. Твой сын имеет разум. Правда, он вел себя странно. В тот вечер, когда мы зашли в харчевню у дороги поесть перед сном, я и погонщики, уставшие за весь день, предвидя трудный путь, поспешили на ночлег. А Стефан пожелал еще посидеть немного, поболтать за чашей вина с молодыми людьми, которые сидели рядом. Вот там он и остался. А потом ночью разбудил меня, сунул мне деньги, завернутые в тряпку, и вот эту вошеную дощечку. Читай, Мерула. Она тебе кое о чем расскажет.

Слушая Евтиха, Мерула в то же время читал и перечитывал вошеную дощечку, но, ничего не поняв из этой записи, он развернул тряпку и вынул деньги, словно эти деньги могли объяснить ему загадочный поступок сына.

— Может быть, ты скажешь мне, Евтих, что это за деньги? Это из тех, что получены за зерно, что ли?

— В том-то и дело, что это деньги Стефана. Он их получил за что-то и прислал тебе. Он говорил о том, что хочет поскорее передать тебе деньги, предназначенные для устройства пекарни.

— О том же он пишет на дощечке... Но ни слова о том, когда он вернется, где взял деньги, где он. Почему он ночью принес тебе деньги? Куда он ушел? Как же ты не узнал, Евтих? А может быть, кто-то увел моего сына?..

— Помилуй, Мерула! Как ты можешь говорить такие страшные слова мне, Евтиху, который учил грамоте твоего маленького сына, который любит его так, будто это мой собственный сын! Он был со мною все дни, и только в этот злосчастный вечер, когда мы после ужина покинули харчевню, мы расстались. После ужина я, вместе с погонщиками, ушел на постоялый двор, а Стефан сказал, что хочет еще посидеть в харчевне. Когда я уже сквозь сон услышал его голос, я понял, что должен тебе передать все это. Я думал, что утром увижу Стефана и обо всем как следует расспрошу. Я не подумал о том, что не найду его больше. Я искал его несколько дней... Я обошел все улицы, все харчевни и постоянные дворы, я повидал мимов и акробатов, всех бродячих фокусников, которые потешают помпейцев... Что мог я еще сделать, чтобы найти его? Посмотри мне в глаза, Мерула, и ответь — что я мог сделать?

Евтих понимал, что говорит эти слова напрасно, потому что Меруле нечего ответить и потому что смотреть в глаза он не может — он плачет. Слезы градом текут по морщинистому лицу Мерулы, и гримаса страдания искажила его доброе лицо.

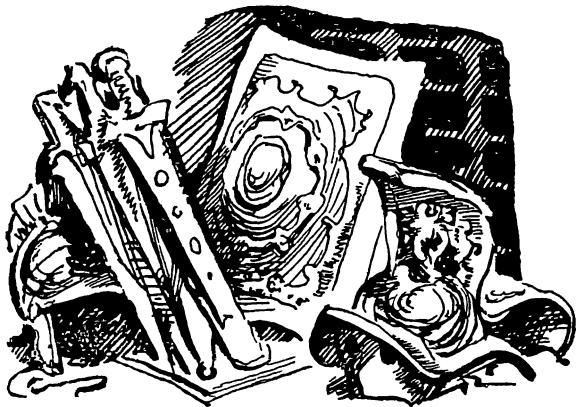
— Как ты думаешь, Евтих, может быть, мальчик продал себя за такую малость? Нет, нет! Он не так глуп. Он не мог продать себя в рабство, чтобы на эти деньги купить нам пекарню. Без него нам ничего не нужно. Я тотчас же отправлюсь в Помпеи, — сказал решительно Мерула. — Я сообщу Клеиде о нашем великом несчастье и, не теряя ни минуты, поспешу туда, где должен быть мой сын. Я найду его во что бы то ни стало! Великое горе у Мерулы!.. После великой радости освобождения — великое горе...

Когда вилик Мерула с воплями отчаяния и криками «Беда случилась! Беда случилась!» ворвался в свой мезонин и протянул жене дощечку с письмом Стефана, жена стала поспешно собирать мужа в дорогу. Причитая, обливаясь слезами, распустив волосы и разрывая на себе одежду, Клеида звала сына. Она вспоминала, каким он был добрым, каким был послушным имышленным мальчиком, как охотно учился у раба Евтиха...

— И настолько хорошо он учился,— причитала Клеида,— так любил поэзию и так много выучил на память прекрасных стихов, что Евтих полюбил его...

Она вспоминала, как Евтих, откупившийся за три года до того, как они стали свободными, вольноотпущенник Евтих, один из самых грамотных людей в имении, правая рука вилика, сам предложил продолжить обучение Стефана. Да еще уговаривал родителей не мешать сыну, не загружать его делами, которые он может не делать, чтобы он подольше посидел над вошеной дощечкой, побольше прочел свитков. Мать вспоминала, как бережно обращался с этими свитками сын, как он сделал красивый резной ящик для письменных принадлежностей. И вот ящик этот стоит здесь, его можно взять в руки и посмотреть на записи, сделанные сыном... Но где же сын?.. И вдруг крики Клеиды оглушили Мерулу:

— Спаси сына, Мерула! Найди Стефана, Мерула!..

АНТОНИЙ ЖДЕТ

Сын философа Манилия Тегета в условленный день пришел на форум с полной уверенностью, что он встретит здесь своего двойника — Стефана. Он долго стоял у храма Аполлона и, глядя на проходящих, размышлял о том, как он удивит родителей, если ему удастся привести Стефана в дом и одеть его в свою праздничную одежду. Антоний представил себе это небольшое театральное представление в атриуме, когда он, Антоний, спрячется за тяжелыми занавесками, а вместо себя пошлет к отцу Стефана. Отец, как всегда, обратится с расспросами к нему, Антонию, а в самом деле перед отцом будет стоять растерянный Стефан и отец даже не подумает о том, что рядом с ним стоит чужой человек. Антоний представил себе великое смущение Стефана, когда он войдет в их красивый белоколонный атриум и увидит превосходную мозаику на полу и на панелях и отца, возлежащего на своем роскошном ложе.

«Я сделаю это так, чтобы сходство наше было бесподобно: прическа, перстень — все надо будет продумать и сделать должным образом. А мать надо будет задержать где-нибудь в саду: она скорей может догадаться. Элия Сира надо запрятать в его каморку. Пусть он пока не вмешивается в это дело. И как только я замечу недоумение на лице отца и услышу знакомый возглас: «Антоний, что с тобой?», я войду... и тогда пусть уже вмешиваются боги!»

Так, размышляя про себя, Антоний с нетерпением ждал свидания. Однако время шло, люди приходили и уходили, а Стефана все не было. Уже закончил занятия старый учитель, расположив-

шийся на пяти ступенях мраморной лестницы с небольшим вы­водком непокорных мальчишек. Как только было сказано: «Конец», все вскочили, прижимая к груди свои во­щенные дощечки, а один коротконогий курчавый мальчуган, уныло стоявший в стороне, в мгновение был схвачен товарищами, и двое из них стали усердно хлестать его розгами. Наказывали строго, но мальчуган не плакал, не кричал.

— Мужчина должен молча переносить боль,— сказал старый учитель.

— Как печально, что я не догадался узнать, где живет этот юноша, Стефан,— сказал вслух раздосадованный Антоний.

«Что с ним случилось? Что помешало ему встретиться со мной?.. Да полно, Антоний! О чем ты сокрушаешься? Ну, не встретил своего двойника. Ведь прожил же ты свою жизнь, не зная о нем. А теперь, когда встретил, так увлекся, будто произошло какое-то значительное событие. А ведь ничего не произошло!»

Однако Антонию не хотелось отказаться от своей затеи. Он за­упрямился. Ему хотелось во что бы то ни стало представить Сте­фана родителям. Ему очень хотелось, чтобы старый философ, ува­жаемый Тегет, призвал на помощь все свои знания и ответил бы на вопрос: как это случилось? Как боги создают двойников в раз­ных городах?

А пока Антоний бродил по треугольной площади, опоясанной колоннами. Он подошел к каменщикам, которые выкладывали площадь мраморными плитами, посмотрел на постаменты, воздвиг­нутые для почетных статуй, которых еще не было, и подумал: «Ко­го же из римских императоров поставят на нашем форуме?»

Широкая мраморная лестница вела к храму Юпитера. Впере­ди — шесть коринфских колонн, сделанных столь изящно и кра­сиво, что весь храм казался драгоценной игрушкой. Позади храма выложенный мрамором высокий фундамент был предназначен для капитолийской троицы. Говорили, что вскоре здесь появятся ста­туи Юпитера, Юноны и Минервы.

Антоний прошел под примыкающую к храму триумфальную арку, отделанную белым мрамором и украшенную статуями и фон­танами. Он не рассчитывал здесь встретить Стефана, но все же прошелся вдоль мраморных прилавков мясного рынка, где лежали свежие туши телят и ягнят. Очень грузный, низкорослый мясник с красным лицом и облысевшей головой поливал прилавок из кув­шина, и вода стекала по водостоку в отверстие, сделанное за при­лавком. Антоний вынул из-за пояса монету, купил кусок свежего мяса и отнес его к алтарю, стоящему у входа на мясной рынок. Здесь приносились жертвы защитникам города — ларам-охран-

телям. Антоний обратился к ним с просьбой помочь ему найти друга.

У развалин храма Веспасиана трудились каменотесы и резчики. Храм был разрушен шестнадцать лет назад, во время землетрясения, когда безмолвный Везувий вдруг напомнил жителям Помпей о том, что внутри него кипит жизнь. Правая часть храма уже выглядела так, как это было до землетрясения, а левую часть отделяли рабы-строители. Антоний без всякого интереса посмотрел, как ловко складываются из отдельных частей высокие стройные колонны, и повернул в противоположную сторону, к рынку фуллонов, знаменитому тем, что его воздвигла на свои деньги жрица Евмахия. Антоний всегда с удовольствием рассматривал превосходную статую Евмахии, поставленную здесь благодарными фуллонами. Эта белая мраморная статуя была создана талантливым скульптором. Говорили, что тонкое благородное лицо Евмахии соответствует подлинному облику этой красивой женщины. Жрица стояла на площади перед рынком фуллонов во весь рост, в покрывале, падающем красивыми складками.

Однако где же искать этого загадочного юношу? Если он продавал зерно пекарям, то, может быть, спросить у кого-нибудь из пекарей? Стоит лишь узнать, кто закупал зерно, доставленное Стефаном Мерулой, а там постепенно можно будет добраться до самого Мерулы. Отец-то ведь знает, где его сын!..

Тут же, не откладывая, Антоний отправился к Арию Келаду. Да, он получил зерно, доставленное от вилика Потина Мерулы... Да, он видел его сына Стефана... Однако...

— Если я не ошибаюсь, то передо мной как раз и стоит Стефан Мерула?.. Тот же Стефан, но в богатой одежде. Что за наваждение! О ком ты спрашиваешь, молодой человек?

— О Стефане Меруле,— отвечал с улыбкой Антоний.— Именно потому, что мы так схожи, я и пришел к тебе, Арий Келад. Мы должны были встретиться на форуме, но я не увидел его. Я тревожусь... Могло ли случиться, чтобы он уехал, не повидав меня!

Тут Арий Келад вспомнил, что люди, присланные виликом Мерулой, покинули Помпеи. Следовательно, с ними покинул город и сын вилика Стефан.

После долгих рассуждений о том, как лучше искать Стефана Мерулу, этого странного юношу, который так непостижимо похож на помпейского жителя Антония, пекарь посоветовал обратиться к эдилу.

— Юлий Полибий посылал человека в поместье Потина Теренция. Он и скажет тебе, где это поместье. Чего проще!

Двухэтажный дом Юлия Полибия был единственным красивым

домом на тихой узенькой уличке, где жили пекари и горшечники. Дом эдила показался Антонию богатым среди небольших одноэтажных домиков ремесленников. Верхний этаж далеко выступал вперед и создавал тень у калитки, увитой розами. Когда Антоний коснулся калитки, кто-то бросил из окна верхнего этажа алую розу. Антоний поймал цветок, понюхал и поднял голову. Он ничего не сказал, а только улыбнулся: на него смотрела милая, кокетливая девушка.

— Что же ты молчишь, Стефан? Как не стыдно! Ты позабыл, как славно мы отплясывали на веселом празднике пекарей? Но, я вижу, ты изменился... Одет, как настоящий патриций...

Антоний еще не собрался с мыслями и не решил, как объяснить это удивительное сходство со Стефаном, а девушка уже очутилась рядом.

— Стефан, ведь я Ника!.. Посмотри на меня. Не я ли поила тебя добрым вином?..

— Увы, то был не я, — отвечал Антоний, — ты ошибаешься. Перед тобой совсем другой человек. Я житель Помпей, Антоний Тегет. Я вовсе не Стефан. Однако если ты знакома со Стефаном, тогда помоги мне его найти.

— Не хочешь ли ты сказать, Стефан, что память мне изменила и что ты — вовсе не ты, а другой!.. Не смейся меня. Я помню — ты любишь подражать мимам. Не морочь голову! Назови меня Никой и признайся, что ты Стефан.

— Милая Ника, я должен огорчить тебя: я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я пришел в дом Юлия Полибия, чтобы узнать, где искать Стефана. А за цветок я благодарен тебе...

— Дядюшка Юлий Полибий! — закричала Ника. — Посмотри, у Стефана, который привез тебе зерно, есть двойник.

Когда Юлий Полибий прибежал на крик племянницы, он вначале пристально рассмотрел Антония, а потом спросил его:

— Если ты не Стефан, то кто же ты?

— Я сын философа Манилия Тегета. Наше поместье у Геркуланских ворот.

— Я отлично знаю Манилия Тегета! — воскликнул Юлий Полибий. — Но, видит бог, ты очень похож на юношу, прибывшего из дальнего поместья.

И Юлий Полибий рассказал, как искать поместье Потина Теренция, где живет вилли Потин Мерула.

Расставшись с Юлием Полибием, Антоний почувствовал, что ему обидно равнодушие Стефана. «Ему безразлично, — подумал Антоний, — а мне почему-то хочется еще раз увидеть Стефана Мерулу... А может быть, послать письмо? Тогда надо найти человека,

который отправится в это поместье. А что даст письмо? Ведь Стефан может и не ответить... Может быть, забыть эту странную встречу?.. Чего не бывает на свете!» Однако сколько Антоний ни думал, он не мог не признаться самому себе, что случай этот чрезвычайно редкий. Не просто редкий, а редчайший!

На следующий день Антоний снова искал Стефана. Непонятная встреча совершенно отвлекла его от обычных занятий и заставила, не щадя себя и не жалея времени, заниматься поисками таинственного Стефана. И оттого, что Антоний делал это тайно от родителей, это занятие забавляло его и даже развлекало.

— Где ты бродишь целыми днями, Антоний? — спросил как-то отец, когда Антоний в задумчивости сидел за обедом. — Я давно не вижу тебя на занятиях. У нас были такие интересные споры с учениками. Твои друзья спрашивают о тебе. Не заболел ли ты, сын?

— Немножко отвлекся, — улыбнулся Антоний и не стал ничего рассказывать.

В конце июньских календ Антоний решил, что искать Стефана в Помпеях бесполезно, и стал думать, как ему устроить себе путешествие в поместье, где живет Стефан, но так, чтобы родители этого не знали. Он стал просить разрешения посетить Рим, чтобы увидеть большие гладиаторские игры, послушать споры модных риториков и стихи молодых поэтов. Он не сразу получил разрешение. Ему долго пришлось убеждать отца в том, что такая поездка принесет ему великую пользу. А когда отец согласился, он почему-то очень настаивал на том, чтобы Антоний отправился в сопровождении верного человека. Мало ли что бывает в дороге... Ведь нередко грабители нападают на одиноких путешественников. Антонию пришлось долго убеждать отца в том, что он легко может присоединиться к каким-либо путешественникам, людям добрым и порядочным, с которыми он доберется до великого города без лишних хлопот и лишних расходов. И он так долго и убедительно доказывал свою правоту, что не только отец, но и мать согласилась с ним, и Антонию были даны деньги на развлечения, на покупки новой одежды и нарядных римских сандалий, каких не было в Помпеях.

Для Антония никогда ничего не жалели. В доме философа баловали единственного сына, как это делали в любом богатом доме, где не было ни поэтов, ни философов, а был просто большой достаток. Отец Антония утешал себя тем, что, доставляя удовольствие любимому сыну, доставляя ему радость, он воспитывает в

нем добрые чувства — чувства благодарности и привязанности. А старому философу, у которого мог бы быть и внук такого возраста, прежде всего хотелось воспитать в сыне эти благородные чувства.

И вот уже все готово к путешествию. Уложена поклажа в дорогу: фляги с вином и водой, фрукты и жареный барашек, маслины и печеные рыбы — все, что любил единственный сын философа и что приготовили заботливые руки матери. Они долго прощались и желали сыну счастливого путешествия. Было условлено, что Антоний вернется не позднее чем через две недели.

Покинув дом, Антоний не сразу мог решить, как ему начать путешествие. Может быть, стоит заглянуть на какой-нибудь постоялый двор и найти себе попутчиков? А может быть, просто отправиться по указанной ему дороге и понадеяться на то, что все будет хорошо в пути?

Ему показалось, что осел сам доставил его к постоялому двору, стоящему у дороги, что вела в Нолу. Зачем я здесь, подумал Антоний и тут же вспомнил печальные глаза матери, ее тревогу. Ему было неприятно, что он обманул родителей и, попросившись в Рим, поехал в другое место. Но его утешала мысль о том, что потом они будут вознаграждены. Он твердо решил, что познакомит их со своим двойником. Ему казалось, что это будет им так же интересно, как ему.

На постоялом дворе он узнал, что всего лишь несколько часов назад отсюда ушли пастухи, которые доставили в Помпеи очень хорошую мягкую шерсть для фуллонов.

— Если поторопиться, то их можно нагнать, — сказал хозяин. — Путь их ведет как раз мимо того места, которое ты называл, юноша.

Вскоре хорошо накормленный осел Антония весело побежал вслед за неизвестными пастухами, единственным признаком которых была одежда из крашенной в красный цвет шерсти. По такой одежде их легко было узнать. Но догонит ли он их?

«Впервые я один в пути, — подумал Антоний. — Я и мой хороший ослик. Правда, он не лишен упрямства, которым награждены все ослы на свете, но ласковое обращение иной раз помогает преодолеть упрямство животного. И вовсе мне не скучно одному. Можно читать стихи, можно смотреть по сторонам и любоваться этой красивой холмистой долиной и строгими кипарисами, темнеющими среди изумрудных полей. Кто-то говорил отцу о грабителях на большой дороге, но у меня даже нечего взять! Не знаю, успешно ли будет мое путешествие, но уже сейчас я испытываю удовольствие оттого, что нахожусь в пути. Однако я не один, я слышу докот копыт... Кто же догоняет меня?

Антоний обернулся и увидел всадника на сером коне. Поравнявшись с Антонием, всадник спешил и сказал:

— Я вижу молодого спутника. Далеко ли гнать тебе осла? Остановись, поговорим.

— Приветствую тебя, добрый человек, — сказал Антоний, но больше ничего не успел сказать: тяжелая рука опустилась на его плечо, и человек, изумленно разглядывая Антония, сказал:

— Чудеса, да и только! Усердие моего друга принесло только убытки. И давно ты бежал, ловкач?

— О чем ты говоришь? Твои слова мне непонятны. Как ты смеешь хлопотать меня по плечу, простолудин?..

Антоний отбросил тяжелую руку с короткими толстыми пальцами и с презрением посмотрел на коротконового человека с круглым, морщинистым лицом.

— Купленный ланистой раб, разодетый в тогу, называет меня простолудин! — рассмеялся неизвестный. — Ты лучше скажи, как тебе удалось добыть тогу и осла. И куда ты держишь путь, словно за тобой не гонятся собаки-ланисты? Поистине боги покровительствуют моему другу ланисте. Я доставлю тебя на место. А если есть справедливость на свете, то скаредный ланиста вознаградит меня.

— Прежде чем считать барыши, — возразил Антоний, — потрудись сказать мне, что все это значит. Я ни слова не понял. Кто ты такой и о чем ты речь ведешь? Мне не ясно, за кого ты меня принимаешь. Могу лишь сказать, что тога моя — принадлежность сына философа Тегета, человека знатного и богатого. Мой перстень с посвятительной надписью от отца скажет тебе мое имя — Антоний. Твои слова столь оскорбительны, что могут стать причиной судебного дела. И я позабочусь об этом...

— Выходит, я сошел с ума, — ответил незнакомец. — Но я запомнил твое лицо... Я видел тебя в харчевне, когда мой друг ланиста уговорил тебя пойти в школу гладиаторов. Если память мне не изменяет, твое имя Стефан. Ведь мы целый вечер вместе пили подогретое вино...

— Значит, Стефан в школе гладиаторов? — воскликнул Антоний. — Возможно ли!..

— Если ты в самом деле Антоний, то твой двойник Стефан должен быть в школе гладиаторов. Но, может быть, он бежал. Я в школе не бываю. Только изредка вижу ланисту в харчевне у моего дома. После того вечера я его не видел.

— Что же мне делать? Ехать ли к родителям Стефана или вернуться в Помпеи и пойти в школу гладиаторов? — спрашивал Антоний. — Мне нужен Стефан...

— А зачем он тебе? Если ты богатый и знатный человек, на что тебе раб из чужого поместья?

— Тебе не понять моего чувства и изумления, когда я встретил на форуме своего двойника. И ты, чужой человек, удивляешься, увидев меня. Ты был уверен, что я и есть Стефан. Согласись, что мне любопытно поговорить с двойником. Но вот случилось необычное... Пожалуй, я все же доберусь до поместья Потина Теренция. У меня больше не будет случая поехать: родители не любят отпускать меня одного. Мне впервые это удалось, и вот я встретил тебя, и ты повел себя, как разбойник. Чуть не избил. Но я вижу твою раскаяние и прощаю тебе. Ступай своей дорогой, а я отправлюсь в поместье Потина Теренция.

— Пусть остынет твой гнев, мой прекрасный господин! — воскликнул друг ланисты. — Если ты дашь мне несколько сестерций, то я готов сопровождать тебя до места. Все же беспокойно на наших дорогах, а ты молод и неопытен. Теперь я вижу, что ошибся. В твоих речах достоинство, а в речах Стефана — пустота.

За несколько сестерций Антоний купил не только внимание спутника, но и получил возможность воспользоваться его лошадью. Друг ланисты пресел на осла и сопровождал Антония до самых ворот поместья Потина Теренция. Здесь они расстались.

*

Антоний пошел по аллее, обсаженной кустами розмарина. Увидев старика, подметающего дорожку, он спросил о семье Потина Мерулы.

— Здесь только Клеида, — ответил старик. — Отец и сын где-то в Помпсах.

Он потер свои слезящиеся глаза, и Антоний увидел, что он почти слеп...

В деревянной надстройке над воротами Антоний увидел мать Стефана Мерулы. Он не успел даже представиться, Клеида бросилась к нему, обняла за плечи и, обливаясь слезами, стала причитать:

— Сынок, как мы напуганы!.. Как исстрадались... Зачем же ты покинул Евтиха?..

И вдруг она почувствовала запах благовоний, исходящий от тонкой шерстяной тоги. Она подняла голову, увидела богатую одежду, дорогие сандалии и тщательно причесанную голову Антония.

— Помилуй бог, откуда все это? Ты так богато одет... Что случилось, сынок? Почему ты молчишь?..

Взволнованный Антоний не находил слов. Однако он должен был признаться во всем. Он сказал:

— Почтенная Клеида, перед тобой сын знатной госпожи Паксеи. Я — Антоний. Но сходство наше со Стефаном так велико, что ты, естественно, приняла меня за сына. Я уже этому не удивляюсь. Это сходство и заставило меня последовать сюда за Стефаном.

— О боги! — воскликнула бедная женщина. — Возможно ли, чтобы в Помпеях вырос юноша, столь похожий на моего собственного сына!.. Но где мой Стефан?.. Не знаешь ли ты, Антоний? Когда ты видел его и откуда узнал о нем? Наш Стефан... может быть, тебе известно... был послан с зерном в Помпеи. Но он не вернулся с нашим верным Евтихом. Он прислал нам непонятное письмо и неведомо откуда добытые им две тысячи сестерций. В письме своем он писал о том, что надеется стать прославленным не только в Помпеях, но и в Риме...

— Почтенная Клеида, ты говоришь — две тысячи сестерций?.. Слава в Помпеях и в Риме?.. Я кой о чем догадываюсь...

— О чем же? — встревожилась Клеида.

— Я вернусь в Помпеи и проверю, верна ли моя догадка.

— Что же привело тебя к нам, достойный человек?..

— Увидев своего двойника на помпейском форуме, я захотел узнать о нем поподробнее и назначил ему свидание. Наша короткая встреча показалась мне весьма любопытной. Я пожелал снова увидеть его, но Стефан не пришел в назначенный день. Я посчитал своим долгом найти Стефана. Вот я и прибыл сюда. Твои слова тревожили меня, почтенная Клеида. Мне показалось, что Стефан — человек горячий и доверчивый. А если так, то он случайно мог попасть в лапы жадного ланисты. Его могли заманить в школу гладиаторов...

— Я не переживу такого несчастья! — воскликнула Клеида.

— Не тревожься... Я помогу тебе. Если Стефана в самом деле заманили в школу гладиаторов, то пройдет еще немало времени в тренировках, прежде чем он попадет на арену. А это значит, что мы успеем его спасти. Не плачь... И мужа своего, Потина Мерулу, утешь надеждой. Ты говоришь, что он в тревоге и отчаянии отправился в Помпеи? Обнадежь его, когда он вернется.

— Скажи мне, славный юноша Антоний, откуда тебе известно, что наш Стефан попал в школу гладиаторов? Отец Стефана не подумал об этом. Ему и в голову не пришло, что сын наш поступит так опрометчиво. Бедный, он не знает, что снова стал рабом... Я никогда не видела бой гладиаторов, но знаю... много раз слышала, что это убийство. Как перенести это, Антоний?.. Скажи мне, что могут сделать в этой школе с моим сыном?.. Скажи мне,

благородный Антоний, не убьют ли его?.. О, добрая богиня, пощади нас!..

Клеида залилась слезами, а Антоний размышлял о том, рассказать ли ей во всех подробностях, что стало ему известно о школе гладиаторов, о ланисте — все, что он случайно узнал в пути. Ему было жаль этих людей. Он видел, в какой бедности они живут. Печальное лицо женщины растрогало Антония.

«Ничего не расскажу ей», — подумал он, глядя на залитое слезами лицо матери. Какая на ней старая, изношенная одежда, какие руки, изуродованные тяжелой работой... А черты лица правильные. Когда-то она была красивой...

— Я помогу Стефану, — сказал Антоний, прощаясь с Клеидой.

Антоний решил сейчас же вернуться в Помпеи, рассказать отцу обо всем происшедшем, попросить у него денег, вызвать юношу и тем самым показать ему, что хоть они и мало знают друг друга, но вследствие своего необычайного сходства они близки друг другу.

Мать Стефана еще долго горевала после того, как Антоний покинул поместье. Она поверила этому славному молодому человеку точно так же, как поверила бы своему собственному сыну. Ее тревога о Стефане, о его судьбе так заполнила ее, что она даже толком не подумала над удивительным сходством двух юношей. Однако эта встреча не могла не поразить ее. И она с нетерпением ждала возвращения мужа, чтобы рассказать ему не только о судьбе Стефана, но еще о том, что самый настоящий двойник Стефана принимает горячее участие в судьбе их сына...

А тем временем Антоний возвращался в Помпеи. Он так торопился, что не стал искать себе попутчиков и отправился один, стремясь возможно скорее вернуться в город.

Чем больше он думал о случившемся, тем более был склонен поверить этому грубияну, этому квадратному человечку, который видел Стефана рядом с ланистой. Но так ли это? А если все верно, то бедный юноша может стать жертвой в первой же встрече с тренированным гладиатором. Какой неудачник!.. Как несчастна его мать. И как могущественны боги!.. Вот он, Антоний, высокородженный, живущий в богатстве и знатности, внешне ничем не отличается от вчерашнего раба Стефана. Все путаются, глядя на Антония. А ведь родились они у разных родителей. Поистине боги могущественны и всесильны. Они всё могут. Так пусть же они помогут спасти Стефана. Этот несчастный, вероятно, слишком доверчив. Он явно попал в сети ланисты.

СТЕФАН В ШКОЛЕ ГЛАДИАТОРОВ

В первое же утро своего пребывания в школе гладиаторов Стефан понял, что он совершил что-то ужасное и непоправимое. Окатившись холодной водой и съев гороховую похлебку, Стефан вместе с другими юношами вышел на середину большого двора, где проводилось обучение. Голова у него прояснилась, и он во всех подробностях вспомнил разговор с ланистой, харчевню, где его подпаивали теплым вином, и прощание с Евтихом. Сейчас ему было трудно понять, как могло случиться это несчастье. Уже во время первых занятий фехтованием, когда ему был выдан деревянный меч, он узнал у своих сверстников, что охрана у калитки очень строга и выйти за калитку невозможно. Точно так же невозможно больше увидеть своих родителей и близких. Оказалось, что более ста здоровых и сильных юношей, которых он увидел на этом обширном дворе гладиаторской школы,— все они полностью отданы во власть владельца школы. Никто из них уже не волен в своих желаниях.

«Но мне об этом не говорил ланиста! — возмущался Стефан. — Он не предупреждал меня о том, что, войдя за калитку гладиаторской школы, я стану рабом и уже никогда не смогу выйти отсюда...»

Прошли первые четыре часа фехтования, и наступил час отдыха, когда ученики могут поболтать и посидеть свободно во дворе. Стефан обратился к юноше, который оказался его соведом по камерке, и стал его расспрашивать о жизни в школе. Он стал выяснять, можно ли ему увидеть ланисту, поговорить обо всем, отдать ему деньги и вернуться домой. Юноша долго хохотал. Он просто надрылся от смеха, когда представил себе встречу Стефана с ланистой.

— А ты читал свиток, который подписал? — спросил он Стефана. — Ведь там написано обо всем. И главным образом о том, что возврата нет. Если уж ты попал сюда, то учись, стань настоящим гладиатором, защищай свою жизнь мечом! Не скули, как бездомный пес...

Стефан не признался в том, что подписал свиток, не читая его. Он целиком доверился сладким словам ланисты. Ланиста обещал только все хорошее, праздничное, счастливый жребий и пурпурную тунику. Но он ничего не рассказал о настоящей жизни воспитанников гладиаторской школы. Он скрыл самое главное. Ланиста не сказал, что в школе гладиаторов он, Стефан, снова станет рабом. И навечно. Но как можно было самому забраться в эту ловушку?..

Снова приступили к занятиям. Стефану выдали щит, сплетенный из ветвей ивы, и приказали прикрываться им во время сражений.

— Щит — единственная защита гладиатора, помни об этом, — сказали ему. — Когда меч уже будет не деревянным, а настоящим, разящим мечом, гладиатор, не умеющий прикрыть свое тело, мгновенно становится жертвой нападающего. Он погибает в тяжких муках...

Стефана пугали эти слова, но он был неловок в бою и снова получал замечания.

Посреди двора стоял деревянный кол высотой в шесть футов. Это была мишень. Надо было выучиться точно и быстро наносить удары в голову, в грудь противника. Кол был размечен, и тренированные ученики ловко наносили удары, разящие воображаемого противника.

— Не раскрывайся, остолоп! — кричал старый гладиатор, который муштровал группу новичков.

Его возгласы в данном случае относились к Стефану, который выделялся в своей группе тем, что ничего еще не умел и не знал. Как только Стефан попытался обрушить свой деревянный меч на воображаемого противника, его щит оказывался совсем не там, где он должен был быть.

— Ты снова раскрылся, бестолковый! — кричал старик.

После сытного обеда Стефан свалился в изнеможении на пол своей каморки и тут же уснул, словно провалился в преисподнюю. Сон его был тяжелым и мучительным: кто-то его колотил, ругал, угрожал ему...

Прошло много однообразных и трудных дней, каждый из которых завершался тяжелым свинцовым сном. Вначале Стефана мучили страшные сновидения, он вскакивал в холодном поту. Потом сон стал более спокойным, без сновидений, но всегда почему-то очень тяжелым. Все запятия в школе в первое время показались Стефану изнурительными и не по силам тяжелыми. Он удивлялся, когда в разговоре с кем-либо из тех, кто уже полгода провел в этой школе, слышал восторженные отзывы о хорошей тренировке, об искусном фехтовальщике. У Стефана не появилось никакого интереса ко всему этому. Наоборот, у него все больше росло чувство протеста и ярости против ланисты.

Очень скоро Стефан узнал о том, что ланиста, который заманил его, считал это занятие основной своей профессией. Он добывал людей для школы, а сам никого не учил, потому что не был искусным и умелым гладиатором из тех, что были прославлены в боях и заслужили уважение. Стефану не удалось встретить ланисту, потому что тот вовсе не желал объясняться с юношей, которого он мошеннически завлек в эту школу. Из всех молодых людей, которых узнал здесь Стефан, у него, как ему казалось, было меньше всего надобности продаваться за две тысячи сестерций. Он единственный из всех был сыном вольноотпущенника, да еще вилка большого имения. Таких здесь не было. И когда о Стефана узнавали его новые товарищи, они удивлялись. Чтобы не позорить себя, Стефан никому не рассказывал о том, что подписал свиток в пьяном виде. Он ссыался всегда на то, что хотел помочь отцу поскорее открыть пекарню.

С каждым днем Стефан все больше убеждался в том, что совершил ошибку непоправимую и ужасную. Он узнал, что большинство занимающихся сейчас во дворе гладиаторской школы были рабами. Хозяева продали их ланисте не только для того, чтобы получить деньги, но и для того, чтобы наказать непокорных. Иной раз хозяин, желая наказать старого раба, продавал его сына в эту школу. Иные были проданы за пустяк, за мелкое воровство. Только здесь Стефан узнал, что с приходом в гладиаторскую школу он полностью потерял свое гражданское достоинство и отныне будет считаться обесчещенным. Он узнал о том, что даже если освободится, то все равно не сумеет выступать в суде защитником или свидетелем. Много горького и страшного узнал Стефан. И хотя до выступления на арене, когда ему будет угрожать острый меч противника, еще было далеко, он с ужасом думал о том, что настанет день, когда его посчитают уже готовым к бою. Только сейчас он

понял, как нелепо и глупо было представлять себе жизнь гладиаторов праздничной и героической. Почему-то сейчас он все воспринимал только с теневой стороны, и даже мужество людей, вызывавшее восхищение многотысячной толпы, и то казалось ему сейчас не мужеством, а просто случайностью. Удалось счастливцу прикрыться щитом и вовремя подобраться к глотке противника — и вот он уцелел. Но какой ценой! Он — убийца...

В первые же дни своего пребывания в гладиаторской школе Стефан Мерула узнал, что юноша, с которым он очутился в одной камерке — очень здоровый, коренастый, с грубым лицом, юноша Памфил, — был продан хозяином в наказание за воровство. Памфил откровенно посмеивался над Стефаном и очень охотно рассказывал ему всякие страшные истории, чтобы припугнуть и, как он говорил, сбить спесь. Узнав, что Стефан из вольноотпущенников, сын управляющего богатым имением, он прежде всего решил, что у Стефана где-то припрятаны деньги. Ему захотелось немедленно получить их: Памфил был любителем вина, которого здесь не давали и которое можно было с трудом получить через охранника за деньги. Памфил не постеснялся рыться среди вещей Стефана — кроме одежды, у него ничего не было. Он удивился, когда обнаружил у Стефана несколько волшебных дощечек и стиль для письма, да еще какой-то свиток со стихами Овидия.

Памфил был неграмотным. Ему было известно, что среди ста учеников гладиаторской школы был только один грамотный. Стефан был не похож на других. Это вызывало у Памфила неприязнь. Памфил совершенно открыто дразнил Стефана, насмехался, давал ему нелепые советы, чтобы поставить в неловкое положение перед товарищами, уже умудренными опытом и готовыми вскоре принять участие в сражениях. А Стефан не сразу заметил неприязнь Памфила. Он был доверчив и очень нуждался в человеке, которому можно было бы рассказать о своих тревогах и сомнениях. Стефан говорил много и горячо. Почти каждый вечер, перед сном, он обращался к Памфилу со своими тревогами, не подозревая, что перед ним лживый и злобный человек.

Прошел всего месяц с тех пор, как Стефан оказался в неволе, а ему казалось, что прошло уже много лет. За это время Памфил узнал во всех подробностях о том, как любят Стефана дома, как нежна и внимательна к нему мать, как щедро отец дает ему деньги на развлечения и покупку одежды. Памфил узнал о том, каким добрым был ученый грек Евтих, который был куплен хозяином за большие деньги, потому что был очень образован и умен, а откупился за деньги значительно меньшие, потому что хозяин хотел отблагодарить раба за большие услуги, сделанные им в его хозяй-

стве. Евтих так хорошо рассчитывал всегда доходы и расходы в хозяйстве поместья, так хорошо знал, что и когда нужно сеять и каких куда послать рабов на сельскохозяйственные работы. Он, раб, был самым верным и разумным помощником у вилика. И вот за это господин отпустил его за небольшой выкуп, но с тем, что Евтих, уже вольноотпущенник, человек свободный в своих решениях, останется в поместье и будет помощником у Мерулы.

Памфил слушал все это, как сказку, как забавную историю, может быть кем-то надуманную, не реальную. Его хозяин был совсем другим человеком. Это был настолько скаредный и жадный до богатства человек, что для него не было преград, если предвиделась добрая прибыль. Рабов своих он заставлял работать без отдыха с рассвета до заката. Он славился тем, что никогда не давал рабам свежей, хорошей пищи, а считал возможным посылать на кухню только порченные продукты — полусгнившие овощи, заплесневелое зерно... И неудивительно, что дети несчастных голодных рабов научились воровать и обманывать. Памфил и попался, когда забрался как-то в комнаты господина, пользуясь его отсутствием, и стащил драгоценный перстень, который лежал в маленькой шкапулке. Такого еще никогда не было в доме грозного господина. И когда он, по возвращении, вдруг не увидел маленькой шкапулки и понял, что ее стащили, он приказал обыскать каждого и пороть, пока не будет найден его перстень. Памфил не успел закопать перстень под смоковницей, как собирался. Он не знал, что будут ощупывать и больно хлестать. Он спрятал его под своей рваной туникой и лег среди густо разросшейся маслины. Как приказал господин, прежде всего стали обыскивать и бить хлыстами мальчишек и девчонок, которые прислуживали на кухне и во дворе, были поблизости от покоев господина и, следовательно, могли забраться в дом. Вот почему Памфила изловили и приволокли на побоище. Можно себе представить, как отхлестали вора, когда из-под рваной рубахи вывалилась шкапулка с перстнем. Разгневанный хозяин велел тотчас же, безотлагательно отвезти негодного в школу гладиаторов и продать его ланисте.

«Там он найдет себе достойный конец!» — кричал разъяренный господин, подписывая свиток о продаже раба в школу гладиаторов.

Отец и мать Памфила с криками и воплями провожали его из поместья, а Памфил почему-то принял все это спокойно, без страха и даже с любопытством. Все, что он слышал о гладиаторах, привлекало его и казалось ему очень заманчивым. Он никогда не видел боя гладиаторов. Он слышал только рассказы старых рабов, которым довелось где-то когда-то что-то увидеть, что-то услышать.

Во всяком случае, возможность стать героем на арене показалась ему куда более привлекательной, чем жизнь в этом поместье у злобного и жадного господина. Прощаясь с родителями, он успел пообещать им, что выкупит их, когда станет знаменитым.

Сейчас Памфил еще только учился. И хотя он провел здесь несколько месяцев и только раз присутствовал на большом сражении, он не терял своей самоуверенности и со свойственной ему самонадеянностью считал, что он станет одним из тех победителей, которых осыпают золотыми монетами.

А пока хотелось вина и каких-либо развлечений. Где взять деньги? Лучше всего у Стефана. Раз он умудрился получить две тысячи сестерций, значит, он имеет деньги, а говорит, что все отдал родителям на пекарню. Какой дурак отдаст все деньги и не оставит себе даже на вино!..

Не найдя денег среди вещей Стефана, Памфил решил ночью потребовать у него денег, а если не даст — пригрозить. Памфил был гораздо более тренирован, чем Стефан. Он уже владел какими-то приемами боя. К тому же он знал, что если придется бить Стефана, то он сделает это настолько неожиданно, что Стефан не сумеет защититься.

И вот как-то ночью, когда Стефан, усталый и раздосадованный не очень успешным фехтованием и тем, что его обругал старый гладиатор-фехтовальщик, уже засыпал, Памфил вдруг вскочил и сказал:

— Эй, ты! Сын благородного вилика! Дурацкая напыщенная морда! Дай деньги. Отдай все деньги, которые ты оставил себе в тот вечер, когда проданся ланисте. Мне эти деньги нужны для дела.

Стефан вскочил и в ярости набросился на злодея:

— Какие деньги?! Я говорил тебе, что все было отослано отцу. Для этого я и проданся ланисте! Почему ты угрожаешь и оскорбляешь меня? И почему ты требуешь денег, которых у меня нет, да так, будто они твои?..

— Дай деньги, глупая образина! Иначе будет тебе плохо!..

И мгновенным ударом Памфил повалил Стефана на пол и стал избивать его своими крепкими кулаками. Стефан отбивался, но сразу же почувствовал преимущество Памфила. Ему не хотелось кричать, чтобы не стать посмешищем на всю школу, но у него было такое ощущение, что если он не позовет на помощь, Памфил убьет его. Из носа и рта хлынула кровь, он весь был в синяках и кровоподтеках, а Памфил все бил и бил его и все требовал денег...

ОТЕЦ ИЩЕТ СЫНА

Потин Мерула оказался в Помпеях ровно через десять лет после того, как впервые посетил этот город. Все эти годы он успешно вел торговлю зерном через своих доверенных лиц и через тех, кого посылали помпейские эдилы для закупки зерна. Потин Мерула был сейчас в состоянии чрезвычайной скорби и печали, и все же он не мог не заметить, как разросся и похорошел этот прекрасный город. Даже избалованные римляне считали Помпеи лучшим среди итальянских городов. Завладев землями вокруг Помпей, они воздвигали виллы и расцветили плодородную землю садами и виноградниками.

Потин Мерула сразу даже не нашел улицы, на которой жил знакомый ему богатый пекарь Арий Келада. С ним он вел переговоры, и посланный от него человек договорился о последнем караване с зерном. Он же связал Евтиха с эдилом. Мерула только раз видел Ария Келада, когда тот приезжал в его поместье. Но сейчас, когда у Мерулы случилась такая беда, он считал, что Арий Келада — единственный человек, который может ему помочь добрым советом, и потому он направился к нему.

Мерула помнил из рассказов пекаря, что на стене большого красивого дома есть надпись: «Пекарня Ария Келада». Сейчас он искал этот большой красивый дом с такой надписью. Но, прежде чем он увидел эту надпись, он обошел много улочек маленьких и больших, и не раз видел пекарни. Были и совсем маленькие, и побольше. Однако он не заходил и не спрашивал, где искать Ария Келада, а просто искал надпись на стене. И он нашел ее. Этот дом был недалеко от городской бани. И только тогда, когда он очутился у этого дома, он вспомнил, что Арий об этом ему и говорил. Мерула вошел в пекарню и сразу же увидел хозяина в белом кол-

паке. Он как раз принес в свою лавку только что извлеченные из печи горячие, румяные хлебцы.

— Узнаешь ли ты вилика Мерулу, мой добрый друг Арий Келад?

— В добрый час, Потин Мерула, уважаемый вилик, почтенный человек! Рад тебя видеть!

— О, не в добрый час я прибыл в Помпеи. Беда меня привела.

— Какая беда? Скажи мне, Потин Мерула. Не могу ли я помочь? Мы так славно с тобой торговали. Твой сын доставил мне добрую пшеницу из имения твоего господина. Скоро выборы эдилов, и пекарни наши будут старательно выпекать самые лучшие и румяные хлебцы, чтобы угодить помпейцам, а то ведь не выберут наших эдилов. Однако ответь мне, Мерула...

— Сын мой Стефан доставил тебе зерно. Мой доверенный человек Евтих получил деньги. Груз пшеницы был в целости доставлен в Помпеи, Евтих со всеми погонщиками вернулся в поместье. Только не вернулся мой сын...

— Помилуй бог!.. Куда же девался твой Стефан?

— Вот этого я не могу сказать... Чтобы узнать это, я прибыл в Помпеи. Представь себе, уважаемый Арий Келад, получаю я от сына вот эту дощечку с письмом и две тысячи сестерций. И мой умный, смысленный Стефан пишет так туманно и непонятно, что вряд ли кто может понять, куда он девался. Посмотри...

Арий Келад очень внимательно прочел вошеную дощечку и спросил:

— Две тысячи сестерций полностью доставлены тебе?

— Разумеется, полностью.

— Значит, сын твой сумел заработать? Он старался для твоей пекарни? Давай подумаем, что он мог сделать. Ты говоришь, что он увлечен театром, мимами, акробатами... Но эти деньги он не мог у них получить: они беднее полевых мышей. Зададим себе вопрос: кто мог дать Стефану такие деньги? Думаю, что прежде всего надо побывать в гладиаторской школе. Совсем недавно в городе рассказывали о том, что при школе сейчас завелся такой хитрый мошенник ланиста, что стало опасно выпускать на улицу здоровых, красивых парней. Он находит способ заманить их в школу. Не он ли завлек твоего Стефана? Я заметил, что сын у тебя здоров и красив. Если сделать из такого гладиатора, то залюбуешься, глядя на него.

— Помилуй бог! — воскликнул Потин Мерула. — Прости меня, уважаемый Арий Келад, но я должен тебе возразить. Мой сын не так глуп, чтобы понасть на удочку. Ведь он знает, какие надежды

я возлагаю на его будущее. Всего лишь год назад мы откупились. Еще долги за нами... И что же ты думаешь, разве мог он в здравом уме добровольно принять рабство? Это настолько нелепо и глупо, что даже ходить в эту школу не стоит.

Они долго объясняли друг другу, каждый свое. И несмотря на то, что Потин Мерула не верил, что Стефан мог продаться в школу гладиаторов, он все же согласился пойти поискать ланисту. Уж очень на этом настаивал Арий Келад. И почему-то больше всего пекаря смущали эти несчастные две тысячи сестерций. Ему казалось, что именно такую сумму предлагал ланиста и другим молодым людям в маленькой харчевне на окраине Помпей.

— Я иду в школу гладиаторов,— сказал, понутив голову, Потин Мерула,— но поверь, друг Арий, если это невероятное случилось, я не перенесу...

— Тогда пойдем вместе,— предложил Арий Келад,— если уж случилась такая беда... Пойдем. Узнаем... И если окажется, что я пророк в этом деле, то дай мне слово, Мерула, что ты не растеряешься, не потеряешь голову, а сделаешь все, что можешь, чтобы выкупить сына. Ты привез с собой эти две тысячи сестерций?

— Вот они. Я принимаю твою добрую услугу. Пойдем!..

У школы гладиаторов Арий Келад начал переговоры с охранником. Он требовал позвать ланисту. А когда охранник объяснил, что ланисты здесь нет, что он ничему не учит и что он редко здесь появляется, тогда Потин Мерула взмолился и стал просить охранника помочь ему увидеть сына. Он показал ему деньги и пообещал вознаградить. Охранник не мог покинуть своего поста. У калитки постоянно стояла стража. Если оставить калитку без охраны, всегда найдется охотник бежать. А здесь зорко охраняли каждого, за каждым следили. Однако получить награду очень хотелось охраннику. Он позвал кого-то из своих помощников и велел узнать, нет ли во дворе на занятиях по фехтованию Стефана Мерулы. Очень скоро охранник получил ответ, что Стефан Мерула в карцере. Услышав слово «карцер» и узнав, что там в самом деле сидит Стефан Мерула, бедный вилик застонал, а потом, уже не стесняясь, зарыдал, как младенец, и долго-долго Арий Келад не мог его успокоить.

Но теперь надо было найти способ встретиться с хозяином школы, чтобы договориться о выкупе Стефана. Охранник объяснил, что одним из хозяев является ланиста, это он покупает рабов для гладиаторской школы, с ним и следует говорить. А встретиться со Стефаном можно, если он стоит на ногах. Ведь карцер дело скверное...

Когда вилик Мерула предложил охраннику вознаграждение, тот пообещал привести Стефана. Горе Мерулы было так велико, что

он вдруг почувствовал боль в сердце, у него потемнело в глазах... С трудом добравшись до скамьи, он упал на нее в беспамятстве. Арий Келад испугался: как бы не умер от горя бедный вилик Мерула...

*

Стефан, закованный в колодку, сидел уже третий день неподвижно, в одном положении. Железная штанга наглухо была закреплена с обеих сторон и запиралась замками. Несчастный ничего не мог сделать, чтобы изменить свое положение и как-то облегчить пытку. Как и следовало ожидать, Памфил, избив его, открыл дверь и закричал, что его хочет убить негодный и драчливый новичок Стефан и что, защищаясь, он избил его. Утром, когда староста школы стал выяснять причину драки, Памфил еще прибавил, что Стефан к тому же уговаривал его бежать. Будто он сказал, что достаточно богат, чтобы потом покинуть город и скрываться где-то в дальнем поместье, где отец его является виликом. Войдя во вкус, Памфил сумел так оклеветать Стефана, используя его доверчивые рассказы, что Стефан оказался виновником многих бед и был отправлен в карцер.

Обещание хорошо уплатить за свидание со Стефаном возымело действие. Охранник сговорился со старостой о том, чтобы Стефана вытащили из колодки и привели на свидание с отцом. Посулив старосте половину обещанных Мерулой денег, охранник добился желаемого. И вот Стефана Мерулу вытащили из колодки, окатили холодной водой, дали чистую одежду и потащили. Юноша едва стоял на ногах, потому что ноги отекали. У него кружилась голова от голода и оттого, что он трое суток почти не спал и кричал, призывая к милости и справедливости. И то, что его сейчас повели на свидание с отцом, показалось ему величайшим чудом его жизни. Однако охранник предупредил его, чтобы он не вздумал рассказывать подробности своего пребывания в карцере и чтобы сказал отцу, что был нездоров после долгой тренировки и фехтования. Охранник предупредил, что Стефану же будет хуже, если он не послушается и расскажет о порядках в гладиаторской школе...

Потин Мерула и Арий Келад тихонько переговаривались, когда открылась дверь и два охранника привели Стефана. Отец с криком боли и радости бросился к сыну и, глядя его по мокрым волосам, все приговаривал:

— Ты жив, сын мой, это самое главное... Ты похудел, побледнел, осунулся, у тебя нездоровый и печальный вид, но ты жив!.. Вот это — главное! Я выкуплю тебя, сын. Не рассказывай, как это

случилось. Наш друг Арий Келад все знает и рассказал мне, каков мошенник ланиста. Боюсь, что он подпоил тебя, и ты не очень понимал, что делаешь и какой свиток подписываешь.

— Ты прав, отец. Прости меня. Я поддался дурному влиянию обманщика. Он целый вечер подливал мне горячего вина и рассказывал о прекрасной жизни гладиаторов. А я рассказал ему о своей мечте — добыть денег, чтобы ты мог устроить свою пекарню. Я рассказал, что мы купим себе жилище и все будем там жить, свободные и счастливые. Разве я дурно задумал, отец?.. Только знай: он должен получить не более двух тысяч сестерций. Ни одной монетой больше! Он может приврать, этот ланиста, сказать, что давал мне больше... Не верь ему.

— Не тревожься, сын мой. Потерпи немного — и все будет сделано. Для спасения твоего не будет преград, даже если он потребует больше денег. А две тысячи сестерций я привез. Вот они. Дождись меня, Стефан. Все будет хорошо...

Прощаясь с охранником, Потин Мерула хорошо отблагодарил его и уплатил еще за то, чтобы сына больше не сажали в карцер и чтобы не обижали его.

— А теперь, друг Потин Мерула, — сказал Арий Келад, — пойдем ко мне и обсудим все... как быть дальше. Я узнал, где живет ланиста, и мы пойдем к нему с деньгами, чтобы выволить твоего сына. Но сначала отдохнем.

— Друг мой Арий Келад, я могу пойти только к дому ланисты, больше никуда. Я успокоюсь только тогда, когда смогу отдать ему деньги и увести Стефана. И как только мне это удастся, мы вместе со Стефаном придем в твой дом и посмотрим твои хлебные печи, посмотрим, как ты устроил свою пекарню. Ведь нам надо учиться у тебя доброму делу, не правда ли, если мы хотим покинуть место виллика в имении. С тех пор как в дела хозяйства, которым я управляю, стала вмешиваться жена моего господина, Злобная Скантия, мне стало трудно работать. Госпожа нередко проявляет недоверие ко мне, все подсчитывает и записывает, проверяет каждый шаг мой. И это после того, как я двадцать лет тяжким трудом добывал им богатство, изворачиваясь и изобретая всякие способы продать подороже то, что вырастили на полях и в садах имения! Скантия обвиняет меня в том, что я мягкотел и невзыскателен к рабам, работающим на полях. Ей и в голову не приходит просто сравнить, сколько дают те же земли в соседнем имении. Если бы она сравнила, то увидела бы, что наши земли дают почти вдвое больше. Люди работают у меня честно и добросовестно. Но она этого не видит. У нее вздорный нрав и какая-то дурацкая скаредность. Она хочет сэкономить на мелочи, а при этом губит большое дело. Вот

почему я задумал устроить пекарню и покинуть имение. А мой сын, который умен и благороден, вот так неразумно стал мне помогать в моем замысле... Пойдем, Арий Келад, к ланисте. Это первая моя забота.

Они вовремя подошли к дому ланисты. Вовремя, потому что встретили его у калитки. Он спешил по своим делам. И когда Потин Мерула обратился к нему со словами приветствия и сказал, что должен с ним поговорить о важном деле, ланиста с любопытством спросил, не предлагает ли ему неизвестный гость рабов для школы. Он тут же сообщил, что его ждут очень важные дела и времени у него крайне мало.

Ланиста толкнул калитку и пригласил пришедших в перистиль. Это был довольно богатый дом. Хозяин не поскупился на крытую мраморную колоннаду, в центре которой под синим небом был раскинут великолепный цветник. Ланиста любил розы. Потин Мерула сразу же понял это. Он увидел здесь редкие сорта роз, которые росли в цветнике имения его господина.

— У нас недолгий разговор,— сказал Потин Мерула.— Я принес тебе две тысячи сестерций, а ты сейчас же, немедленно пойдешь в школу гладиаторов и освободишь моего сына Стефана Мерулу.

— Я рад познакомиться с отцом Стефана Мерулы,— ответил, улыбаясь, ланиста.— Но разве я виноват в том, что сын твой не отвечает за свои поступки? Он пожелал попасть в школу гладиаторов, пожелал получить две тысячи сестерций, чтобы помочь тебе. Чем ты недоволен? И почему ты думаешь, что мы продаем обученных гладиаторов по той же цене, по которой они были куплены с их собственного согласия? Ведь у меня же есть подпись твоего сына на свитке. Я потратил на него деньги, обучая тонкому искусству. Он получал отличную пищу. Массажисты натирали его оливковым маслом. Это разве не стоит денег? А заботы и тревоги? А драки, которые учинял твой Стефан? Все это ничего не стоит? Как ты думаешь?.. Да и вообще я не собираюсь продавать своих учеников. Кто согласился перешагнуть порог этой школы, тот и должен оставаться в ней. Если так неверно и необдуманно вести себя, то в Помпеях и вовсе не будет гладиаторских игр. Нет, нет, я не намерен продавать своих учеников! К тому же я питаю к ним привязанность. Я знаю и люблю каждого, кто учится в моей школе.

— Речь идет не об учениках, а только о моем сыне Стефане, которого ты заманил, пользуясь его доверчивостью. Я согласен оплатить расходы по обучению. Говори, сколько я должен тебе!

— Я не ошибусь, если получу от тебя шесть тысяч сестерций. Не больше.

— Ты что, с ума сошел, мошенник?! — закричал Арий Келад. — Мы обратимся к судье, мы обратимся к эдилу! Мы найдем защиту!

— Я согласен дать две с половиной тысячи сестерций. Получи их, ланиста, и пойдем. Отпусти моего Стефана. Не будем спорить. Он виноват... Ты виноват... Надо исправить ошибку юноши. Он еще слишком молод и недостаточно смышлен.

— Нет, нет, я не позволю себя грабить! Я сказал, каковы мои расходы, и могу отпустить Стефана только тогда, когда получу шесть тысяч сестерций.

— Мы пойдем к судье! — закричал Арий Келад. — Не давай ему таких денег. Это бесчестный грабитель!

— Мне негде взять таких денег! — воскликнул Потин Мерула. — Я даже не знаю, смогу ли я занять такую большую сумму. Я должен вернуться в поместье и там попытаться добыть деньги займы у своего господина, у соседей. О боги, откуда такое наваждение! Какая беда случилась с нами!.. Что делать? Может быть, ты одумаешься, ланиста?

— Не говори. Не одумаюсь. Я могу лишь подождать. Возвращаясь к себе в имение, привези деньги. С твоим Стефаном ничего не сделается, он потерпит. Правда, я не собираюсь дальше тратить деньги на кормление бездельника. Оставь деньги на расходы.

— Оставлю!

Потин Мерула отсчитал несколько монет и подал их ланисте. Он не стал просить, чтобы сына не морили голодом и не обижали. Он понимал, что за этим улыбающимся, довольным лицом ланисты скрывается злодей.

Они молча, не прощаясь покинули богатый перистиль ланисты. Вилик Мерула был в полном отчаянии, потому что не мог придумать, как добыть необходимую сумму денег. Что касается Ария Келада, то от ярости он едва мог слово произнести. У него вырывались бранные слова по адресу ланисты и ему подобных жуликов, которые мучают людей и на бедах людских наживаются. Как ни просил пекарь посетить его дом, посмотреть новую печь и недавно отстроенную лавку при пекарне, Потин Мерула ни за что не согласился посетить дом пекаря. Он решил немедленно отправиться в имение, чтобы возможно скорей вызволить сына из беды.

Печальный и озабоченный, не находя выхода из этого трудного положения, Потин Мерула невольно вспомнил богатых и самоуверенных виликов, с которыми он был знаком в соседних усадьбах. Каждый из них называл его чудаком и удивлялся тому, что Мерула совсем не умеет сколачивать богатство для себя. «Ты бы накопил деньги, купил себе имение...» — говорили ему. Мерула отлично

знал, как наживались эти вилики. Они бы не стали продавать пшеницу, не взяв себе значительной части из прибыли хозяина. А он двадцать лет отдавал хозяину все до последней монетки. Мерула никогда не утаивал даже горсти пшеницы. Он получал то, что ему было положено, и этим довольствовался. Он считал, что заслуженное доверие господина и помогло ему откупиться. А это была самая большая награда, какую он желал. Однако сейчас он искренне горевал о том, что не имеет накопленных денег. Как бы они емугодились! Не имеет денег и благородный Евтих, который тоже никогда не обманывал. А если бы у него были деньги, он бы с радостью их отдал, а потом ждал бы терпеливо и долго. Но кто же из виликов, ему, Меруле известных, пожелает помочь в несчастье?.. Как печально, что нет у него щедрого друга. Но может ли раб иметь друга богатого и щедрого? Откуда? Те из виликов, кто сумел накопить деньги, отличаются такой скаредностью, словно их учила этому злобная Скантия. А такой человек никогда не поможет в беде.

ТЕГЕТ ГОТОВ ПОМОЧЬ

Вернувшись в Помпеи, уставший и разочарованный Антоний решил сначала побывать дома, рассказать родителям о злоключениях своего двойника, а потом уже пойти в гладиаторскую школу. Он теперь уже не сомневался в том, что друг ланисты рассказал правду. Да и как можно было придумать такую историю? Должно быть, Стефан в самом деле хотел помочь своим родителям. Но ему никто не сказал о том, что школа гладиаторов — это худший вид рабства. Он, Антоний, не может допустить, чтобы его двойник погиб в сражении с гладиаторами. Теперь спасение Стефана стало делом чести. Надо добыть деньги.

Антоний очень огорчился по поводу того, что не имеет ни денег, ни драгоценностей, которые помогли бы ему уплатить ланисте и увести Стефана возможно скорее. Воображение рисовало ему самые печальные картины. Иной раз ему казалось, что вот сейчас, в то время, как он приближается к своему дому, бедный Стефан уже участвует в гладиаторском сражении. И тогда Антоний останавливал своего осла и, вытирая мокрый лоб, старался отогнать от себя страшное видение — Стефан, истекающий кровью... Нет, нет!..

Приближаясь к дому, Антоний думал о том, что спасению Стефана могут помочь жертвоприношения домашним богам-покровителям. Антоний, который под влиянием Лукреция перестал верить в богов и приносить им жертвы, решил сейчас немедленно обратиться к домашним богам и выпросить у них покровительство Стефану.

«Если я смогу привести в дом Стефана,— думал Антоний,— я прежде всего докажу Элию Сиру, что бывают на свете чудеса.

Я удивлю отца и мать. И если все удастся, то сделаю так, чтобы к ним первым вошел Стефан, одетый в мою тогу, с моим перстнем на левой руке. И как будет удивлен отец, когда Стефан будет отвечать ему все невпопад. Он начнет сердиться и скажет: «Антоний, что с тобой?» А я выскочу из-за двери и скажу: «Отец, не удивляйся! Ты видишь чудо — двух одинаковых людей. А жили они в разных концах земли и не ведали о существовании друг друга».

Дальше Антонию становилось не по себе от мысли, что будет с отцом и с матерью, и он уже не рисовал себе картины дальнейшего пребывания Стефана в доме философа Тегета.

«Не очень ли много я занимаюсь неизвестным мне человеком? — подумал Антоний, когда уже вводил осла в калитку. — Не много, не много! — сам себе ответил Антоний. — Занимаюсь ровно столько, сколько нужно заниматься человеку хоть и молодому, но с причудами. Вот хочу — и занимаюсь этим Стефаном! И пойду сейчас к отцу и попрошу денег...»

Однако Антоний не пошел к отцу, а прежде всего забежал к Элию Сиру. Он подумал, что судьба Стефана не может не взволновать умного и талантливую раба Элия Сира — ведь и сам Элий Сир мечтает стать свободным. А кто из рабов не мечтает стать свободным? Но если раб мечтает стать свободным, то как ему не понять юношу, который так глупо продал свою свободу...

— Послушай, Элий Сир, — обратился Антоний к скульптору, — беда случилась с моим другом. Я узнал, что он угодил в сети ланисты. Боюсь, что его ждет жалкая судьба. Он рослый и красивый. Ланиста может выпустить его на арену, даже не обучив всем правилам защиты. Его могут убить, Элий Сир. Речь идет о том, чтобы спасти юношу. Как ты думаешь, смогу я его спасти?.. И много ли денег он попросит?

— Ты видел Стефана в школе гладиаторов? — спросил Элий Сир.

— Нет, не видел, но знаю: он там. Ведь мне сказал об этом друг ланисты.

— Ты уверен, что он сказал правду?

— Мать Стефана, которую я видел пять дней назад, сказала, что сын прислал им две тысячи сестерций. На форуме мне говорили о том, что ланиста нашей гладиаторской школы платит такие деньги за рабов, обреченных на верную смерть.

— Надеюсь, ты не рассчитываешь на благородство этого ланисты? Если он согласится отпустить Стефана, то будь уверен, он потребует втрое или вчетверо больше того, что отдал за него. Ни один работородец не сравнится в коварстве с этими ланистами... Нужно много денег, чтобы выкупить Стефана!

— Не пугай меня, Элий Сир. Не выдумывай. Как может этот ланиста потребовать шесть тысяч сестерций, если он отдал две тысячи. Это ведь открытый грабеж! На такого ланисту можно в суд подать.

Антоний так разгорячился и разгневался, глаза его горели и словно бы излучали молнии. Элий Сир даже позабавился над тем, как доверчив и наивен его молодой хозяин. Он подумал о том, что только очень чистый и доверчивый человек может так рассуждать, как рассуждает сейчас Антоний.

— Ты изучаешь философию, ты прочел много прекрасных книг, которые рассказали тебе правду о прошлом и настоящем, но жизни ты не понимаешь, Антоний. Я советую тебе поговорить с отцом. Отец твой очень умный и образованный человек. К тому же он человек благородный, сердце ему подскажет, что тебе делать. А может быть, даже и не тебе следует идти к этому ланисте...

— Кому же? Не могу же я допустить, чтобы кто-нибудь занимался моими личными делами! Ты не всегда даешь разумные советы, Элий Сир. Скажи мне по совести, что ты думаешь об этом деле? Посоветуй, что сделать, если отец не даст мне денег по какой-либо причине.

— Я предвижу такую причину. Ваш вилик, бесчестный и лживый человек, прежде всего скажет отцу, что нет у него никаких денег, что все они потрачены на улучшение хозяйства. А ты хорошо знаешь, что философ не проверяет календариум и не следит за тем, куда тратятся деньги, вырученные за зерно, за фрукты и овощи. Поместье большое. Вилик продает много всякой всячины и ведет дурацкие, лживые записи. Они никому не нужны. Право, не знаю, на что можно рассчитывать в вашем доме.

Все, что говорил Элий Сир, было совершенно верно. Антоний отлично понимал, что вилик откажется дать деньги, а отец поверит ему, что денег нет. Но что делать тогда?

Оба долго молчали. И оба думали об одном и том же. Элию Сиру вдруг стало жаль этого глупого, доверчивого юношу Стефана, которого он никогда не видел. Этот юноша попал в очень скверную историю, и если ему не помогут, то жизнь его в опасности. Но чем может помочь он, Элий Сир? Если предложить Антонию все свои сбережения, то что будет с ним, с Элием Сиrom? Он так и останется навеки рабом... С тех пор как он стал получать деньги за свою работу, с тех пор как его оценили в этом доме, с тех пор он стал надеяться на чудо. Элий Сир поверил, что когда-нибудь он станет свободным скульптором. И тогда он сделает много прекрасных работ, за которые ему будут платить щедро и много. Но если он отдаст свои накопления, ему не дожидаться этого счастливого дня...

— Ничего не могу придумать, — сказал Элий Сир. — Должен тебе признаться, мой юный господин, что на одно мгновение мне пришла в голову безрассудная мысль, но я тут же ее отбросил. Из чувства дружбы и уважения к тебе я хочу сказать о том, что должно быть скрыто от тебя. Я знаю — ты меня осудишь, но я бедный раб. Только на одно мгновение я подумал о том, что мог бы дать тебе те пять тысяч сестерций, которые собрал для того, чтобы выкупить себя. Но в следующее мгновение я подумал о том, что полностью потеряю покой, расставшись со своим богатством. Ты ведь знаешь мою давнюю мечту? Я говорил тебе, что хочу дать выкуп, хочу стать свободным. Но если ты пожелаешь, я останусь в твоём доме, с тобой. Ты совсем ещё юный, Антоний, но ты самый большой мой друг. И я давно уже решил, что, став свободным, не покину тебя, пока ты сам не откажешься от меня. Но что будет, если я отдам тебе мое достояние?

— Все будет прекрасно, Элий Сир. Клянусь Геркулесом, я верну тебе все это, как только получу от отца!.. Но что я говорю! Мне прежде надо попросить у отца эти деньги. Мне никогда еще не приходилось обращаться к нему с подобной просьбой. Не знаю, почему мы с тобой решили, что отец будет щедрым? Мы никогда не видели таких поступков.

— Ты не прав, Антоний. Манилий Тегет платит мне за скульптуры, чего не делал никто из моих прежних хозяев. Ведь я раб его и должен по законам выполнять все его прихоти и желания, не получая никакого вознаграждения. Разве это не доказательство щедрости и благородства твоего отца? А сколько у него учеников, которые ничего не платят и довольно часто возлежат за трапезой, щедро приготовленной!.. Нет, не говори мне, Антоний! Доказательств много. И ты пойдешь к отцу и попросишь. Только проси как следует. Скажи, что для тебя это стало делом чести. Скажи, что в тот день, когда ты выступишь со своей первой речью на суде и когда получишь свои первые деньги, заработанные твоим красноречием и твоим разумом, ты эти деньги вернешь отцу. Поверь, такое обещание его растрогает. Ведь он только и стремится к тому, чтобы возможно лучше вывести тебя на дорогу жизни и сделать из тебя человека знаменитого, настолько знаменитого, чтобы тебя пригласили в Рим. Поверь мне, Антоний. Я старый человек, я знаю жизнь и понимаю людей.

На том они и порешили. Антоний пообещал поговорить с отцом, но заручился честным словом Элия Сира помочь в случае нужды. А Элий Сир, поразмыслив, решил, что даст займы свои деньги, если вилик не найдет нужную сумму в ближайшие дни. Так или иначе, молодой господин и раб очень хорошо обсудили

весь план спасения Стефана. После такого обстоятельного разговора Элию Сиру самому захотелось поскорее увидеть двойника и убедиться в том, что на свете на самом деле бывают чудеса.

Еще не зная, чем закончился разговор Антония с отцом, и думая все время о спасении Стефана, Элий Сир даже задумал небольшую мраморную скульптуру, которую он готов был сделать довольно быстро, с тем чтобы ее продать для спасения Стефана. Он задумал скульптуру маленького веселого мальчика, погоняющего прутиком гусей. Во дворе у пекаря Прокула лежал кусок мрамора, купленный еще в прошлом году. Элий Сир, думая сейчас о спасении Стефана, вдруг увидел в этом куске фигурку такого мальчика и представил себе, что эта скульптура может украсить фонтан или баню. На прошлой неделе, когда Элий Сир зашел в пекарню Теренция Прокула, тот ни за что не хотел отпустить его, не получив согласия сделать скульптуру маленького амура для украшения фонтана.

Теренций Прокул, узнав, что Элий Сир из поместья философа Манилия Тегета, пожелал во что бы то ни стало получить от рабаваятеля какую-нибудь хорошую работу. Прокул повел Элия Сира в самую большую красивую комнату своего дома и показал ему групповой портрет, которым очень гордился, потому что уплатил за него большие деньги. На портрете Элий Сир увидел довольно живое изображение самого Прокула и его жены. Элию Сиру понравился портрет. Особенно понравилась жена Прокула, миловидная женщина с большими глазами и правильными чертами лица. Она в задумчивости прижала к губам стиль, словно собиралась сейчас записать сочиненные ею стихи. Элий Сир не был уверен в том, что жена Прокула что-либо сочиняет и часто пользуется вошеной дощечкой и стилем, но он понимал замысел художника, который этим хотел подчеркнуть достоинства женщины. Элий Сир тогда не дал согласия сделать скульптуру, сказал, что подумает. А вот сейчас он уже почти решил. Раз это нужно для спасения человека, а главное, совершенно необходимо Антонию, значит, надо это сделать.

Элий Сир подумал, что Прокул — человек невзыскательный. Всю свою жизнь он тяжело трудился и нажил свое состояние неутомимым трудом. И хоть он очень ловок и быстр в движениях, на лице его постоянно видна усталость. Ведь труд пекаря — нелегкая штука. Пожалуй, он, Элий Сир, сделает Теренцию Прокулу скульптуру, даже если Антоний получит деньги у отца. Ведь Теренций Прокул — вольноотпущенник. Он, можно сказать, родной брат Элию Сиру. Надо бы спросить, откуда он. Да не все ли равно!.. В сущности, все рабы — братья. И все вольноотпущенники —

братья. И правильно было бы, если бы каждый из них никогда не отказывался помогать другому; тогда бы и жить было легче.

Элий Сир не стал откладывать задуманного и на следующий день отправился к Теренцию Прокулу, чтобы взять у него мрамор и договориться о работе и об оплате.

Пекарь был так обрадован предложением Элия Сира, что готов был даже дать ему часть денег вперед. На радостях он показал Элию Сиру все, что казалось ему самым ценным и красивым в его доме. В комнате, которая прилежала к помещению пекарни — это было помещение, в котором продавали хлеб, — Теренций Прокул показал очень хорошую мозаику, сделанную на стене. Из маленьких цветных камешков было сделано изображение кошки с уткой. Эта мозаика очень понравилась Элию Сиру, и он похвалил художника, который это делал. Теренций Прокул похвастал тем, что это знаменитый в Помпеях мастер по мозаике. Он был рабом, но уже давно откупился, потому что зарабатывал большие деньги.

— Успехи этого мастера, точно так же как и твои успехи, Теренций Прокул, — сказал Элий Сир, — вселяют в меня надежду. Я все больше верю в успех задуманного.

— Я понял! — воскликнул Теренций Прокул. — И я верю, что ты тоже скоро будешь вольноотпущенником. Сообщи мне, когда это произойдет, и я велю испечь для твоего праздника самых лучших хлебцев на молоке и яйцах.

*

Философ Манилий Тегет целыми днями трудился над новым своим исследованием, которое пока еще было известно только ему; никто еще точно не знал, какому вопросу посвящен новый труд уважаемого философа. Он даже не читал отдельных глав своим друзьям, которые обычно с радостью приходили в дом ученого, чтобы послушать отрывки только что написанных сочинений, а иной раз поспорить.

Склонившись над свитком, старый философ быстро и уверенно записывал свои мысли. Он даже не заметил, как в открытых дверях появился Антоний. Юноша немного постоял позади отца и с уважением подумал о трудолюбии и верности своему делу. Он вспомнил, как много раз отец призывал его, Антония, к труду, постоянному и увлеченному, уверяя, что каждый, кто щедро отдает себя науке, непременно бывает вознагражден.

— Я здесь, отец. Приветствую тебя за благословенным трудом! Я соскучился, отец... У тебя в руках незнакомый мне свиток...

— Расскажи, сын мой, о своем путешествии. Кого видел, что

слышал? Великий Рим полон неожиданностей. Хорошо ли ты съездил? Вид у тебя невеселый и какой-то растерянный. Не вижу я на тебе новой одежды. А ты ведь собирался купить и деньги взял...

— Прости, отец, я признаюсь тебе... Я не хотел тебя обманывать, но так случилось. Я не был в Риме. Я был совсем в другом месте. И случилось со мной нечто неожиданное и удивительное.

— Расскажи, сын. Не таись. Все, как было, расскажи. Кому же выслушать тебя, как не отцу? Говори.

И Антоний стал рассказывать всю историю своего знакомства со Стефаном Мерулой, о поразительном впечатлении от сходства людей, живущих на большом расстоянии и не знающих друг друга. Он рассказал о своем горячем желании познакомиться со своим двойником и узнать его поближе. Рассказал о короткой встрече и о назначенном свидании. Потом — как он искал этого юношу, не нашел, но не смог отказать себе в желании увидеть его и тогда решил вместо Рима совершить поездку в имение, где отец Стефана был вилликом и где, как казалось Антонию, он должен был встретить Стефана.

— Поверь, отец, это была не причуда, а необходимость. Точно так же, как боги создали нас столь сходными и похожими друг на друга, точно так же они внушили нам взаимное уважение. Я видел это, отец. Поверь мне. И когда я теперь узнал, что Стефан в беде — а судя по всему, он в большой беде, — я решил, что долг мой — помочь ему, спасти его.

— Ты думаешь, что он в такой опасности, сын? Ты не проверил, а уже уверен в этом?

— Я все узнал во время путешествия. Мне повстречался друг ланисты, который был в харчевне, когда ланиста подпоил вином Стефана и уговорил пойти в школу гладиаторов... А если так, то скажи, отец, согласен ли ты дать денег на выкуп несчастного, и я тотчас же пойду в школу гладиаторов.

— Все это похоже на выдумку, сын. И ваше бесподобное сходство, и все остальное кажется мне неправдоподобным. Однако я не хочу отказать тебе в твоей просьбе. Ступай в школу гладиаторов и узнай, так ли все это случилось. Если юноша там, узнай, как ему помочь, сколько нужно денег. Может случиться, что его не захотят продать. Тогда нужно заручиться покровительством эдила. Я надеюсь, что труды мои снискали мне уважение хозяев города, и они захотят выполнить мою просьбу, помочь мне. Ступай, сын. И знай: я не осуждаю тебя за то, что ты не поехал в Рим, а отдал свое время такому благородному делу. Ты истинный сын мой и следуешь моему учению. Сколько раз мы вели с тобой беседы о бла-

городстве, о долге и служении людям. Поверь мне, без этого человечество было бы похоже на зверинец...

Антоний низко склонился перед отцом. Потом поцеловал ему руку и молча вышел.

Старый философ в глубокой задумчивости смотрел на недописанный свиток. Еще неясная мысль о том, что случилось нехорошее, встревожила его. Он подумал: «Стоит ли рассказать об этом жене, спросить у нее совета... Она, как женщина, может лучше понимать тонкости человеческой природы. Может быть, ей известно, бывают ли такие случаи, когда у разных людей рождаются совершенно одинаковые дети. Если верить Антонию, то сходство его с этим Стефаном неописуемо, будто это один и тот же человек. А если так, то есть над чем призадуматься... Однако Антоний очень горяч. Ему свойственно так увлекаться, что он мог вполне преувеличить все это. Он говорит: «одно лицо»... Пустое! Этого не может быть. И видеть его я не хочу. Нет, нет... Мне некогда. Я занят большим делом, и мать Антония занята домом, заботами о нас. Нет нужды ее тревожить, забивать голову неведомо чем. Сын захотел помочь своему сверстнику, этому я учил его. Я дам ему денег... Но больше ничего. Я попрошу не приводить Стефана, тем более потому, что так несчастны его родители. Они ждут своего единственного сына. Они даже не знают, где он. Как их не понять!.. И как не помочь в таком несчастье!.. Манилий Тегет, будь щедрым. Не скупись. Вели своему вилику дать нужную сумму денег. Все будет хорошо... Стефан уедет в свое поместье, а твой единственный любимый сын Антоний вернется к своим занятиям. Кстати, надо послушать его стихи из последнего свитка... Он обещает стать настоящим поэтом».

КАК СПАСТИ СЫНА?

Потин Мерула покинул Помпеи в тревоге и смятении. Он уже не думал о том, что самое главное, к чему он стремился, осуществилось. А самое главное — это было найти сына. Сейчас он уже знает, где Стефан. Знает, как его спасти. Как только он добудет деньги, он выкупит Стефана. Но шесть тысяч сестерций — это так много! Это столько же, сколько понадобилось, чтобы откупиться ему самому, Меруле. Две тысячи сестерций, которые сын получил у ланисты, у него в руках. Значит, он должен думать о сумме в четыре тысячи сестерций...

Все, что накопила Клеида, продавая хлебцы у колодца, все ее двести сестерций, отданы этому мошеннику ланисте, чтобы задобрить его и оградить Стефана от пинков и обид, от голода и надругательства. Впрочем, совершенно неизвестно, выполнит ли свое обещание ланиста. Всем своим поведением он показал, что человек он бесчестный. Но что делать!.. Все равно надо было платить. Может быть, это обяжет его быть более снисходительным к Стефану.

«А Стефан мой глуп и беспомощен, совсем как маленький,— думал Мерула.— Я послал его в город с таким хорошим намерением, с горячим желанием порадовать его, а он тут же попался в ловушку... Беда мне с моим сыном!.. Да и плохо нам с Клеидой иметь одного-единственного. Плохо, что нет у нас двоих сыновей. Но что поделаешь — ведь в рабстве мы жили! Никто не знает, что было бы с нашим вторым сыном, если бы он рос рядом со Стефаном. Не думай об этом, Мерула! Прошло девятнадцать лет с тех

пор, как ты решил, что у тебя может быть только один сын... Спасай сейчас Стефана любимым способом!»

Потин Мерула старался отогнать печальные мысли. Ему бы сейчас, немедленно обратиться к господину. Но что поделаешь, когда Потин Теренций в Риме. Так редко он выезжает, и, как назло, он покинул поместье именно сейчас. Скоро ли он вернется домой? Мало того, что ему надо продать вино с выгодой, он собирался сделать покупки, собирался повидать друзей. Да и вряд ли он откажет себе в удовольствии побывать на гладиаторских играх, которые устраивает сам император. Вполне возможно, что эти игры назначены через две недели. Потин Теренций, конечно, будет ждать. Эти злосчастные четыре тысячи сестерций не добыть виллику...

А что, если утаить прибыль от продажи зерна? Если он это делает, то — видят боги — это будет впервые. Никогда еще за свои двадцать лет рабства Потин Мерула ничего не утаивал и ничего не украл. Ну вот, он утаит немного прибыли, а потом, позднее, когда все будет хорошо, он, Потин Мерула, сам приложит свои деньги и вернет господину эту прибыль. Но такую сумму ему все равно не получить. Что же ему делать?..

А может быть, продать тонкорунных овец из того стада, что на дальнем пастбище? Если сейчас, немедленно отправиться на дальнейшее пастбище и угнать... Но сколько же можно угнать? Десять, пятнадцать овец... Все равно денег не хватит. Да и кому их продать? Кто-нибудь из соседей охотно купит, но господин узнает об этом. Многие завидуют Потину Теренцию, который добыл редчайшую породу тонкорунных овец. Господин гордится своими овцами. Получаемую от них шерсть он использует на приготовление тканей для своего дома и никогда не позволяет ее продавать. Нет, это не годится. Надо еще что-нибудь придумать.

За всю свою жизнь Потин Мерула ни разу не стоял перед такой сложной задачей, и потому ему ничего не приходило в голову. Единственное, что он мог сделать, — снова стать рабом. Но как это сделать? Если он обратится с этой просьбой к госпоже, то вряд ли у госпожи найдутся деньги. Да если бы и были, она бы не дала. Она скаредна. Да и болезнь ее извела...

Жена Потина Теренция, когда-то красивая и богатая Скантия, последнее время тяжело болела и потому стала еще злее. Сейчас она все больше лежала, и верные служанки всячески старались ей угодить. То она желала полежать среди цветов в перистиле, и тогда перетаскивали деревянное ложе, стелили мягкие тюфяки и подушки, сделанные из тончайшей овечьей шерсти. То вдруг ей хотелось среди ночи окунуться в теплую ванну, и тогда просыпался весь дом и бедные рабыни сбивались с ног, чтобы угодить госпоже. Вся бе-

да была в том, что у Скантии болели и руки и ноги. Ей было очень трудно передвигаться. К тому же Потин Мерула давно знал, что Скантия отличается жадностью. По сравнению с мужем она была настоящей скопидомкой. Потин Мерула помнил, какой разыгрался скандал, когда Потин Теренций согласился отпустить его, Мерулу, за шесть тысяч сестерций. А Скантия требовала, чтобы выкуп был больше, поскольку раб был помощником вилика и, как она думала, накопил значительно больше. Клеида своими ушами слышала, как Скантия требовала от мужа увеличить выкуп и кричала, что он развращает рабов, давая им возможность воровать.

Вспоминая все это, Мерула не мог решиться обратиться к Скантии. Он понимал, что нужно дожидаться возвращения господина.

*

Потин Мерула вернулся домой в сумерках. Клеида сидела у ворот и дожидалась его.

— Где же Стефан, жив ли наш сын? Что ты скажешь мне, Мерула? Все дни я сидела у ворот. Единственно, что вселило в меня надежду, — приезд прекрасного богатого юноши Антония...

— Остановись, Клеида, дай мне сказать. Стефан жив. Я видел его. Не ломай руки, не плачь... Выслушай меня и дай мне добрый совет. Мы вместе будем спасать сына. Надо только подумать, как сделать это лучше.

— О я несчастная! — воскликнула Клеида. — Значит, Антоний был прав и наш сын попал в школу гладиаторов, не так ли?

— Не знаю, откуда взялся этот Антоний и почему он знал, что Стефан в школе гладиаторов. Одно скажу тебе, Клеида: для того чтобы выкупить сына, нам нужно добыть четыре тысячи сестерций. Их негде взять. Я всю дорогу думал об этом и придумал лишь одно... Мне остается только продать себя, если господин согласится меня купить.

— Нет-нет, этого не будет, Мерула! Четыре тысячи сестерций ты уплатил за меня — и меня ты продашь господину. Если ты останешься свободным и если Стефан вернется домой свободным, то вместе вы потом соберете деньги и отдадите господину выкуп за меня. А если ты снова станешь рабом, Мерула, то все мы погибнем... Так и решим с тобой:ждемся возвращения господина и бросимся к его ногам.

— Не купит он тебя, Клеида. Зачем ему тратить деньги, ты и так ему служишь верой и правдой. Когда ты со мной работала на винограднике, в этой пекарне были три рабыни. А сейчас ты справ-

ляешься одна, имея скверную, непослушную девчонку в помощниках. Девчонку эту купили за бесценок. Считай, что вся работа на тебе. Зачем же ему бросать деньги на ветер? Ничего не получится, Клеида. Я должен просить господина, чтобы он купил меня. Другого выхода нет. Но ты скажешь, что и меня незачем покупать: я здесь служу верой и правдой. Все это верно. Но если я сумею его припугнуть... Если скажу господину, что намерен сейчас, немедленно покинуть поместье, тогда, я думаю, он на все согласится. Где ему сейчас найти вилика, которому можно доверить все хозяйство? В нашем поместье нет ни одного человека, которому бы он доверил свои богатства.

— А если так,— сказала Клеида,— то, может быть... бывают ведь чудеса... может быть, господин одолжит тебе деньги и занесет твою расписку в свой календариум... Чего в жизни не бывает, Мерула!.. Но о чем я говорю! До чего же вскружилась моя голова... О чем мы толкуем с тобой! Я тебе не сказала самого главного. Ведь Антоний сказал, что сам выкупит Стефана. Отец его очень богат. Он обещал.

— Глупости! И ты веришь мальчишке! Мало ли что он придумал... Никогда не поверю, чтобы чужой господин взял и выбросил такие деньги на ветер. О чем ты говоришь, Клеида? Мне странно слышать это... Но зачем приехал этот Антоний?

Тут Клеида наконец очнулась от своего замешательства и стала подробно рассказывать о том, как вдруг, неожиданно прибыл в поместье богато одетый юноша. Он был странным. Он настолько походил на Стефана, что она, Клеида, бросилась к нему на шею, стала обнимать, целовать, и только тогда, когда Антоний объяснил ей, кто он, она поверила, что это не Стефан. А то ведь решила, что Стефан, хотя и следовало обратить внимание на дорогую одежду юноши, на драгоценный перстень. К тому же он был по-другому подстрижен и причесан, как знатный господин — на все это надо было бы обратить внимание с самого начала... Но он простил ей, бедной женщине, у которой сердце замирало от ожидания. Она каждую минуту ждала Стефана.

— Как странно, что он так похож! — воскликнул Потин Мерула.— Ты говоришь, что он из Помпей? А имя своего отца он сообщил?

— Нет, не сообщил. Он сказал, что мать его — Паксея...

— Ну, это тебе показалось, что он так похож на Стефана. Ты выдумщица, Клеида. Но сейчас нам не до шуток.

Потин Мерула был взволнован и озадачен, и потому в разговоре с женой он становился все более суровым и непреклонным.

— Терпеть не могу, когда ты выдумываешь, Клеида! Такая бе-

да у нас случилась, так неожиданно она нагрывула, а ты бог весть что говоришь... Бросилась на шею какому-то Антонию... Чепуха!

Клеида молча, стараясь скрыть обиду и слезы, слушала упреки Мерулы. Сейчас ей уже показалось, что и в самом деле сходство не так велико. Мерула прав. Она слишком много думала о Стефане, ждала его и, когда вошел юноша, бросилась к нему. Конечно, ей показалось... Но Антоний сказал, что он деньги добудет. Это ей не показалось. Это она очень хорошо помнит. Но что же теперь делать? Надеяться на него или добывать деньги у господина? И как это случилось, что она не спросила, где живет Антоний. Если бы она даже уговорила Мерулу вернуться в Помпеи и искать Антония, все равно Меруле не найти его. Ах, какая она бестолковая, глупая женщина! Как важно было побольше расспросить у Антония. А теперь все пропало, ничего не исправишь...

— Вот что,— сказала Клеида,— я придумала, как нам добыть деньги. Как только вернется господин, ты скажешь ему, что хочешь продать меня. А если Потин Теренций не пожелает дать за меня четыре тысячи сестерций, то ты покинешь поместье, уйдешь вместе со мной и продашь меня другому господину. Я так хорошо пеку хрустящие хлебцы, что меня всякий купит.

— Ты с ума сошла, Клеида! Я ни за что не продам тебя в чужое поместье. Своего господина мы знаем. Мы привыкли к нему. Мы знаем причуды госпожи и умеем ей угождать. А что мы сделаем в чужом поместье, где все для нас ново? Мы можем устроить себе такую же ловушку, какую устроил Стефан по своей глупости и доверчивости. Я ни за что не продам тебя другому господину! А Потину Теренцию я скажу, что покину его дом, если он тебя не купит и не даст мне тотчас же денег. Это ты правильно сказала. Но только знай: о нашей беде никому ни слова. Если Скантия узнает, плохо нам придется. Рабыни говорят, что она никогда не была такой злобной и подозрительной, как сейчас. Как только господин покинул поместье, она стала придирается, велела выпороть свою молоденькую рабыню, которая верно и прилежно служит ей. Она заподозрила в краже браслета старую, кривоногую служанку, которая верна ей двадцать лет и не взяла у нее и бусины. А потом браслет был найден под подушкой. Госпожа ни словом не обмолвилась о том, что несправедливо поступила со старой женщиной. Увидев браслет, она просто рассмеялась... Молчи, никому ничего не говори!

— Я никому не скажу. Однако дай мне пояснить тебе, зачем приехал Антоний. Ты не веришь, что Стефан так бесподобно похож на Антония, а вот Антоний из-за этого и приехал сюда.

— Из-за чего?

— Из-за того, что увидел своего двойника на помпейском форуме. Он был так удивлен, этот богатый юноша, что познакомился со Стефаном, поговорил с ним. И очень они друг другу понравились. И, как я поняла, они условились встретиться через несколько дней на форуме, но в назначенный день Стефан не пришел. Тогда Антоний пошел к эдилу, так как знал, что Стефан доставил зерно. Эдил назвал поместье Потина Теренция, объяснил, где найти наше поместье, и юноша, как ты видишь, проявил необыкновенную настойчивость. Он прибыл сюда, чтобы повидать нашего Стефана.

— А дальше что было? — спросил в нетерпении Мерула.

— Я рассказала о письме Стефана и деньгах, которые он прислал. И представь себе, этот умный юноша сразу подумал, что наш бедный Стефан попал в школу гладиаторов. Оказалось, что коварный ланиста, который заманил нашего Стефана, уже прославлен в Помпеях. О нем многие говорят, и кто-то рассказал о нем Антонию. А дальше ты знаешь: Антоний тотчас же покинул наш дом и сказал, что попросит у отца денег и выкупит Стефана.

— Хотел бы я увидеть этого Антония... Что же ты, не могла спросить, где его найти в Помпеях? Хотя бы имя отца узнала!

— Я сама об этом горюю. Но ты не печалься, Мерула. Когда мы выкупим Стефана, мы потом найдем Антония. Право же, тебе будет любопытно увидеть двойника. Будто перед тобой два Стефана...

— Снова ты говоришь глупости, Клеида... Два Стефана! Такого не бывает. Однако повидать этого юношу я постараюсь. Но это потом, когда наступят лучшие времена. Сейчас, Клеида, займись своими делами и постарайся всячески угождать госпоже. Ведь от нее многое зависит. Когда Потин Теренций скажет ей, что хочет отдать за тебя деньги, она может помешать. А ты сделай так, чтобы она сейчас вдруг оценила тебя и не пожелала с тобой расстаться.

— Ты прав, Мерула. Пойду приготовлю ей свежих хлебцев на молоке и яйцах. А еще сделаю ей сладких пирожков. Я буду очень стараться! Она любит мои изделия. Я помню, был случай, когда она объелась горячими пирогами и даже заболела. Но она не смогла меня бранить, потому что, подавая ей пироги, я сказала: «Госпожа моя, Скантия, я принесла тебе твои любимые пирожки, но ты не ешь их горячими — как бы не повредили. Пусть остынут». Вот эти слова и спасли меня от плетки. Я не сказала тебе об этом, Мерула, чтобы не огорчать...

АНТОНИЙ У ЛАНИСТЫ

Прошло всего три дня с тех пор, как отец Стефана побывал в школе гладиаторов. У калитки стоял тот же охранник. Каково было его удивление, когда к нему подошел богато одетый юноша... Но боже!.. Что это значит?! Никак, это тот самый Стефан Мерула, с которым было столько возни из-за нескольких сестерций!.. Какое-то наваждение, не иначе! Только вчера этот Стефан болтался во дворе среди фехтовальщиков, а сейчас он вошел в калитку как ни в чем не бывало, разодетый, напомаженный... Ну-ка, что он скажет?

— Хотел бы я видеть ланисту. Здесь ли он?

— Хотел бы я знать имя человека, которому нужен наш ланиста,— ответил охранник. «Интересно, как назовет себя этот Стефан Мерула...» — подумал он про себя, но не выдал своего недоумения.

— Перед тобой сын философа Манилия Тегета — Антоний. Мне нужен ланиста.

Охранник протянул руку и безмолвно потребовал мзду за ответ. Антоний положил ему на ладонь монету и поторопил с ответом:

— Где ланиста?

— Лучше всего поискать его в харчевне на Стабиевой дороге. Насколько мне известно, он бывает там каждый день. Он там большие дела делает.

— А не знаешь ли ты среди учеников гладиаторской школы Стефана Мерулу?

— Как же не знать! Знаем.

— Больше мне ничего не надо! — воскликнул Антоний и тут же побежал в харчевню, удовлетворенный тем, что его предположение оправдалось и что встреча со Стефаном становится почти реальной и не столь далекой. Вот сейчас он встретит ланисту, договорится с ним о деньгах, и все будет так, как задумано.

Харчевня на Стабиевой дороге почти вся была на открытом воздухе. Под навесом стояли большие скамьи. Посредине был очаг, где нагревали вино. Хозяин то и дело скрывался за дверью, ведущей во внутренние помещения, и приносил оттуда еду: свежий хлеб, овечий сыр, соленые маслины. Сюда приходили не только путешественники, прибывшие в Помпеи, нередко здесь бывали и почтенные помпейцы, так как вино в этой харчевне славилось чуть ли не на весь город. Антоний только раз был здесь с приятелем. Сейчас он присел на пустой лавке и стал приглядываться к людям, соображая, у кого спросить про ланисту, и стараясь представить себе, каков он, этот ланиста. Он еще не успел хорошенько подумать об этом, как вдруг на плечо его свалилась чья-то тяжелая, грубая рука. Антоний вскрикнул, оглянулся и услышал визгливый голос:

— Попался, негодяй! Еще не откупился, а уже разгуливаешь по городу... Бежал?!

Антоний с трудом вырвался из цепких рук и стал звать хозяина.

— Что же ты позволяешь всяким проходимцам лезть в драку и оскорблять благородных людей?! — кричал он. — Скорей сюда! Заступись за благородного человека! Сейчас же выгони из харчевни пьяного грубияна! Послушай, что он говорит. Он твердит, что я бежал... Откуда бежал? Сын философа Манилия Тегета ниоткуда не бежал. Я пришел из дому.

— А я, ланиста, утверждаю, что ты тот самый Стефан Мерула, который должен сейчас сидеть в карцере в школе гладиаторов. Я утверждаю это с полным знанием дела и не отпущу тебя. Добуду сейчас охрану и доставлю на место!

— Вот я о чем не подумал! — воскликнул Антоний и громко рассмеялся. — Ведь тебя, ланиста, я ищу здесь. Я к тебе пришел и совершенно упустил из виду, что наше сходство со Стефаном может привести к такому недоразумению. Послушай меня, ланиста. Я пришел узнать, как можно выкупить Стефана Мерулу. Не нужно звать охранников, я сам пойду с тобой в школу гладиаторов. Мы вместе там повидаем Стефана, и ты поймешь, что мы очень похожи. Но это не значит, что я и есть Стефан и что меня надо хватать и тащить в карцер. Пойдем!

Тут только ланиста разглядел серебристо-серый плащ, сшитый искусным мастером из дорогой ткани. И белоснежную тогу. И сандали из мягкой кожи. И дорогой перстень на указательном пальце. Даже если бы Стефан смог бежать и вздумал бы прийти в эту злосчастную харчевню, он не смог бы явиться в такой одежде. Этот юноша похож на него чрезвычайно, но он, ланиста, промахнулся. Теперь надо просить прощения: перед ним молодой богатый господин.

— Прости меня, господин,— сказал ланиста, склонив голову перед Антонием. Мгновенно у него родился превосходный план. Он понял, что если проявит осмотрительность и настойчивость, то сможет урвать лакомый кусок. Он должен суметь получить деньги у отца Стефана и у этого странного юноши. Надо только суметь!

И ланиста, не стесняясь, признался Антонию в том, что ошибся вследствие необычайного сходства Стефана с молодым господином. Чего не бывает!.. Он сожалеет об этом и рад услужить ему, Антонию.

— Надо тебе сказать, прекрасный господин, что отец Стефана, посетивший нас недавно, не имеет денег. Он не сможет выкупить сына. А если он намерен добывать эти деньги целый год, то, само собой разумеется, что я не стану дожидаться и отправлю молодого гладиатора на арену. Он крепок и вынослив... Но не очень расторопен. Сам понимаешь, что никто не может поручиться за его жизнь.

Как и рассчитывал ланиста, слова эти возымели свое действие. Они встревожили Антония.

— Мы не будем дожидаться возвращения отца,— сказал Антоний.— Назови мне сумму выкупа.

— Десять тысяч сестерций — и Стефан Мерула может уйти на все четыре стороны!

— Грабитель! — воскликнул Антоний. — Ты уплатил две тысячи сестерций, а требуешь в пять раз больше! Как это назвать? Не прошло и месяца с тех пор, как ты заманил к себе юношу, пользуясь его доверчивостью, и вот уже сумма выкупа в пять раз превышает потраченные тобою деньги.

— Можешь не покупать! — воскликнул ланиста. — Я никогда не продавал людей из школы гладиаторов. Это первый случай. И почему бы мне не воспользоваться им? Ты забываешь, что твой Стефан после участия в одном-единственном сражении лишается всех своих гражданских прав. Стоит мне его выпустить на арену один раз — и он уже никогда не станет членом городского совета, не сможет выступить в суде защитником или свидетелем. Его звание гражданина будет навеки запятнано. Печать проклятия

будет висеть на нем до конца дней. И все это ты хочешь предотвратить, вернув мне мои собственные деньги? Ловко ты придумал, сын философа, Антоний Тегет!

— Я вижу, ты умеешь пугать людей. Но меня не запугаешь. Я предлагаю тебе сумму вдвое большую — четыре тысячи сестерций. Согласен?

— Нет, не согласен. Мне выгоднее пустить его на арену, и пусть он будет убит в первом же сражении. Ты знаешь, сколько нам платят за право посидеть в амфитеатре?..

Антоний ничем не выдавал своего волнения, но сердце у него билось и ярость против ланисты не давала ему покоя. Он отлично понимал, что судьба Стефана в руках бездушного и коварного человека. Он сознавал, что все угрозы ланиста мог осуществить уже завтра. Антоний решил договориться о выкупе во что бы то ни стало.

— Приведи Стефана, и мы договоримся, — сказал Антоний, не глядя в оловянные глаза ланисты. К тому же он вспомнил, что от путешествия у него осталось три тысячи сестерций. Следовательно, у отца надо было просить только семь тысяч.

Они подошли к стенам гладиаторской школы, и ланиста вместе с Антонием прошел во двор школы и велел вызвать Стефана Мерулу... Велико было его изумление, когда он увидел этих двух юношей рядом и понял, что перед ним настоящее чудо, потому что каждый мог заменить второго без всякого ущерба и не вызывая ни у кого ни малейшего сомнения.

— Согласись, Антоний Тегет, что я имел полное основание броситься к тебе: ведь я мог думать, что потерял лакомый кусочек. Как бы ты поступил, если бы оказался на моем месте? — Ланиста весело рассмеялся и сделался таким же приветливым и приятным, каким был при первой встрече со Стефаном.

А Стефан с великой радостью смотрел на Антония и, вспомнив первую встречу и праздник пекарей, пожалел о том, что в этой школе-тюрьме, как он ее прозвал, не положено ни смеяться, ни шутить, и маленькое представление мима, которое он бы с удовольствием разыграл сейчас, может показаться ланисте настолько предосудительным, что он снова спрячет его в карцер.

Антоний рассказал Стефану о том, как он посетил поместье, как он разговаривал с матерью Стефана и какой она показалась ему прекрасной женщиной. Он рассказал о том, как догадался искать его в школе гладиаторов. Но не стал рассказывать о проделках ланисты, которые уже известны в Помпеях и сделали ему дурную славу. Антоний пообещал Стефану очень скоро вернуться с выкупом. А когда Стефан спросил о сумме выкупа, Антоний сделал знак

молчания и дал ему понять, что говорить об этом при ланисте не следует.

Вскоре они распростились, и Стефан Мерула, впервые с тех пор, как он оказался в школе гладиаторов, поверил в то, что освобождение его уже совсем близко. Прощаясь с Антонием, ланиста сказал ему, что, несмотря на то что Антоний ровесник Стефана и так удивительно на него похож, все же между ними большая разница. Глядя на Антония, сразу поймешь, что он сын богатого и знатного господина, что он образован и независим, и потому он, ланиста, никогда бы не решился предложить ему продаться в школу гладиаторов.

— Однако я верю,— сказал Антоний,— что настанет день, когда даже самый ловкий ланиста не решится заманивать молодого человека в школу гладиаторов. Я убежден, что когда-нибудь появится закон, который запретит это злодейство и будет строго наказывать за эти поступки.

Ланиста ничего не ответил. Он давно уже боялся, как бы не появился этот закон. При таком законе не было бы у него богатого дома с розами в перистиле.

ЩЕДРОСТЬ АРИЯ КЕЛАДА

Все это утро Арий Келад не переставал думать о судьбе Стефана Мерулы, о его отце, вилике Меруле. Он даже не успел толком поговорить с несчастным виликом и не успел ему объяснить, почему он, Арий Келад, владеющий самой крупной в Помпеях пекарней, не мог предложить ему денег. А случилось это потому, что совсем недавно Арий Келад предпринял такое переустройство пекарни, которое потребовало значительных расходов. Сейчас у него была поставлена большая удобная печь с круглым сводом. С одной стороны печи стояли четыре мельницы, которые давали муку для теста. Эта мука в больших глиняных сосудах перетаскивалась в помещение, где стоял большой стол, а на нем постоянно раскатывали тесто. Теперь уже не люди размалывали муку, эту работу выполняли два осла. Они кружились по вымощенной плитами дорожке, и когда один ослик уставал, его отправляли в сарай на отдых, а на его место приводили другого. Разделанное тесто подавалось в печь, а уже печеные хлеба в корзинах переносились в соседнюю комнату, где были полки. Рядом Арий Келад устроил две лавки для продажи хлеба. Все это должно было принести ему очень большие доходы. Но пока денег еще не было. Кроме того, еще раньше, до переустройства пекарни, он затеял большие работы в своем жилом доме и, не жалея затрат, пригласил дорогого художника, который расписал стены. Он нарисовал изящных маленьких амуров, которые мололи зерно, месили тесто и пекли хлебцы. И так они были милы и расторопны, эти розовые амурчики, что можно было часами ими любоваться...

Но где взять сейчас деньги для выкупа Стефана Мерулы?

У Ария Келада не было детей, и он немножко завидовал вилику. И в то же время сочувствовал его горю. Сегодня ему особенно захотелось помочь вилику выручить его сына. Он знал, что Мерула не останется в долгу и очень скоро вернет ему деньги. Во всех сокола пекарнях Помпей, куда доставляли зерно от Мерулы, все знают о его честности и добросовестности... Где же взять деньги? То ли занять под долговую расписку?.. Может быть, спросить у соседа?.. Но лучше всего было бы кое-что отнести ювелиру, если жена не рассердится. Когда деньги вернутся, можно будет заказать еще более дорогие украшения. В прошлом году ко дню рождения жены он купил ей золотые браслеты и подвески. Они стоили дорого. Пожалуй, стоит поговорить с ней. Если она согласится, надо сегодня же зайти к ювелиру. А к концу дня уже можно побывать в школе гладиаторов. С тех пор как он, Арий Келад, стал печь сдобные хлебы на молоке и яйцах, к нему стали приходить из самых богатых домов Помпей. Помпейцы великие любители вкусного, душистого хлеба. Можно хорошо заработать. Не надо скупиться. В трудную минуту надо помочь бедному человеку. Вилик Мерула покинул Помпеи сам не свой, не ведая, куда пойти, кого просить. Как хорошо будет, когда сын вернется домой, прежде чем отец успеет отправиться в путь с тревогой в сердце и со страхом, не случилось ли что с единственным сыном.

Давая распоряжения по хозяйству, перетаскивая корзины с хлебом, раскладывая хлеб по полкам и даже продавая его ранним утром, Арий Келад не переставал думать о судьбе Стефана Мерулы. Как только выдался свободный час, Арий Келад передал все дела помощнику и пошел к своей жене, чтобы договориться с ней о драгоценностях, которые можно было бы отнести ювелиру.

— Олимпия,— обратился к жене Арий Келад,— не откажи мне в моей просьбе. Посочувствуй горю несчастного вольноотпущенника...

— О ком ты говоришь? Кому я должна посочувствовать?

— Вилику Меруле, который прислал нам зерно. Помнишь юношу Стефана? Мы платили ему деньги... Он угодил в сети ланисты. Вместо того чтобы отправиться домой, он оказался в школе гладиаторов и, как тебе известно, стал рабом, еще более бесправным, чем был год назад.

— Что же я могу сделать для него? — спросила Олимпия.— Если ты хочешь его выкупить, я все равно ничем не помогу — ведь денег у меня нет.

— Но если бы ты согласилась продать свои драгоценности, Олимпия, то я ручаюсь, что через полгода мы купим тебе еще лучшие.

— Мне жалко расстаться с моими драгоценностями... Ведь это в первый раз в моей жизни я взяла в руки такие красивые вещи, Арий Келад. Сейчас, когда ты задумал переустройство нашей пекарни и потратил все деньги на печь и мельницу, я думаю, что мне уже никогда не увидеть таких вещей. Ты же можешь придумать еще что-нибудь, муженек? Ведь ты много раз говорил, что всегда рад угодить твоей молодой жене.

Пекарю, который был старше своей Олимпии на пятнадцать лет, было досадно услышать такой ответ. На минутку даже показалось, что Олимпия может рассердиться и покинуть его дом. А ведь она была отличной помощницей и добрым другом. Он молча размышлял над своим бедственным положением, опустив голову и не глядя на Олимпию. Жене стало стыдно. Она вспомнила о том, что оба они — Арий Келад и она, недавно еще молодая рабыня, — совсем недавно были несчастными и бесправными и только благодаря усердию мужа они обрели свободу и стали хозяевами одной из лучших в Помпеях пекарен.

— Возьми все, что хочешь, Арий Келад! Я подожду, когда нам вернут деньги, и снова себе куплю украшения.

С этими словами она подошла к деревянному резному ящичку, раскрыла его и вытащила украшения, которыми успела похвастать перед подругами. Она подумала о том, что оставит в тайне этот разговор и никому не скажет о том, что на дне ларца уже нет никаких золотых вещей.

Арий Келад молча сгреб браслеты, кольца и подвески. Все это сложил в полотняный платок, крепко завязал и спрятал за пазухой. Однако, когда он вышел за калитку, он не пошел к ювелиру, который жил на углу этой маленькой улицы, а пошел к пекарю Прокулу, который слыл самым богатым в Помпеях. Арий Келад решил посоветоваться с Прокулом, не согласятся ли помпейские пекари дать займы виллику Меруле немного денег.

Выслушав пекаря Келада, Прокул сказал:

— Я могу дать двести сестерций в долг на целый год. Если наши пекари согласятся дать по сто сестерций каждый, то мы соберем изрядную сумму и выручим человека. Возьми дощечку и сделай запись, Арий Келад. Надо тебе сказать, что людям будет трудно поверить. Они не поймут, как случилось, что вилик не имеет денег. Чрезмерная честность вилика Мерулы неправдоподобна. Больше половины пекарей — вольноотпущенники из рабов. Многие из них трудились в поместьях богатых патрициев и отлично знают, как коварны и корыстолюбивы вилики. Но Мерула совсем не таков. И поэтому он особенно заслуживает сочувствия. Его честность и преданность господину — это вроде болезни, несчастья. Иначе бы

он не был в такой нужде. Да и сыну не было бы повода продавать-ся за две тысячи сестерций, чтобы строить пекарню.

Поразмыслив над этим, Келад и Прокул написали на дощечке сумму своих взносов и пошли с этой дощечкой к другим пекарям. Пришлось немало убеждать. Не каждый соглашался ссудить сто сестерций. Были и такие, которые решились только на тридцать — пятьдесят сестерций. Однако к вечеру Арий Келад уже имел три тысячи сестерций и подумывал о том, как послать известие вилику Меруле, чтобы он скорее собрался в путь и знал, что ему недостает всего лишь одной тысячи, которую готов ему дать Арий Келад, продав кольца и подвески.

В сумерках, когда Арий Келад вернулся домой, он увидел заплаканную Олимпию. Но при виде браслетов Олимпия сразу засияла, надела их и сказала, что никогда не будет снимать этих украшений. Пусть они каждый день доставляют ей удовольствие и, кстати, покажут покупателям, как богаты Келады.

— В самом деле, Олимпия, не надо жалеть этих вещей. Надо ими пользоваться, пока они доставляют радость. Пока человек молод — а ты совсем еще молода, Олимпия, — надо радоваться, если есть возможность доставить себе удовольствие. Не сердись на меня, Олимпия, я хорошо поработаю и очень быстро верну тебе все, что взял у тебя в долг. А ты, сделай милость, как только проснешься на рассвете, буди меня и гони скорее в харчевню, что на дороге в Нолу. Я пошлю письмо вилику Меруле, и он очень скоро придет к нам и выкупит своего сына. Поверь, доброе дело не пропадет, боги вознаградят нас!..

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Философ Тегет был озадачен. Ему непонятно было, почему так изменился сын. До поездки в поместье Потина Теренция он был веселым и жизнерадостным. А теперь он словно повзрослел, задумчив и необычно строг. Сейчас еще больше прежнего его занимают книги философов, которые всю жизнь отдали поискам истины, но не нашли ее. Прочитав Марка Порция Катона Старшего, он, забыв о том, что нельзя тревожить отца во время занятий, ворвался как ураган, читая на ходу строки из речей Катона, которые заставили его призадуматься: «Воры, укравшие у частных людей, проводят жизнь в цепях и кандалах, а воры, обворовавшие государство, — в золоте и пурпуре».

— Как ты думаешь, отец, это его подлинные слова?

— Можешь не сомневаться. Прошло уже более двухсот лет с тех пор, как умер Марк Порций Катон, но его помнят и знают. Его книги по римской истории всех нас учили мыслить. Не удивляйся, сын, у Катона не такое еще прочтешь.

— Я видел у тебя, отец, свитки по римской истории, но еще не добрался до них. Вот только впервые столкнулся с его речами.

— А ты не откладывай, сын. Надо тебе сказать, что Катон Старший считал историю важнейшим предметом в воспитании юношества. Стремясь сделать своего сына образованным человеком, Катон написал большими буквами короткий исторический учебник. И мы знаем, что сын его стал образованным. К этому и я стремлюсь, Антоний.

— Вот это я давно заметил, отец,— рассмеялся Антоний.— Однако скажи мне, как случилось, что нечестные магистраты терпели такое разоблачение? Ведь Катон громогласно называл их ворами!

— Он был умен и смел. Его боялись. Сохранилось множество его речей, которые говорят об этом. Все знали, что с Катоном опасно иметь дело. Он то и дело привлекал к суду тех, кто его обидел хоть единым словом.

— Позволь, отец, но ведь из речей видно, что он обижал великое множество людей.

— Я думаю, что его боялись именно потому, что он всегда выходил победителем благодаря своему красноречию. Тогда, как и сейчас, красноречие имело великую силу. Не случайно, сын мой, я пытался устроить тебя в школу красноречия. Я и теперь не теряю надежды приобщить тебя к этому великому искусству. Человек, не владеющий языком и не умеющий четко и выразительно передать свою мысль, очень многое теряет. Мне известны случаи, когда люди в высшей степени образованные и мыслящие остались неизвестными только благодаря своему косноязычию.

— Отец, не хочешь ли ты сказать, что я страдаю косноязычием? Мне кажется, это невозможно хотя бы потому, что я не только твой ученик, но и верный последователь. Ведь и Рим, и Неаполь, и Помпеи знают о красноречии Манилия Тегета.

— Я польщен, Антоний, но вернемся к нашему разговору о Катоне. Скажи мне, как ты воспринял его вещи?

— Самым лучшим образом. Я верю каждому его слову. И несмотря на то что он чрезмерно часто изобличал людские пороки и как будто мог ошибиться, он кажется мне безупречным.

— Я бы остерегался кого-либо назвать безупречным. История говорит нам о том, что безупречных людей не бывает. У каждого есть свои грехи, и каждый имеет хоть маленькие достоинства.

На этот раз отец и сын много говорили на тему, излюбленную Антонием,— о поисках истины. Отец то и дело цитировал великих предков, которые отдали свою жизнь науке, пытаясь разрешить неразрешимое. А сын, словно губка, впитывал в себя бесчисленные цитаты, стараясь запомнить строки знаменитых поэтов, изречения известных философов и мудрые пророчества ученых.

— Мысли ученых так же противоречивы, как и поступки их в жизни,— говорил Манилий Тегет.— Вот если вспомнишь Сенеку, стихи которого тебе понравились, то прежде всего ты содрогнешься от мысли о том, что этот умный и талантливый человек, прославленный далеко за пределами Рима, Луций Анней Сенека, воспитал величайшего из всех тиранов — Нерона.

— Когда я читаю стихи Сенеки, отец, я никак не могу понять:

неужели этот умный и образованный воспитатель не увидел, каким растет его воспитанник? Ведь он мог заметить его наклонности еще в детстве, когда Нерон был просто сыном Агриппины и не знал, будет ли он императором. Как это случилось, отец?

— Боюсь, что на этот вопрос не смог бы ответить и сам Сенека, если был бы жив. Мне известно, что отец Сенеки, знаменитый своими трудами о римских риториках, дал сыну блестящее образование. Сенека был поклонником философии Платона и хорошо знал Эпикура. Не думаю, чтобы он продал свою душу деспоту, забыв об этих великих философах.

— А может быть, продал? — спросил с любопытством Антоний, сверкая глазами и улыбаясь. — Говорят, что его состояние достигло трехсот миллионов сестерций. Небывалое состояние... Может быть, оно заставило его молчать, когда он видел чудовищные пороки Нерона, когда он узнал об отравлении Нероном сводного брата Британика и когда ему, Сенеке, стало известно, что его воспитанник Нерон убил собственную мать, Агриппину...

— Никто не ответит тебе на этот вопрос, Антоний. Одно могу сказать: богатство не принесло радости Сенеке. Жизнь его кончилась печально. Воспитанник его, Нерон, предложил своему великому учителю избрать род смерти, и мужественный философ покончил с собой.

— Возможно, что Сенека никогда не расставался с мыслью о смерти и разрушении. Я помню, я читал очень печальные строки. Мне кажется, что только в отчаянии можно предсказать столь страшный конец всему миру, как это сделал Сенека.

— Напрасно ты не запомнил эти строки, сын... Вот они:

Все, что мы видим вокруг, пожрет ненасытное время;
Все низвергает во прах; краток предел бытия.
Сохнут потоки, мелеют моря, от берегов отступая,
Рухнут утесы, падет горных хребтов крутизна.
Что говорю я о малом? Прекрасную сень небосвода,
Вспыхнув внезапно, сожжет свой же небесный огонь.
Все пожирается смертью; ведь гибель — закон, а не кара.
Сроки наступят — и мир этот погибнет навек.

Поистине в душе его были мрак и безысходность. Может быть, потому он так ценил богатство и стремился сейчас, немедленно украсить свою жизнь возможно лучше, зная, что она будет очень короткой...

Отец и сын долго еще вспоминали поэзию и прозу Сенеки и

размышляли над его печальной судьбой. И то, что Антонию казалось удивительным, Манилий Тебет почему-то умел рассмотреть по-своему и доказать, что все происшедшее в жизни талантливого поэта было неизбежным. Неизбежным не только по воле богов, но и по воле злого случая, который сделал уроженца Кордуба воспитателем тирана.

— Всем известно, — говорил отец, — что отчаяние философа было вполне обоснованно. Ведь это нешуточное дело — когда придворные обвиняют в алчности и захвате имущества римских граждан. Они в лицо бросали ему упреки, что вся жизнь его противоречит его философии. Сенеке пришлось писать целые трактаты в свою защиту. Если хочешь, посмотрим его трактат «О счастливой жизни».

И философ стал перебирать свитки, сложенные на мраморных столиках рядом с его ложем. Он нашел свиток «О счастливой жизни» и подал его Антонию.

«Мне говорят, что моя жизнь не согласна с моим учением. В этом в свое время упрекали и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить. Я говорю о добродетели, а не о себе, и веду борьбу с пороками, в том числе и со своими собственными: когда смогу, буду жить как должно. Ведь если бы я жил согласно моему учению, кто бы был счастливее меня, но и теперь нет основания презирать меня за хорошую речь и за сердце, полное чистыми помыслами... Про меня говорят: «Зачем он, любя философию, остается богатым, зачем он учит, что следует презирать богатства, а сам их накапливает? презирает жизнь — и живет? презирает болезни, а между тем очень заботится о сохранении здоровья? называет изгнание пустяком, однако, если только ему удастся, — состарится и умрет на родине?» Но я говорю, что все это следует презирать не с тем, чтобы отказаться от всего этого, но чтобы не беспокоиться об этом. Мудрец не любит богатства, но предпочитает его бедности; он собирает его не в своей душе, но в своем доме...»

Антоний дважды внимательно прочел строки Сенеки, написанные в защиту чести и достоинства ученого. Прочел и призадумался.

— В чем же истина, отец? Кто прав? Когда я пытаюсь понять противников Сенеки, я думаю, что они справедливо осуждают его. А когда я читаю его речи, я восхищаюсь справедливостью его суждений. И получается, что каждый из них прав по-своему. А я не могу постичь истину... Где же она?

— Мудрецы говорят, что в спорах рождается истина, — ответил отец, — но, должен признаться, что она еще не родилась. Она уди-

вительно переменчива, эта непостижимая истина. Иной раз удивляешься, как она неуловима и таинственна. Одно тебе скажу, сын: за долгие годы я постиг малое. Я узнал, что удовлетворение может дать только повседневный и неутомимый труд. И бывает иной раз, что в долгих и тяжких исканиях перед тобой вдруг сверкнет крупица истины и тут же затеряется в бесконечных спорах и противоречиях. Но почему мы говорим о Сенеке, когда ты пришел ко мне с цитатой из Катона Старшего? Раз мы начали с него, то я напомним тебе одну его мысль, это весьма любопытное его сравнение жизни с железом. Он говорит: «Если железо употреблять в дело, то оно стирается, а если не употреблять, то оно ржавеет. Так и жизнь от работы изнашивается, а без работы вялость и лень приносят более вреда, чем работа».

Расставшись с отцом, Антоний долго думал над последней фразой из Катона. Ему вдруг показалось, что он как раз и подвержен вялости и лени. Ведь он уже много дней редко обращается к своим занятиям, а чаще озабочен мыслью о своем двойнике Стефане. А ведь юноша этот весьма прост в своих суждениях. Не засесть ли как следует за Катона и поучиться уму-разуму? Иначе никогда не станешь достойным преемником мудрого философа Тегета. А ведь трудно стать преемником такого ученого. Отец отличается не только удивительным даром красноречия, он великий знаток римской истории... Да и не только римской, но и греческой, и египетской... Он настолько учен и образован, что всегда находит убедительные слова и доводы, которые способны наголову перевернуть неверные представления собеседника.

Размышляя сейчас об этом, Антоний снова подумал, что его священный долг — трудиться, как велит отец. Вникнуть в премудрость философов, которые многое сделали в поисках истины.

Сейчас Антоний был убежден, что впереди у него будущее философа, а не поэта. Так бывало всегда, когда какие-либо серьезные разговоры с отцом отвлекали его от поэзии и заставляли задумываться над многими вопросами, которые пытались разрешить великие предшественники ученых римлян.

Но проходило немного времени, и, окунаясь в божественные строки любимых поэтов, юноша снова становился поэтом, и мысли философа Тегета уже не тревожили его.

Антоний заметил, что встреча со Стефаном как-то повлияла на его настроение и отвлекла от поэзии. Он призадумался над многими вопросами жизни. Антонию стали приходить в голову мысли о судьбе раба, вольноотпущенника и простого ремесленника — судьба людей, которых очень много и которые живут очень трудно и тратят свою жизнь на то, чтобы бороться с нищетой и бесправи-

ем. Эти житейские вопросы, казалось, никак не связаны с философскими размышлениями ученых, однако Антоний пытался протянуть нить и связать их воедино. Но нить эта была тоньше паутины. Она то и дело обрывалась. И не было возможности практически применить те знания, которые открылись Антонию из книг библиотеки философа Тегета.

В таких случаях Антоний обращался к отцу. Но ответы отца не всегда его удовлетворяли. И тогда наступало время какого-то разочарования. Антоний отбрасывал свитки, повествующие о трудах философов, знаменитых ораторов и государственных деятелей, и принимался за стихи.

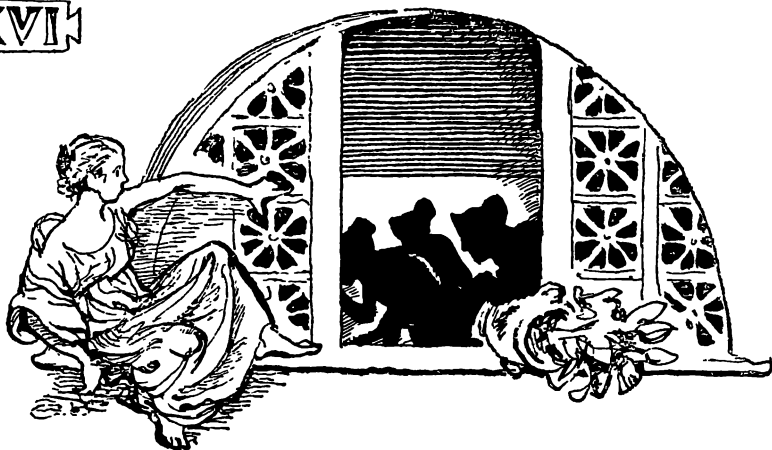
Так и сейчас. После споров об истине Антоний еще долго вспоминал разговор с отцом. Он укорял себя за то, что уже много дней пренебрегает обычными занятиями, что оторвался от учеников философа Тегета, которые ушли вперед, пока он ездил в поисках Стефана. Антоний было подумал, что его дурное поведение огорчило отца. А ему, Антонию, не хотелось огорчать отца. Он с малых лет умел ценить его терпение, доброту и умение открывать перед сыном прекрасный и необъятный мир. Антоний только на минутку призадумался над всем этим, но тут же с присущим ему легкомыслием принялся сочинять стихи о прекрасной Нике. Он задумал подбросить их к калитке дома Юлия Полибия: пусть Ника узнает, что она так же прекрасна, как та алая роза, которую она бросила Антонию.

«Но ведь бросила она розу Стефану, а не мне,— подумал Антоний.— Но видела она меня, а не Стефана... Кому же была предназначена эта роза? Но еще важнее узнать, кому предназначена сама Ника». Кажется, эта племянница эдила запала ему в душу? Иначе, почему бы он бросил все дела и засел за стихи, посвященные этой красотке?

— О боги! Я не в состоянии понять истины! — воскликнул Антоний.

С этими словами он швырнул свою воощеную дощечку и пошел на тихую узкую улочку, где стоял дом эдила и где жила красавица Ника.

«Почему бы мне не последовать примеру эгого влюбленного безумца и не написать ей стихи на стене?» — подумал Антоний.

ЗЛОБНАЯ СКАНТИЯ

В ожидании Потина Теренция Мерула и Клеида каждый день и каждый час старались чем-то угодить Скантии, снискать ее доброе отношение. Потин Мерула сам обошел сад и собрал для госпожи превосходные персики и виноград. Клеида, как было обещано Меруле, позаботилась о том, чтобы испечь для госпожи самые вкусные хлебцы и пирожки. Клеида сама старательно вымесила тесто, сама приготовила сладкую начинку и не позволила рабыне даже прикоснуться к пирожкам, которые были предназначены госпоже. Когда аромат сдобного теста распространился по дому и госпожа спросила, что это значит, Клеида с великой радостью принесла ей еду на большом серебряном блюде.

Угрюмая и мрачная Скантия даже улыбнулась, увидев столь приятное для нее угощение, и, забыв о том, что нельзя есть горячего, принялась за сладкие пирожки. Клеида с низким поклоном удалилась, радуясь про себя, что угодила капризной госпоже и тем самым помогла тому большому делу, которое должно было решиться с приездом господина.

Целый день Мерула был занят хозяйственными делами, и, когда уже в сумерках пришел домой, Клеида с радостью рассказала ему о своей удаче. Но она даже не успела закончить свой рассказ, как услышала крик старой хромой рабыни, которая призывала Клеиду к госпоже.

Госпожа возлежала на своем ложе и, как поняла Клеида, корчилась от боли. Она объелась горячими пирожками. Не зная, на

ком выместить злобу, Скантия стала обвинять Клеиду в ужасном преступлении. При всех своих рабынях-прислужниках госпожа кричала:

— Оравительница! Оравительница! Боги покарают тебя! И не только боги... Я приказываю позвать ко мне старого привратника! Пусть он придет с плеткой и пусть при мне накажет тебя, Клеида, за твоё злодейство!

— Помилуй, госпожа Скантия! Как ты можешь называть меня оравительницей?.. Я так старалась для тебя... Я сделала такое ароматное, вкусное тесто. Я положила в пирожки самого свежего меду. Я своими руками очистила орехи. Я никому не позволила прикоснуться к тесту...

Клеида лежала на полу и молила о пощаде. А госпожа, не дав ей досказать, воскликнула:

— Ты задумала злодейство! Оттого и делала все сама, чтобы никто не увидел. Теперь я все поняла! Ты, Клеида, сама позовешь мне привратника, а я буду отсчитывать удары плетью.

Но прежде чем заняться наказанием провинившейся Клеиды, Скантия потребовала к себе старенького лекаря, раба из греков.

— Спасай свою госпожу, да поскорее! — воскликнула Скантия, хватаясь за живот.

— Чем же ты больна, госпожа моя? — спросил лекарь. — Если жалуешься на болезнь ног, то я поспешу приготовить тебе целебную смесь. Возьму сырую репу, истолченную с солью, и обложу тебе больные места ног. Если помнишь, тебе уже помогло это лечение.

— Ты стар и глуп! Разве не видишь, что я держусь за живот?.. Сейчас же приготовь мне лекарство!

— Ну что ж, госпожа, поспешу к себе. У меня приготовлена настойка на ягодах черного мирта. А еще сохранилась настойка на плодах мандрагоры. Помнишь, два года назад нам доставили эти целебные плоды из Египта... Их привез богатый купец из Рима, и наш господин купил у него за большие деньги, помня о том, что твоё здоровье требует хороших лекарств.

— Не здоровье, а болезни, старый тупица! Когда пойдешь за лекарством, не забудь принести чего-либо от головокружения.

— Отлично, госпожа. Сырой свекольный сок вылечит тебя от головокружения, и он же спасет тебя от болей в животе. Пойду готовлю. Только помни, госпожа, что сок сырой свеклы надо пить натошак и точно так же перед едой надо пить настойку на ягодах черного мирта. Иначе пользы не будет. И еще помни, госпожа, что больной человек должен очень верить лекарю. А если он ему не верит и считает его тупицей, то и лекарства не помогут.

— Ступай, старый дурак! — крикнула Скантия, бросая в старика снятую с ноги сандалию. — Поторопись, если не хочешь получить плети. Пользуясь отсутствием господина, вы все отбились от рук и творите неведомое. Клеида, которой я доверяла столько лет, отравила меня гадкими пирожками; ты, старый... наговорил мне дерзостей; вилик позабыл проверить вино для слуг... Я боюсь, что слуги пьют вино, приготовленное для господ. Впрочем, стоит ли мне рассказывать тебе о том, что творится в моем доме в отсутствие господина!.. Пойдешь за своим лекарством — зайди по дороге к виноделу и пришли его ко мне, пока я не позабыла дать ему указания...

Когда пришел винодел, Скантия, упустив из виду самое главное, что ее занимало сейчас — наказание Клеиды, — велела виноделу тотчас же взять вожденные дощечки и медную палочку и записать себе для памяти, как делать на зиму вино для слуг, чтобы не разориться.

Винодел писал: «Влей в бочку десять амфор сладкого вина, две амфоры крепкого уксуса и столько же вина, вываренного на две трети. Смешай все это с пятьюдесятью амфорами пресной воды. Мешай все это палкой три раза в день в течение пяти дней. Когда все это сделаешь, влей в эту бочку еще шестьдесят четыре бутылки старой, отстоявшейся морской воды. Закрой плотно бочку и держи в подвале до зимы. Зимой будешь выдавать рабам положенную порцию».

— Больше писать не надо, — сказала Скантия. — Остальное запомни и выполняй мое указание. А указание простое: не тратить попусту этого драгоценного напитка. Не выдавай лишнего! И не угощай того, кто наказан за безделье и грубость.

Отпустив винодела, Скантия призадумалась над тем, какие полезные распоряжения она может сделать сейчас, пользуясь отсутствием мужа, который, как она думала, слишком расточителен и доверчив.

— Принеси мне календариум! — приказала Скантия, увидев на пороге своей комнаты вилика. — Если я не проверю, как платят нам должники, то разорение неизбежно. Неси сейчас же календариум, но прежде проверь, чтобы была наказана Клеида!

— Как — Клеида?.. — удивился Потин Мерула. — Моя Клеида?!

— Да, да, твоя Клеида. Разве ты не знаешь о коварном замысле своей жены? Она говорила тебе о сладких пирожках?

— Какое же злодейство задумала моя Клеида? Это невозможно! Это немыслимо! Я знаю, что Клеида каждый день и каждый час старалась тебе угодить. Моя Клеида столько лет пекла тебе хле-

бы и пирожки, лучше ее никто этого не делал. И вдруг такое наваждение...

— Однако я приказываю наказать Клеиду! Может быть, не так строго, как я задумала прежде, потому что боли в животе у меня проходят и, может быть, я не совсем еще отравлена, но для порядка надо наказывать непокорных. Я сделаю снисхождение и не буду подсчитывать количество ударов плетью. Я положусь на тебя, вилик, и на старого лекаря. Но знайте, что Клеида должна получить хотя бы десять ударов плетью.

Вилик Мерула ничего не ответил. Он пошел к себе, чтобы взять для госпожи календариум. Он старался не думать о Злобной Скантии. Он думал о судьбе своей семьи, о том, что несчастья посыпались сейчас, словно щедрая рука злобного божества не может остановиться и все сыплет на его голову новые бедствия. Хорошо, что он не обратился к Скантии за деньгами. Злобная Скантия никогда никому не сделала доброго. И как можно было думать, что сейчас она вдруг переменится.

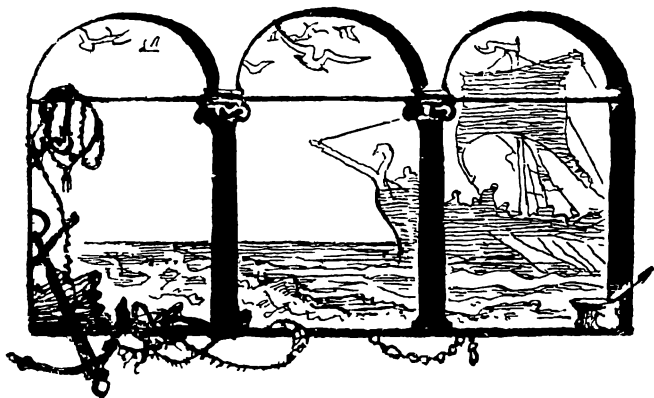
Только сейчас Потин Мерула понял, насколько добрее и благороднее госпожи его хозяин Потин Теренций. Если бы господин прислушивался к коварным словам своей жены, то ему, вилику Меруле, никогда бы не стать свободным. И еще ему помогало доброе божество, которое заставляло Скантию подолгу лежать в постели. Видимо, старый лекарь хорошо ее полечил своими травами и заклинаниями. Уж очень она стала деятельной и подвижной, Злобная Скантия. Вот сейчас он принесет ей календариум, объяснит, кто и когда должен уплатить, а потом договорится со старым лекарем, чтобы тот соврал и сам пришел доложить госпоже о том, как Клеида кричала во время порки и как клялась всеми богами, что будет верно служить своей госпоже.

Когда вилик Мерула принес Скантии календариум, он застал у нее старого лекаря. Он доставил госпоже драгоценные настойки и соки, которыми должен был вылечить ее от всех болезней. Вилик подождал, пока лекарь напоит госпожу и даст ей всякие указания. А когда старик ушел, пожелав госпоже доброго здоровья и долгих счастливых лет, вилик Мерула раскрыл календариум и стал объяснять Скантии все, что касается должников. Впервые за долгие годы вилик столкнулся со Скантией. Никогда прежде он не думал о госпоже так плохо и никогда не посылал ей таких проклятий. В сущности, он долгие годы относился к ней снисходительно, потому что не имел с ней дела. Теперь он подумал, что если бы Потин Теренций часто покидал поместье и если бы рабы подчинялись только Скантии, то все бы они давно погибли от голода и побоев...

В это время винодел собрал рабов, которые выжимали виноград и наполняли амфоры виноградным соком, собрал виноградарей и людей, работающих на маслобойне, и, давясь от смеха, прочел им все, что продиктовала ему Скантия. Он не решился спросить госпожу, кто дал ей этот удивительный рецепт вина для рабов, но то, что было у него записано, показалось ему не только жестоким и глупым, но и просто смешным.

— Мы готовим вино, мы выжимаем виноград — и нас будут поить этой отравой! — возмущался молодой раб с крепкими ногами, синими от виноградного сока. — Кто из вас будет пить эту отраву? — спросил он, обращаясь к рабам, которые были в ярости, но в то же время не могли удержаться от смеха.

— Эту отраву мы сохраним для госпожи, — сказал, смеясь, старый мастер из маслобойни. — А если нам не дадут вина, мы будем воровать виноград и тайно от скаредной госпожи приготовим себе вино. Никогда еще скаредность хозяев не приносила им пользы, я это хорошо знаю. Только нам нечего печалиться: вернется Потин Теренций, и все будет по-старому. Наш господин — человек умный и рассудительный. Он знает, что только добрым отношением можно добиться честной работы. Не станем же мы из кожи лезть вон, если в награду нам дадут смесь из уксуса и морской воды! Ха-ха-ха!.. Ну и Скантия!..

КЛАВДИЙ ВИДЕЛ ОЛЬВИЮ

В этот день Антоний с нетерпением ждал начала занятий у отца. Он узнал, что вернулся из Ольвии его друг Клавдий Луций, один из любимых учеников Манилия Тегета. Хотелось скорее узнать, что увидел Клавдий в дальнем путешествии.

Отец Клавдия Луция был богатым судовладельцем. Вместе с судном, идущим к Понту Евксинскому, он отправился в путешествие, взяв с собой сына. Ему давно хотелось узнать, в самом ли деле город, названный «Ольвия», что в переводе с греческого означает «счастливая», отвечает своему названию.

Клавдий Луций был полон необыкновенных впечатлений. Все, что он увидел и услышал в Ольвии, поразило его. Он с готовностью отвечал на многочисленные вопросы учителя и своих сверстников.

— Ну-ка расскажи нам, Клавдий Луций, какова эта счастливая страна? Ведь греки из Милета отправились туда на поиски счастья. Красив ли этот город?

— Очень красив,— отвечал Клавдий Луций.— Говорят, ему шестьсот лет, и многие дворцы и храмы построены там в давние времена. Больше всего мне понравился дворец Скила, правителя скифского царства. Дворец богат и очень красив.

— О, — воскликнул Манилий Тегет, — со скифским царем Скилом связана любопытная история! Знаешь ли ты ее? О ней написал Геродот.

— Не знаю,— смутился Клавдий Луций.— Я Геродота не читал.

— Напрасно. Если бы ты прочел его до того, как сел на ко-

рабль, идущий к Понту Евксинскому, то многое увидел бы другими глазами. А про скифского царя Скила я коротко скажу.

И Манилий Тебет поведал одну из легенд, записанных Геродотом. Он рассказал о скифском царе Скиле, сыне Арияпифа. Мать его отлично знала эллинский язык и в детстве научила сына грамоте. Когда погиб отец Скила и царская власть перешла к нему, он, царствуя над скифами, не любил скифского образа жизни и питал гораздо более склонности к эллинским обычаям. Когда ему случалось приходиться с большою свитою скифов в город Борисфен, он оставлял свиту за воротами, затем приказывал запереть ворота, снимал с себя скифское платье и надевал эллинское. Здесь он жил по-эллиниски, приносил жертвы богам, согласно обычаям эллинов. Пробыв в городе месяц или два, он снова надевал скифское платье и возвращался к своим телохранителям. Ему так пришлось служить греческим богам, что он даже построил себе дом в Борисфене и поселил в нем одну из своих жен.

Однажды он пожелал быть посвященным в таинства Диониса. Говорят, что, когда он уже готовился к посвящению, явилось чудесное знамение. В его дом, украшенный беломраморными сфинксами и грифами, божество ударило огненной стрелою, и весь дом сгорел. Однако это не остановило Скила, и он совершил обряд посвящения. После этого один из жителей города сказал скифам:

«Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы устраиваем вакхические празднества и что в нас вселяется бог. А вот теперь этот бог вселился и в вашего царя. Он совершает вакханалии и находится в исступлении под наитием божества; если вы мне не верите, то следуйте за мной, и я покажу вам».

Скифские воины последовали за борисфенитом. Тот возвел их на башню. И когда показался Скил с процессией, скифы увидели его молящимся чужим богам. Они пришли в сильное негодование и, сойдя с башни, рассказали всему войску о виденном ими.

Скифы взбунтовались против Скила и поставили царем его брата Октамасада. Скил решил спастись бегством во Фракию. И тогда Октамасад пошел войной на Фракию. Он убил Скила. Так был наказан скифский царь, позабывший верования своих предков и принявший веру эллинов.

— Однако мы ждем от тебя рассказов об Ольвии,— сказал Манилий Тебет.

— Мы побывали во многих городах Боспорского царства. Больше всех мне понравился Пантикапей. Это красивейший город. Он раскинулся на высокой горе над морем и над зелеными долинами. Очень хорош там храм Деметры, воздвигнутый посреди города. А вокруг храма дворцы и сады. Говорят, что он очень богат, этот

город. Кто-то рассказал моему отцу, что сто пятьдесят лет назад, когда правил Митридат, жители Боспора доставляли ему великую дань — сорок пять тысяч медимнов хлеба и двести талантов серебра. Варвары, живущие в Пантикапее, немногим отличаются от греков — своими обычаями. А вот ремесленники их, научившись у греков искусству ваятелей, гончаров и ювелиров, делают все по-своему. И там мы видели презанятные вещи. На серебряных вазах изображены сцены из жизни кочевников. На богатом колчане можно увидеть степных коней в беге и прыжках. Даже на женских украшениях повсюду сделаны изображения варваров в их остроконечных колпаках. Разные истории рассказывали нам жители Пантикапея и Ольвии. Но мы с отцом так и не узнали, откуда они взялись, эти племена гетов и сарматов.

— Я и по-гетски могу и по-сарматски болтать, — вдруг вмешался Антоний, вспомнив строки Публия Овидия Назона:

Некий старик среди нас на мое восхваленье такую

Речь величаво повел звонкому слову в ответ:

«Гость дружелюбный, и нам слово «дружба» — не чуждое слово

В этом далеком от нас Истром омытом краю.

В Скифии есть уголок, именуемый прежде Тавридой,

Бычьей землей. Не года скачут от гетов туда.

Там я близ Понта рожден. Не к лицу мне стыдиться отчизны...

Я запомнил эти строки, — признался Антоний, — не задумываясь над их смыслом, просто из любопытства. Я давно хотел спросить у тебя, отец, об этих племенах. Очень кстати ты вернулся сейчас, Клавдий Луций. Мне кажется, что ты побывал на краю земли...

— Я вижу, Антоний, тебе известно о северных берегах Понта по Геродоту. Пятьсот лет назад Скифия была краем земли. Геродот не знал о варварах, живущих в лесах, не знал, откуда течет Борисфен. А ведь теперь эти варвары служат в наших прославленных легионах. Скифов близ Ольвии давно сменили сарматы.

— А правда ли, что климат в тех местах столь суров, что в продолжение восьми месяцев там стоят непрерывные холода. Море и весь Боспор Киммерийский замерзают так, что люди, живущие по сю сторону рва, толпами переходят по льду и на повозках переезжают на ту сторону — в землю синдов. Но, может быть, в Пантикапее теплее?

— Мало того, жарче, чем здесь! — воскликнул Клавдий Луций. — Мне и в голову не пришло, что там возможна суровая зима.

— Не расскажешь ли ты нам об обычаях, которые ты узнал там, Клавдий Луций?

И Клавдий Луций стал вспоминать то, что он увидел в степях вокруг Пантикапея, когда вместе с отцом в качестве гостя богатого сармата оказался на торжестве. Он вспомнил, как жертвенное животное было связано. Вернее, связаны были передние ноги, а приносящий жертву потянул за конец веревки и опрокинул барана на землю. В то время как баран падал, сармат стал громко звать к тому божеству, которому приносил жертву. Затем, накинув петлю на шею животного, он стал поворачивать палку, вдетую в петлю. Когда баран был удушен, скиф не стал зажигать огня, не совершил посвящений и возлияний, а просто взял нож, снял шкуру и, разрезав удушенного барана на куски, бросил их в котел.

Клавдий Луций очень хорошо запомнил все это, потому что такой способ жертвоприношения ему был неизвестен.

Клавдий Луций рассказал еще о том, как сарматы гадают при помощи ивовых прутьев. Манилий Тегет с интересом слушал о том, что делают при этом гадатели, как они раскладывают на земле большие связки прутьев и, перекладывая прутья по одному, они произносят предсказания, и снова собирают прутья в связки, и снова раскладывают их поодиночке. И еще они гадают на липовой коре. Гадатель разрезает ее на три полоски, переплетает их между пальцами, произносит предсказание. И так, переплетая и расплетая их, гадает.

Они еще долго рассуждали о том, как живут народы Боспорского царства. Клавдий Луций восхищался красотой и щедростью природы этой страны. Он вспоминал, какие видел обширные виноградники, какое пил там вино и каких рыб им подавали во время пиршества на празднестве у сарматов.

Антоний с интересом слушал рассуждения отца об этой далекой стране. Вместе с ним с большим вниманием прислушивались к разговорам учителя с учеником пятеро других учеников Манилия Тегета, которые не читали ни Геродота, ни Овидия Назона и впервые узнали сейчас о народах, населявших северное побережье Понта Евксинского, о городах, воздвигнутых греками в незапамятные времена.

— Теперь я понял слова старика: «Там я близ Понта рожден. Не к лицу мне стыдиться отчизны...» Никто бы из нас, пожалуй, не стал стыдиться такой отчизны. Как ты думаешь, Клавдий Луций? Ты хотел бы там жить?

— Мне там понравилось. Только нет там Манилия Тегета. И кто же открыл бы мне благородство и величие тех наук, которые стали украшением просвещенного римлянина, если бы я остался

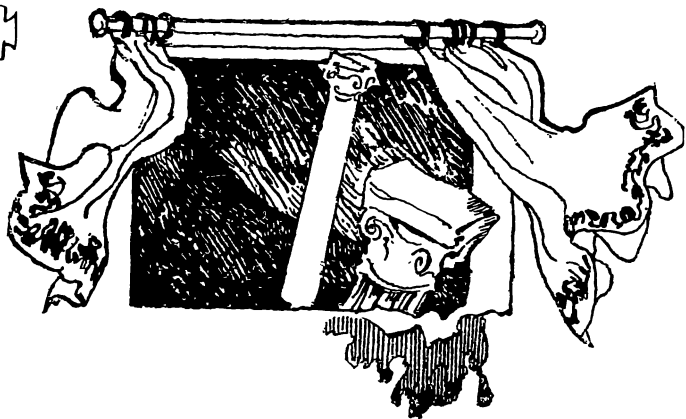
там? Боюсь, что в том благословенном краю, где зреют пшеница и виноград, где воздаются жертвы Деметре, боюсь, что там мне никогда не найти такого учителя, как наш благородный Манилий Тегет.

И все ученики согласились с мнением Клавдия Луция, хоть и не были никогда в этой далекой стране.

Когда ученики покидали благоухающий цветами перистиль Манилия Тегета, Антоний пошел проводить своего друга Клавдия Луция. Прощаясь с ним, Антоний признался ему, что хотел бы побывать в Пантикапее, хотел бы увидеть сарматов, поближе узнать их.

— Согласись, Клавдий Луций, — говорил Антоний, — должно быть, любопытно собственными глазами увидеть то, что более четырех веков назад видел Геродот, этот неутомимый путешественник и историк из Галикарнаса.

Когда Клавдий Луций спросил, что бы Антоний стал делать в этой чужой стране, Антоний ответил, что нашел бы себе учеников и стал бы им преподавать точно так же, как это делает его отец. Но так как ему еще самому надо многому научиться, то путешествие это, должно быть, не скоро состоится.

СТЕФАН СПАСЕН

Философ Тегет имел маленькую тайну. О ней не знала жена и не знал сын Антоний. Вот почему каждый из них считал Манилия Тегета если не бедным человеком, то безденежным. Ведь проделки плутоватого вилика были давно им известны, да и скрыть их было невозможно, потому что вилик очень неохотно отдавал господину деньги, полученные за продажу продуктов, вина и шерсти.

Маленькая тайна Манилия Тегета заключалась в том, что он всё же деньги получал и, несмотря на проделки вилика, собрал довольно большую сумму, которая хранилась у него в резном ящике под горами свитков в библиотеке. Деньги, спрятанные в этом ящике, Манилий Тегет считал неприкосновенными. Он начал их собирать, когда Антоний был еще маленьким. И собирал с единственной целью — обеспечить сыну будущее. Он знал очень хорошо, что когда Антоний станет взрослым и пожелает получить почетную должность, ему нужны будут большие деньги. И так он копил много лет и как сказал себе, что не тронет их, так и сделал.

Когда Антоний попросил денег для спасения Стефана, Манилий Тегет прежде всего обратился к вилику. И, как бывало всегда, вилик стал упираться. Он сказал, что имеет семь тысяч сестерций, но должен их потратить на покупку небольшой рощи маслин, которая примыкает к их поместью и потом даст большие доходы. Однако Манилий Тегет на этот раз заупрямился и приказал вилику немедленно дать нужную сумму денег, а от рощи отказаться.

Старый философ не сказал сыну, что заставило его быть особенно настойчивым. А виной тому был чистосердечный рассказ Анто-

ния о том, как готов помочь Стефану раб-ваятель Элий Сир. Сын рассказал отцу, как Элий Сир предложил ему дать займы все свое состояние — всю ту сумму денег, которую он накопил за время работы в их поместье. Это произвело большое впечатление на Манилия Тегета. Он решил во что бы то ни стало добыть деньги для Антония, но открыть свой заветный резной ящик он не решался. Вот почему ему пришлось проявить настойчивость, какой вилик не помнил.

Но когда рассеянному философу вдруг удалось получить довольно большую сумму денег для Антония, он вошел во вкус. Манилий Тегет вдруг приказал вилику доставить ему все деньги, которые будут получены от должников за проданное зерно. На этот раз старый философ был суров и грозен. Он припугнул вилика — сказал, что прогонит, если тот не выполнит его распоряжение. И тогда пришлось выполнить приказание господина. Хранилище Манилия Тегета наполнилось изрядной суммой денег, и он ликовал. Впервые за долгое время он почувствовал себя человеком, у которого есть достояние. А главное — хозяином, который умеет распоряжаться своим богатством.

И вот отец вручил Антонию семь тысяч сестерций.

— Насколько я понимаю, это деньги большие, — сказал он сыну. — Ланиста — мошенник и грабитель. Если бы я имел время, я бы довел это дело до суда. Я уверен, что за такой грабеж полагается суровое наказание. Но мне так хочется дописать свою работу, не отвлекаясь из-за пустяков... Пусть уж будет так, как есть. Я выполняю твое желание, сын. Раз уж тебе так дорог твой друг Стефан, надо ему помочь.

Когда Антоний, горячо поблагодарив отца, собрался в школу гладиаторов, отец сказал ему, что пошлет с ним двух верных рабов, на всякий случай.

— Помочь нужно деньгами, отец! — воскликнул Антоний. — А в остальном можешь не тревожиться. Я обо всем договорился с этим мошенником ланистой. Я дам ему деньги, возьму расписку и уведу Стефана. Если хочешь, отец, я приведу его к нам. Я уверен, что он понравится тебе.

— Должен сказать тебе, Антоний, что рассудительность и легкомыслие удивительно уживаются в тебе. Ты очень разумно делал все для спасения Стефана. Я рад, что ты пожалел юношу и пожалел его бедных родителей, людей неимущих и обездоленных. Но теперь, когда ты близок к цели, вместо того чтобы немедленно отправить Стефана домой, ты ищешь развлечений. Что толку от того, что ты приведешь его сюда?.. Вспомни, что его отец и мать пребывают в слезах и печали. Пожалей их!

— Ты прав, отец,— согласился Антоний.— Мы можем с ним встретиться позднее. Важно, что он будет жив. Важно, что он не погибнет во время звериной травли. На стенах я прочел множество надписей о предстоящей гладиаторской битве и звериной травле. Устроители игр безжалостны. Что им жизнь молодого здорового юноши! Им бы позабавить гудящий, возбужденный амфитеатр. Ты сам знаешь, что тысячи помпейцев стремятся увидеть это зрелище. Они не жалеют денег за место в амфитеатре. Но они хотят видеть на арене мужественных и красивых людей. Я видел это вместе с тобой и понимаю, что мой Стефан был обречен. Боги вознаградят тебя, отец, за твою доброту, за твоё благородство!

Антоний побежал в школу гладиаторов, спрятав деньги в мешочке под серым шерстяным плащом, чтобы никому не могло прийти в голову его обобрать. Мало ли что бывает на шумных помпейских улицах!

Проходя мимо виллы жриц Диониса, Антоний был привлечен шумным весельем, устроенным в честь бога Диониса, покровителя веселья и пиров. По случаю праздника на вилле собралось много красивых девушек. Среди них были уже посвященные жрицы, танцовщицы и совсем юные и прекрасные девушки, которых сегодня должны были научить ритуальным танцам. Антоний знал, как красиво и весело проходит такой праздник, как много там вина и разных угощений. Но сейчас он так спешил в школу гладиаторов, что не осмелился остановиться и даже посмотреть. Он пошел дальше. Правда, остановился у стены соседнего дома и прочел нацарапанные на стене стихи. Не мог же он пройти мимо такой надписи!

Ничто на этом свете не вечно.
Хоть и сияет нам Солнце златое,
Но в океан оно все же садится;
И месяц, который так ярко блещет,
Бесследно исчезнет в глубинах неба.
Поэтому, если страшным гневом
Твоя любезная охвачена будет,
Не поддавайся. Знай — пройдет буря,
И снова нежный зефир повеет.

Антоний усмехнулся и подумал: «Любовь заставила его приняться за сочинение стихов... Но уж очень мрачны мысли поэта. «Ничто на этом свете не вечно». Как он не прав! Разве он не видит, что многое вечно? Солнце восходит и заходит — вечно. Родится молодая луна, потом она становится полной, постепенно за-

ходит, скрывается и снова выходит молодой — тысячи лет. Не это ли вечность? А море, огромное и необъятное, плещется у берегов постоянно и неизменно. И бесконечно много раз повторяется чудо рождения весны... Вокруг нас вечность, а этот мрачный, влюбленный юноша просто глуп», — сказал сам себе Антоний и тут же забыл о нем. Он вспомнил черноглазую Нику с красной розой в руках: «Хорошо бы снова повидать ее».

День был ясный и солнечный. С моря дул приятный ветерок, обдувая прохладой гирлянды выющихся роз. Эти розы висели по стенам дома богатого фуллона, который вел торговлю с Римом. Образцы шерстяных тканей висели на окнах второго этажа. Все знали, что лучшего сукна не найдешь нигде. Из калитки выскочил полуголый раб с руками, синими до локтей. Он красил шерстяные ткани для плащей и накидок. Возможно, что он обжег правую руку, потому что бежал прижав руку к груди и постучался в калитку лекаря, который жил через дорогу.

У шумной харчевни на углу улицы, ведущей к школе гладиаторов, запели петухи. Был полдень — время обеда, и люди, заполнившие харчевню под навесом, кричали, спорили и смеялись, заглушая голос визгливой хозяйки.

— Посторонись! — кричала женщина, пробираясь среди спорящих о чем-то гончаров. — Посторонись, разве не видишь миски с горячей луковой похлебкой. Вот дубина!..

Подходя к школе гладиаторов, Антоний вдруг услышал подземный гул и увидел, как закачались белые плиты, которыми была выложена улица. Но за ним следовала громящая повозка, и юноша подумал, что колеса слишком тяжелы, если раскачали громадные плиты, сохранившие следы повозок за долгие столетия.

Антоний вошел во двор гладиаторской школы и попросил привратника позвать ланисту. В руках у него был мешочек с деньгами — десять тысяч сестерций.

— Зови Стефана и приготовь расписку на десять тысяч сестерций, — сказал Антоний ланисте с видом господина, который требует почтительного отношения к себе.

Лицо ланисты осветилось ослепительной улыбкой. Низко кланяясь Антонию, он сказал, что все будет сделано наилучшим образом. Он схватил свиток, который торчал у него за поясом, и, не теряя времени, принялся за расписку.

— Небывалый случай, — сказал ланиста. — Я никогда не продавал учеников гладиаторской школы. Это невыгодно. Только из уважения к тебе и твоему отцу, знаменитому философу, я отступаю от своих правил.

— Прихватив при этом десять тысяч! — усмехнулся Антоний. — Ты бы делал эти уступки каждый день, если бы находились покупатели. Однако где же Стефан? Поторопись...

— Скоро обед, — сказал ланиста, — я приглашаю тебя вместе со Стефаном пообедать в гладиаторской школе.

— Нет-нет, я тороплюсь. Нас ждет Манилий Тегет. Мы вместе со Стефаном будем на обеде философов.

— Ты хочешь сказать, что этот ничтожный мальчишка будет возлежать рядом со знаменитыми учеными?

— Должно быть, так, — сухо ответил Антоний. — Будь повежливей, ланиста, с юношей, которого ты ограбил. Забери скорее деньги — они жгут мне руки. А тебе они должны прожечь твой мешок. Ведь ты незаконно их получаешь. Ты впятеро превысил сумму, отданную тобой этому легкомысленному юноше. Однако что за странный грохот? И небо темнеет...

— Пустое! — воскликнул ланиста. — Помпейцы давно привыкли к тому, что земля иногда вздрагивает и раскачивает храм Аполлона. Однако он восстановлен. Все будет хорошо. А вот и Стефан... Получай расписку.

Уводя с собой изумленного Стефана, Антоний не сдержался и сказал улыбающемуся ланисте:

— Настанет день, и тебя, ланиста, призовут к ответу за твои мошеннические проделки. Справедливый суд накажет тебя!..

Стефан горячо благодарил Антония. Он стал говорить о своей верности и готовности служить ему до конца своих дней. Но он не успел досказать свою мысль, потому что небо стало черным, раздался оглушительный грохот, земля задрожала, стены закачались, из остроконечной вершины Везувия вырвалось пламя, и крики людей, заглушаемые подземным гулом, возвестили о величайшем бедствии.

Антоний и Стефан, держась за руки, бежали к дому Манилия Тегета. Они бежали в полной темноте, наугад, а с неба сыпался горячий пепел. Они покрылись шерстяной накидкой Антония и пытались ускорить шаг, но идти становилось все труднее. Когда темнота полностью поглотила Помпеи, огонь, извергающийся из кратера Везувия, словно гигантский светильник запылал в небе.

Антоний и Стефан едва передвигались, потому что вместе с горячим пеплом на город посыпались камни. Надо было чем-то прикрыть головы, чтобы предохранить от ударов, но нечем было. А навстречу им шли люди, и сквозь грохот и гул были слышны крики отчаяния. Иные из них прикрыли головы подушками, тюфяками, коврами. Иные бежали куда-то с мешками. Может быть, успели захватить с собой позолоченную посуду или драгоценнос-

ти. Юношей обгоняли двухколесные повозки, запряженные мулами или лошадьми. Страшная паника, ужас и отчаяние царили повсюду. Но Антоний первый заметил, что густые испарения серы не дают дышать. В узких улочках можно было задохнуться. И он потащил Стефана на просторную улицу, где было еще страшнее, потому что навстречу двигалась лавина людей — они стремились покинуть город.

— Антоний,— сказал Стефан,— почему-то люди идут навстречу. Может быть, они знают, куда идти?

— Но мы тоже знаем, Стефан. Ведь нам надо прежде всего прийти в наш дом и увести моих родителей. Боюсь, что они не покинут дом, будут меня ждать. Я знаю, они ждут меня и боятся уйти, чтобы не потеряться. Если бы я не покинул дом, мы бы все вместе решили, что делать...

— Все из-за меня, Антоний... Спасая меня, ты оказался вдали от дома. Ты прав: мы должны спешить в твой дом. Мы должны увести твоих родителей.

Теперь они двигались очень медленно, то и дело спотыкаясь, шараясь в сторону от падающих камней, от мертвых птиц, которые валились с неба. Повсюду слышался плач детей и крики женщин. В темноте люди старались узнать друг друга по голосам, но в этом страшном хаосе невозможно было узнать голоса.

Они были где-то недалеко от форума, когда особенно ярко вспыхнуло пламя на вершине Везувия и стало видно, что храм Аполлона лежит в руинах, а среди руин — тела несчастных, которые были поблизости и погибли под градом камней и обрушившихся стен. Стефан споткнулся о что-то мягкое и вдруг в свете молнии увидел убитую собаку. Стоящие рядом повозки не двигались, потому что путь им преградила свалившаяся колонна. Снова стало темно, и только по крикам, причитаниям и плачу можно было понять, что делается с людьми, очутившимися на улицах Помпей. Но люди, идущие по этим дорогам, искали спасения за пределами города... Найдут ли спасение те, кто решил переждать несчастье в своих домах? Эти горячие камни, падающие с неба, должно быть, обрушили крыши...

Думая обо всем этом, Антоний с ужасом представил себе свой дом, отца, сидящего в библиотеке, и мать, которая несомненно оплакивает сейчас Антония. Доберутся ли они со Стефаном до поместья Манилия Тегета?

Настал момент, когда уже невозможно было пробираться вперед. Поток людей и повозок увлек их, и они, обессиленные, обожженные и трепещущие от страха, были увлечены толпой неведомо куда.

Какая-то женщина, идущая с ними рядом, все время прикрывала младенца подушкой. Ребенок кричал, просился домой. Поправляя на голове толстое шерстяное одеяло, женщина, увидев, что юноши ничего не имеют с собой, велела им взять ковер из овечьей шерсти. Он лежал на маленькой повозке, которую тащил раб. Антоний и Стефан, обнявшись и укрывшись ковром, шли уже в обратном направлении от дома Манилия Тегета. Антоний утешал себя лишь тем, что, может быть, это несчастье приостановится. Может быть, боги, в которых он вчера еще не верил, сегодня помогут ему и спасут родителей от гибели. А он вернется к ним тотчас же, как только прекратится этот каменный дождь и эту темноту пронзит хоть один-единственный солнечный луч.

Одни говорили, что надо идти в сторону Неаполя. Другие — что надо идти в противоположную сторону. Никто не знал, куда надо было идти. А главное, нельзя было выбирать, можно было идти лишь в ту сторону, куда катился поток несчастных, может быть, обреченных на гибель.

Пока они шли вдоль улиц, было страшно, что обрушатся стены зданий. Земля дрожала, и казалось, что ни одна стена не устоит. Так в бесконечной толчее, страхе и в ожидании гибели, влекомые толпой, они вышли за ворота города. И хотя было совершенно темно, они почувствовали, что рядом нет домов. Значит, миновала опасность погибнуть от рухнувших стен. Иногда огненные змеи пронизывали небо и чуть-чуть освещали страшную картину паники и разрушения.

Когда Антоний увидел, что они уже за пределами города, и понял, что дом его находится в противоположной части Помпей, тоска и отчаяние охватили его, и он, уже не сдерживаясь, зарыдал.

— Я не увижу более своего отца Манилия Тегета!.. Никогда я больше не увижу своей доброй матушки!.. Погиб вместе с ними мой друг Элий Сир... Погибли мои друзья и товарищи... О, я несчастный! — повторял Антоний одни и те же слова.

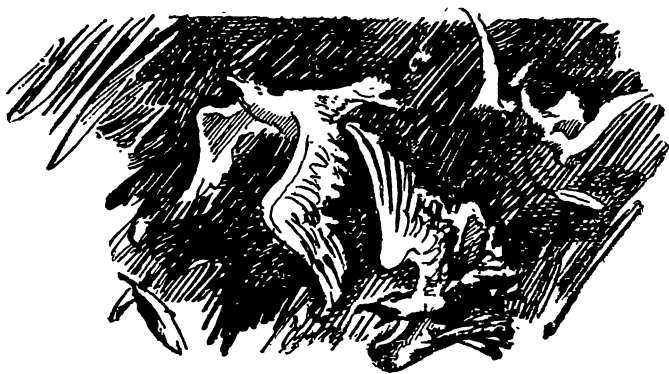
— Не надо оплакивать живых. Потерпи, Антоний! Прости меня, Антоний, я виновник твоих несчастий. Какая страшная беда обрушилась на Помпеи... А может быть, она обрушилась на весь белый свет?.. Мы ничего не знаем, Антоний... Может быть, наступил конец света и гнев богов обрек всю землю на вечное проклятие, на гибель?.. Что мы знаем, Антоний?.. Все люди на земле несчастны сегодня. Я уверен, такого еще не знали люди!.. Сколько мы видели погибших... Как плачут и стонут рядом с нами женщины и дети!.. А этот несчастный старик, который просил, чтобы его убили, потому что он не может передвигаться и боится смерти под горячим пеплом... Гнев богов ужасен!..

— Все мы дурным своим поведением разгневали богов,— согласился Антоний.— Я грешен тем, что слишком много размышлял об учении Лукреция и поверил ему, что боги выдуманы. Но не я один виновен перед богами. И вот мы наказаны...

Антоний говорил все это, прижавши губы к уху Стефана, но и так Стефан с трудом понимал, о чем говорит Антоний. Непрерывный грохот, гудящая земля, падающие камни и крики несчастных — все смешалось в страшном, неописуемом гуле, и людям казалось, что они уже в аду.

В тот момент, когда огненная змея скользнула по черному небу и на мгновение осветила землю, Антоний увидел, что обрушившиеся колонны и стены какой-то виллы наполовину уже засыпаны пеплом. И он понял, что никогда уже не увидит своих родителей. Он схватил Стефана за руку и стал умолять вернуться к вилле философа. Но Стефан тащил его вперед, туда, куда катился поток людей.

НЕБО ПОТЕМНЕЛО

День был жаркий, душный. Манилий Тегет то и дело подымался со своего деревянного ложа и подходил к маленькому фонтану, чтобы немного освежиться. В этот день он читал Эпикура и много думал над его философскими трудами.

«Согласно Эпикуру, цель философии — счастье человека, — думал Манилий Тегет. — Надо найти его письмо к Менойкею. Мне помнится, там есть любопытные строки. Надо их записать для Антония. Кстати, скоро ли он вернется со своим другом?.. И что за фантазия у сына, будто они так необычайно схожи, что их и не различишь... Какая фантазия! Однако где это письмо? Вот и строки...

«Пусть никто не откладывает философию в юности и пусть не устает от нее в старости. Ведь никто не может быть незрелым или перезрелым для здоровья души. И кто говорит, что час для философии еще не наступил или уже отлетел, уподобляется говорящему, что час для счастья или еще не пришел, или уже не существует. Поэтому философия необходима и старцу и юноше: первому — чтобы на склоне лет он обновлялся благами, радуясь прошлому; второму — чтобы он был юношей и вместе пожилым по бесстрашию перед грядущим».

Манилию Тегету от всей души хотелось, чтобы его Антоний воспитал в себе бесстрашие перед грядущим. Он много думал о сыне последнее время. Может быть, потому, что Антоний уже более осмысленно и увлеченно относился к занятиям философией и задавал великое множество вопросов, которые и самого Манилия Тегета ставила в тупик.

Манилий Тегет вспомнил сейчас разговор о Лукреции, о богах, о религиях и сам себе улыбнулся. Он был рад тому, что Анто-

ний каждый раз с увлечением обращается к мыслям великих, которые не всегда ему понятны, но постоянно вызывают интерес и желание понять.

Размышляя над словами Эпикура, Манилий Тегет сорвал алую расцветшую розу и, вдыхая аромат, думал о том, как философия украсила ему старость и как она вдохнула жизнь в юного Антония, заставила его мыслить.

«Ему еще далеко до бесстрашия перед грядущим, но если он не покинет свое занятие, я убежден, предсказания великого Эпикура сбудутся...»

Но вдруг сумрак опустился над благоухающими цветами перистилем, раздался гул, задрожали мраморные колонны. Манилий Тегет вскочил и в растерянности бросился в дом.

— Боги гnevаются! — закричал он. — Где ты, Паксея?!

Стены закачались, и вдруг обрушился карниз с лепными украшениями. Карниз упал к ногам Манилия Тегета.

— Боги милостивы... — прошептал философ, обходя обломки.

В доме поднялась суeta. Забегали слуги. Покинула свои покои Паксея. Спотыкаясь, в полной темноте она пыталась найти Тегета. Элий Сир покинул свою каморку, так и не бросив резца и молотка: он доделывал голову мраморного амура для фонтана богатого пекаря Прокула.

— Что делать нам? Боги гnevаются, великий господин!

— Трясущиеся стены — плохая защита. Нам надо выйти во двор, Элий Сир. Паксея, подай мне свою руку... Прикажи служанке зажечь светильник. Как дрожат стены... Какой сумрак спустился на землю в этот солнечный день!.. А вилика нет. Вилик в поле.

Они вышли за ворота и увидели грозное пламя огнедышащего Везувия. В это время с неба посыпался горячий пепел, и люди, бегущие по узкой темной улочке, бросились к стенам дома Тегета, чтобы укрыться от горячего дождя. Но снова раздался грохот, стены задрожали, и они с криками отчаяния побежали вперед. А из соседних домов выбегали женщины, старики, дети, и вся улица заполнилась кричащими, плачущими и стенающими людьми.

— Гнев богов страшен, Паксея, — сказал Манилий Тегет. — Мы должны покинуть дом. Горячий пепел Везувия засыплет нас и крыша обрушится на наши головы, если мы тотчас же не уйдем отсюда.

— Ты прав, Манилий Тегет. В перистиле обрушились две колонны. Твои книги завалены обломками карниза. Но если мы покинем дом и уйдем без Антония, как он найдет нас?..

— Однако придется покинуть дом, Паксея. Надо позвать рабов. Пусть возьмут мягкие вещи — прикрыть головы.

— Я думаю, что кому-нибудь из нас следует вернуться в дом и взять что-нибудь ценное,— предложила Паксея.— Пойдем вместе, Манилий Тегет. Ведь мы покинем этот дом навсегда.

Они кинулись к воротам своего дома, но тут вместе с дождем горячего пепла посыпались камни. Большой камень упал совсем рядом с Манилием Тегетом. Старый философ и Паксея остановились. Манилий Тегет позвал Элия Сира и сказал:

— В моей библиотеке под свитками стоит ящик с деньгами. Ступай вынеси его. Если сможешь, загляни в винодельню, маслобойню, в пекарню... Позови рабов, пусть хватают все, что нам нужно в пути: одеяла, ковры, подушки, еду... Мы тотчас же покинем дом.

Элий Сир бросился к винодельне, к маслобойне, к пекарне, собрал рабов, приказал войти в комнаты и взять все, что доступно. Сам он проник в комнату господина, извлек из-под свитков деревянный ящик с деньгами и принес его к воротам, где стояли господин и госпожа. Вдруг яркая молния осветила небо, и Тегет увидел засыпанные пеплом розы и мертвых птиц, которые упали с неба.

— Всего лишь час тому назад они пели... — сказал Манилий Тегет.

Вокруг господина уже собрались рабы и рабыни. Одни принесли подушки и ковры, другие позаботились о еде. Кто-то принес небольшой сосуд вина, который стоял на кухне и был приготовлен к обеду рабам.

— Я не взял ни одного свитка...— вздохнул Манилий Тегет.— Я покидаю свой дом и ухожу в неизвестность...

— Целый город окутан мраком, целый город засыпан горячим пеплом... О чем ты говоришь, Манилий Тегет! — воскликнула Паксея.

— Нам пора в путь, достойный господин,— сказал Элий Сир.— Если мы тотчас же не тронемся в путь, мы погибнем здесь.

— Ты прав, Элий Сир. Я медлил, надеясь, что Антоний появится у наших ворот. Но его нет, и мы пойдем. Берите каждый что может... Мы покинем поместье. И если боги в своем великом гневе проявят лишь каплю справедливости, то мы встретим Антония. Пойдемте вслед за этой толпой.

— С твоего разрешения, господин, я потащу этот ящик с деньгами. Он тяжел и пригодится тебе, когда небо посветлеет. Пока человек жив, он нуждается в благах земных.

— Ты прав, Элий Сир. Тащи этот ящик, иди со мной рядом... Это принадлежит Антонию. Я надеюсь, мы найдем его...

Элий Сир шел впереди. За ним шли слуги, прикрыв головы

какими-то вещами, а за ними, взявшись за руки, Манилий Тегет и Паксея вышли за ворота. Они увидели в свете молний молоденькую девушку в белом покрывале. Она, вероятно, склонилась к стене, пытаясь укрыться от падающих камней, но камень обрушился на нее, и она лежала у стены окровавленная. Элий Сир нагнулся над девушкой и услышал стон. Он поднял ее и сказал слугам:

— Бросьте на нее одеяло, чтобы горячий пепел не попал на окровавленное плечо. Помогите ее понести... Как она очутилась здесь? Одна... Может быть, в темноте близкие ей люди не увидели несчастья, а грохот заглушил ее стоны. Они ушли вперед, преодолевая бесчисленные препятствия, и вот уже никогда не найдут ее...

А девушка стонала и звала кого-то в беспамятстве. Нельзя было остановиться, чтобы дать ей немного воды, потому что сейчас семья Манилия Тегета вместе с рабами и слугами вышла на дорогу, ведущую к Геркуланским воротам. А дорога эта была запружена людьми и повозками. Казалось, что эта лавина, кричащая, стонущая и плачущая, пришла из ада.

Манилий Тегет, идущий позади, ничего не знал об Элии Сире, о раненой девушке, которую тот захотел спасти. Он то и дело поправлял подушки на голове и простирал в темноту руку, чтобы проверить, прикрыта ли голова у Паксеи.

Кто-то из рабов, из тех, кто нес вещи впереди господина, подошел к Манилию Тегету, чтобы узнать, не нужно ли чего. Он рассказал господину о том, что Элий Сир пытается спасти израненную девушку, должно быть, весталку из виллы Диониса. Так подумали рабы, увидев в слабом свете молнии тонкое покрывало девушки.

— Ты говоришь, у нее перебито плечо? Тогда надо было бы остановиться и перевязать его. Ведь нужно остановить кровь, иначе девушка погибнет,— говорил Манилий Тегет рабу.

И тот, приняв это как приказание, стал проталкиваться вперед, чтобы найти в толпе Элия Сира и девушку.

Манилий Тегет рассказал Паксее о раненой девушке, и жена его, которая не переставала думать о сыне, растревожилась и попросила Манилия Тегета распорядиться, чтобы девушке дали выпить воды или вина и чтобы перевязали рану тотчас же, не откладывая.

Желтое тусклое пламя Везувия то вспыхивало, то слабело. И оно, подобно свече, теплилось в темной ночи, спустившейся над Помпеями. Когда молнии прорезали небо, люди могли увидеть страшную картину разрушений и людского горя.

Паксея, укрывшись толстым шерстяным одеялом и подушками, шла как слепая, ничего не видя. Но крики и стоны, доносившиеся

до нее, говорили сами за себя. Когда до нее донесся крик отчаяния старой женщины, которая умоляла отнести ее в сторону, чтобы она могла умереть, но не быть раздавленной толпой, Паксея приподняла свое покрывало, но ничего не увидела в крошечной тьме. Тогда Паксея спросила людей идущих рядом. И они сказали, что госпожа, которую несли на руках рабы, была вся изранена. У нее была перебита нога, и боль была так сильна, что женщина не переставала кричать и молить о том, чтобы ее оставили в покое.

— Как помочь несчастной? — спросила Паксея Манилия Тегета. — Мне кажется, что наш садовник захватил с собой настойку целебных трав. Может быть, мы предложим ей... Как ты думаешь, Манилий Тегет?

— Но где мы найдем садовника? Я не знаю, где он — впереди или сзади. Как плохо, что мы не догадались зажечь факел. Ах, если бы мы взяли с собой небольшой светильник из моей библиотеки!.. Как бы он помог сейчас. Но теперь уже негде взять светильник. Да и остановиться нельзя, Паксея. Я уже не слышу стонов этой женщины. Должно быть, рабы выполнили ее приказание и отнесли ее в сторону.

— Как ты думаешь, Манилий, догадался Антоний покинуть школу гладиаторов? Или, может быть, он решил переждать несчастье за стенами школы?.. Мне говорили, что для гладиаторов там устроены совсем маленькие каморки. Что же будет с сыном, если он вздумал укрыться в такой каморке, а стены обрушились!..

— Я не могу так думать, Паксея. Я должен верить, что сын спасется и что все мы встретимся. Я должен верить, что это бедствие очень скоро пройдет. Ничего ужаснее не придумаешь! Даже война... Даже чума... Что бы ты ни придумал самого страшного, все это менее чудовищно. Если бы только дрожала земля и только рушились стены, люди могли бы покинуть жилища и спастись где-либо в поле, под небом. Но здесь и земля дрожит, и страшная темнота, и горячий пепел с камнями, и этот ужас, обуявший нас...

Паксея еле передвигалась. Единственным утешением было сознание, что Манилий Тегет рядом, что он говорит что-то... Не все до нее доходит, но кое-что она поняла. И она знает, что надо верить в спасение... Но почему вдруг выскользнула рука Манилия?.. Что-то мягкое упало к ее ногам. Она остановилась, нагнулась и стала звать слуг, которые были рядом. Манилий Тегет потерял сознание. Слуги подняли его. Они положили его на ковер и вчетвером понесли. Паксея плелась за ними, обливаясь слезами. Но вдруг ей пришла мысль о том, что он может умереть, и она стала просить, чтобы скорее нашли садовника с целебным питьем из трав, чтобы поддержать сердце Манилия. У Тегета и прежде часто

болела голова, бывало, что он жаловался на сердце, а здесь, на дороге, по которой они шли, откуда-то появились ядовитые газы. Должно быть, они отравили Тегета. Да и ей сделалось плохо...

С большим трудом рабы нашли садовника, который, к счастью, нес в своей корзине целебное питье и кувшин чистой воды. Не останавливая рабов с носилками, садовник, идя рядом, пытался напоить господина целебным питьем. Он попрыскал его свежей водой и помахал над ним куском полотна, чтобы усилить движение воздуха. Потом он вспомнил, как один старый мудрый раб из греков рассказывал ему о том, как спасаются от ядовитых газов рабы, работающие в рудниках под землей. И старый садовник намочил полотно и приложил к лицу господина мокрую тряпку, чтобы он дышал через нее и чтобы дурной, ядовитый воздух не проникал в легкие больного человека.

Но тут и Паксее сделалось худо. Она свалилась на руки женщины-рабыни, идущей рядом с ней. Ей точно также прикрыли лицо мокрым полотном. А садовник, которому удалось облегчить дыхание Манилия Тегета, разорвал свое покрывало и предложил рабам прикрыть нос и рот мокрым полотном, чтобы сохранить себе дыхание.

— Может быть, здесь нас настигли ядовитые газы, а когда мы выйдем за ворота Помпей, возможно, воздух там чище, и мы сохраним свои жизни, не задохнемся.

Когда рядом с ними загромыкала повозка богатого нобилия, семья которого шла в окружении рабов с факелами в руках, Манилий Тегет очнулся и увидел, что в толпе много несчастных, которые не держатся на ногах и которых кто-то тащит на себе. Он почувствовал едкий запах, который проникал даже сквозь мокрое полотно, и понял, что боги разгневались так, как никогда еще не гневались за всю человеческую жизнь.

— Где госпожа моя? — спросил Манилий Тегет.

— Она рядом. Ее ведут под руки верные рабы. Не тревожься, господин, — ответил садовник.

— А где лекарь нашего дома? Не можешь ли ты найти его, чтобы он шел рядом со мной?

— Мне печально сказать тебе это, господин мой, но лекарь наш был убит камнем еще в начале пути. Он шел позади и нес с собой много целебных настоек и мазей. Я видел, как он упал... Мы едва успели оттащить его к стене, чтобы не дать людям в темноте растоптать его. Сколько горя и несчастий!..

Когда рабы предложили Элию Сиру помочь ему нести искалеченную девушку, Элий Сир, уставший, с обожженным лицом, задыхающийся от тяжелой ноши, согласился, но попросил, нельзя ли приспособить для носилок какой-либо ковер, из тех, что тащили на себе рабы. Он решился остановиться в стороне от дороги, возле разбитых и помятых маслин. Он положил на землю стонущую девушку, перевязал ей плечо изорванным покрывалом, которое, к счастью, сохранилось, уложил девушку на ковер и предложил рабам всем вместе понести ее. Они пошли. И когда девушке стало немного легче оттого, что рука была вправлена на место и туго завязана, она сказала, что бежала домой после пиршества в честь Диониса, что она племянница Юлия Полибия. Если они пойдут вдоль этой дороги, то вскоре окажутся вблизи ее дома.

— Но если мы покинем тебя вблизи твоего дома,— сказал Элий Сир,— то представь себе, что с тобой будет. Я бы не стал оставаться в доме во время этого бедствия, потому что ни одна крыша не верна. Мы можем оставить тебя, но ты погибнешь. Да и есть ли кто-либо в твоём доме, неизвестно. Пока у нас хватит сил, мы понесем тебя. Кстати, вот и нашего господина понесли рабы... — Элий Сир подбежал к носилкам, чтобы узнать, жив ли господин.

Девушку понесли. И когда они проходили мимо дома Юлия Полибия, девушка стала звать дядюшку Полибия. Но никто не вышел. Калитка была засыпана горячим пеплом доверху. Если бы Элий Сир захотел отпустить девушку домой, то это было бы бесполезно, потому что войти в дом было невозможно.

— Мы несем тебя, а не знаем твоего имени. Мы только знаем теперь, что ты одна, с перебитым плечом и, кроме нас, никому тебе помочь.

— Я Ника,— ответила девушка сквозь слезы.— Не покидайте меня, добрые люди...

Они шли сейчас вслед за носилками Манилия Тегета. И когда Элий Сир узнал голос своей госпожи и понял, что она оплакивает господина, он постарался подойти поближе к Паксее и сказал ей:

— Не плачь, не печалься, госпожа. Я уверен, что наш благородный господин поправится, и мы найдем нашего Антония. Он умный и ловкий. Не может быть, чтобы он не догадался бежать из города, когда бегут отсюда тысячи людей. Другого спасения им нет.

Паксея ничего не ответила. Она только плакала и тяжело вздыхала. Сейчас, в этой страшной темноте, поглощенная мыслями о гибели всех близких, всего города, а может быть, всей земли, она

вспомнила маленького Антония, совсем крошечного, когда он, лежа у нее на коленях, брыкался и отбивался от серебряной ложки, которую ему совали в рот, пытаясь напоить его козьим молоком. Ей вдруг вспомнился уютный перистиль в большом красивом доме, где они жили, когда у них появился маленький Антоний. Она вспомнила хорошенькую белую козочку, которую доставили в дом из поместья, чтобы иметь постоянно свежее молоко для младенца. Ей вспомнилась добрая старая няня из рабынь, которая ловко пеленала мальчугана и так бесстрашно окунала его в большую глиняную лохань с теплой водой, согретой на солнце... Она шла в темноте и словно видела все это. И казалось, что стоит открыть глаза, как прежде окажется рядом.

Паксея вспоминала свой переезд в большое, красивое поместье, которое было куплено в честь Антония. Ведь Манилий Тегет был уже немолодым, когда у них появился Антоний. Она намного его моложе. Вначале она боялась, что муж невзлюбит мальчугана: ведь он был так занят своей наукой, учениками. Но он проявил даже больше нежности и привязанности, чем сама Паксея. И вот настал день, когда рабы, нагруженные посудой, коврами, мешками, наполненными зерном, сухими фруктами, с кувшинами масла на головах, перетаскивали все достояние дома в новое поместье. Громыхали повозки, груженные всяким добром. Манилий Тегет шел рядом с повозкой, где стояли ящики с его книгами. Он боялся, как бы не потерялся какой-либо драгоценный свиток...

— О боги! — воскликнула Паксея. — Как он будет жить без своих книг? И будем ли мы живы? И нет у нас крова... Но где же наш Антоний? Возможно ли, что все потеряно и все погибло?.. Как мы несчастны!..

— Госпожа, подойди ближе к носилкам господина... он просит тебя, — сказал садовник, и Паксея стала проталкиваться к носилкам. А по обе стороны ее шли рабыни, которые боялись, что их госпожа, которую все время сотрясают рыдания, свалится с ног и будет растоптана в этой толпе.

Паксея приблизила голову к голове Манилия и, сдерживая слезы, спросила, как он себя чувствует. Старый философ коснулся рукой глаз Паксеи и очень тихо, так, что трудно было расслышать, сказал:

— Не плачь, если меня не станет, Антоний найдет тебя...

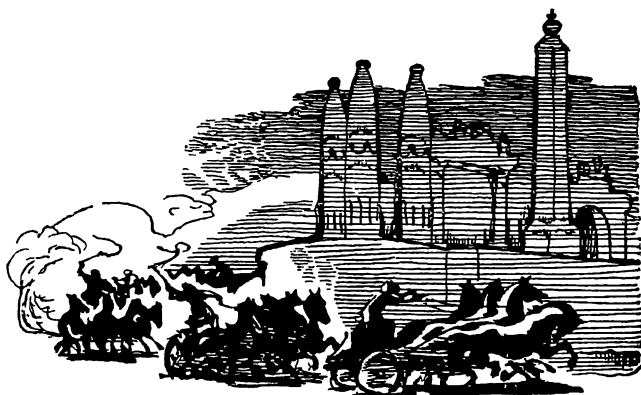
Она не услышала его, но подумала — он жив.

Было совсем темно, и она не видела, как Манилий Тегет схватился руками за сердце. Рабы, которые несли носилки, были заняты тем, чтобы пробиться вперед и не уронить драгоценную

ношу. Они не сразу узнали о том, что сердце старого философа остановилось, что он больше уже не дышит...

— Я не плачу, Манилий. Будь спокоен. Я иду рядом с тобой. Все будет хорошо. Нам надо выйти на дорогу... Кажется, прекратился град камней. Будь спокоен, Манилий, все будет хорошо... Ах, только бы прекратился этот горячий дождь из пепла!..

Кто-то оттолкнул Паксею от носилок. Рабыни крепко держали ее, она не упала, но рабы с носилками ушли вперед, а темнота мешала разглядеть их. И так они долго шли, Паксея и рабыни. Они не знали о том, что их ждет.

ГОСПОДИН ВЕРНУЛСЯ ИЗ РИМА

Только попав в Рим и очутившись на форуме, Потин Теренций понял, что он неумело и безрассудно тратил свое достояние. Почему он годами не появлялся в Риме? Только очутившись здесь, в прекраснейшем из городов мира, он пожалел о том, что долгие годы провел в своем поместье, забавляясь пустяками. То приезжали родственники из дальних поместий, то собирались соседи поиграть в кости. Бывало, что на пиршество зазывали мимов или танцовщиц. Мало было радостей рядом с больной и скупой Скантией...

В Риме все доставляло удовольствие Потину Теренцию. Когда он оказался на форуме, в толпе знатных и богатых римлян, он почувствовал себя более значительным и важным господином. Когда он обедал в харчевне и пил вино, сделанное неизвестным виноградарем вблизи Рима, и обед и вино восхищали его, хотя были хуже того, что он имел дома. Римские мимы и актеры, которые разыгрывали на площадях свои простенькие пантомимы, показались Потину Теренцию великими актерами. А когда он оказался в Колизее, то восторг его был неопишуем.

Дела, связанные с продажей вина, не заняли много времени, и если бы не желание поразвлечься, то Потин Теренций очень скоро вернулся бы домой. Однако удовольствия с каждым днем все больше затягивали его. И случилось так, что Потин Теренций пробыл в Риме около месяца.

Когда в Рим прибыли первые беглецы из Помпей, Потин Теренций, наслышавшись о несчастьях и страданиях многих тысяч

жителей Помпей и Геркуланума, подумал о том, что и в его поместье могло случиться несчастье — ведь случилось же такое в цветущих, богатых городах, где люди жили без мысли о грозящей им опасности! Если на то воля богов, то любой кусок священной италийской земли может превратиться в ад.

Люди рассказывали о том, что многие погибли и что всех жителей Помпей, которые остались в домах, постигла участь похороненных заживо. А тех, кто ринулся из города, засыпал горячий пепел и камни, которые дождем сыпались с черного неба. В Риме все говорили о благородстве императора Тита, который создал сенатскую комиссию, чтобы оказать помощь несчастным жертвам извержения, оставшимся без крова.

Потин Теренций не раз видел писцов, которые ходили по улицам Рима и переписывали на свои воощенные дощечки имена несчастных, оказавшихся в Риме без крова, без денег, без родных. Среди богатых римлян стало модным оказывать помощь безвестным помпейцам, раненым в пути. Видя все это, Потин Теренций все больше тревожился о благополучии своего дома. И не получая уже удовольствия ни от зрелищ, ни от бань, ни от римских харчевен, он собрался в обратный путь...

В поместье никто не знал о гибели Помпей, и когда Потин Теренций, радостный и счастливый оттого, что поместье его в целости и сохранности и земля не дрожит, когда он созвал своих слуг и рабов, чтобы узнать, как выполнялись его распоряжения в течение целого месяца, он прежде всего обратился к Потину Меруле. Вилик как раз и ждал этого разговора. Он хотел поговорить о деньгах для выкупа Стефана. Он очень волновался, потому что должен был сделать предложение господину, и если тот согласится, продать Клеиду, чтобы получить сумму, необходимую для выкупа Стефана. Все эти мысли теснились в голове Потина Мерулы и вселяли тревогу и беспокойство. Когда господин узнал о том, как успешно был собран виноград, как были залиты амфоры молодым вином и какой обильный был собран урожай фруктов, он похвалил Мерулу. А потом спросил, почему он печален. Вилик наконец отважился сказать, что сын его Стефан попал в дурную историю, что не вернулся он из Помпей, потому что угодил в школу гладиаторов.

— И вот я должен его выкупить,— сказал Потин Мерула, не скрывая слез и волнения.

— Поздно! — воскликнул Потин Теренций.— Теперь тебе его не выкупить, Мерула. Разве до вас не дошло, что в Помпеях и Геркулануме случилось великое бедствие и нет больше этих прекрасных городов. Они погибли под толстым слоем горячего пепла и кам-

ней. Исчезли... Исчезли города и все люди, живущие в них. Лишь немногие бежали. И я их видел в Риме...

— О боги! — воскликнул несчастный вилик. — За что мне такое наказание?! Почему сын мой Стефан очутился в Помпеях в тот страшный час, когда свершилось такое... Скажи мне, господин, как это случилось?.. Я знаю, что Помпеи стояли сотни лет. Пятнадцать лет назад, когда задрожала земля под Помпеями, рухнул храм Аполлона, но я видел, как его восстанавливают. Как же случилось, что исчез весь город?.. Этого не может быть!..

Вилик Мерула рыдал и причитал, а Потин Теренций стоял молча, опустив голову. Ему было жалко молодого, красивого Стефана, который вырос на его глазах и был ему предан и старателен в работе. Потин Теренций был так растерян, что даже не догадался спросить, как это случилось, что Стефан попал в помпейскую школу гладиаторов.

А Потин Мерула все причитал и причитал. Обливаясь слезами, он стал рассказывать о том, как сын его, глупый и доверчивый мальчик, выпивши чрезмерно много вина, согласился пойти в школу гладиаторов, чтобы добыть две тысячи сестерций для отца.

— Для чего же тебе понадобилось две тысячи сестерций? — спросил Потин Теренций. — Ведь я позволил тебе понемногу выплачивать мне долги, оставшиеся за тобой.

— Прости, господин. Я был неправ. Я задумал уйти от тебя и открыть маленькую пекарню. Вот для чего нужны были две тысячи сестерций. Я подумал, что мы с Клеидой состарились в твоём поместье и нам все труднее угождать госпоже. И вот мы задумали столь малое и недоступное нам. И чтобы выкупить сына, я хотел снова продать тебе Клеиду. А теперь уже незачем продавать Клеиду... Прости, господин. Я был неправ, и боги меня наказали...

Пока вилик шел к себе, все встречные рабы и слуги расспрашивали его о гибели Стефана. Заволновалась и Клеида, услышав плач и стоны рабынь. А потом дом огласился криками несчастной матери, и семья вилика вместе с рабами долго и горько оплакивала погибшего Стефана.

Больше всех убивался Евтих. Теперь, вспоминая все обстоятельства своего пребывания в Помпеях, он отчетливо видел допущенную им оплошность. Не надо было доверять Стефану!.. Он так еще молод и глуп... Евтих проливал слезы, но все же утешал Клеиду и Мерулу. Он рассказывал, как много ворот в Помпеях и как много было возможностей бежать. Он говорил, но и сам себе не верил, потому что знал, что школа гладиаторов была подобна темнице. И если землетрясение и дождь из горячего пепла обрушились вне-

запно, то несчастным затворникам в гладиаторской школе невозможно было бежать...

Впервые в своей жизни вилик Мерула уже не испытывал ни любви, ни интереса к той земле, которую он возделывал. Ему все было безразлично. Клеида была настолько больна и слаба, что с трудом выполняла свои обязанности. Она слишком часто выслушивала брань госпожи, которая была недогольна Клеидой. В доме вилика Мерулы воцарилась скорбь.

— Я все думаю, Мерула, как это пришла тебе в голову такая неразумная мысль — послать глупого мальчишку в Помпеи? — спрашивала Клеида.

— Ты сама знаешь, что я желал ему добра и хотел доставить сыну немножко радости. Как я мог предвидеть, что случится столько горя и несчастий? И кто мог думать, что погибнет целый город. О чем ты спрашиваешь, Клеида!..

ВСТРЕЧА

Антоний не помнил, что с ним было в ту страшную ночь и что было в последующие сутки. Его вел, бережно поддерживая, Стефан. Он заботился о том, чтобы прикрыть голову друга плотным ковром, подаренным им неизвестной женщиной. Этот ковер спас им жизни. Стефан своими глазами видел на дороге убитых и раненых, которые очутились в толпе бегущих из Помпей без единой вещи. Горячий пепел и камни сыпались им на головы.

Но вот настал третий день. Взошло солнце. И когда они обернулись в сторону Помпей — а шли они по дороге в Неаполь, — то взору их представилась страшная картина. Под толстым слоем пепла и камней совершенно исчезли два прекрасных города — Помпеи и Геркуланум.

В воздухе еще носились вихри седого пепла, но было достаточно светло, чтобы увидеть картину страшного разрушения. Только кое-где были видны отдельные колонны и крыши самых высоких зданий. Если бы их не было, то никто бы не подумал, что два дня назад вблизи Везувия были цветущие города. Исчезли сады и виноградники на склонах Везувия. Вулкан был скрыт под завесой пыли и пепла. Огонь на вершине его исчез.

Опустившись на землю недалеко от дороги, заваленной пеплом, Антоний неутешно рыдал. А Стефан, пытаясь его успокоить, показывал на толпы людей, расположившихся повсюду — на холмах, на дорогах, — он говорил о том, что семья Тегета, несомненно, спаслась и находится здесь где-то, совсем близко...

— Подымись, Антоний! Соберись с силами, и мы пойдем ис-

кать твоих близких. Посмотри, как много людей сохранили свои жизни. А сколько их ушло в Рим и в другие города! Надо искать долго и упорно. Что толку в том, что ты будешь их оплакивать! Учти, что и они тревожатся о тебе. Надо скорей их найти!

Они пошли, едва передвигаясь. Они давно ничего не ели, руки и ноги были у них изранены. Страх и тревога, словно тяжкая болезнь, лишила их сил. И все же они шли. Стефан был настойчив и действовал энергично, боясь, что тоска и печаль совсем убьют его друга. Он не переставал думать о том, что он главный виновник в несчастиях Антония: ведь он невольно разлучил его с семьей.

Когда они очутились вблизи какой-то харчевни, Стефан пожалел о том, что у них нет ни единой монеты, чтобы купить какую-нибудь еду. Тогда Антоний снял перстень с пальца и даже оживился при мысли, что вот сейчас он превратит этот ненужный предмет в кувшин вина, в горячую похлебку, а может быть, и в кусочек жареного барашка.

Должно быть, перстень был очень дорогой, если владелец харчевни, помимо еды и питья, дал ему еще триста сестерций. Он был честным человеком. А кроме того, за дни этого чудовищного несчастья он нажился как никогда. Его харчевню осаждали сотни людей. Дни и ночи вся его семья неустанно трудилась, получая за продукты не только деньги, но и множество золотых и серебряных вещей, которые были случайно захвачены людьми, когда они покидали свой дом.

Много дней Антоний и Стефан бродили по дорогам среди бездомных и обездоленных людей. В каждой семье было несчастье. Люди потеряли близких, потому что, так же как и Антоний, не смогли соединиться со своими. В эту страшную ночь в кромешной тьме, среди грохота, под горячим пеплом, погибли тысячи людей. Одни оплакивали маленьких детей, другие — стариков. Повсюду слышны были плач и стоны. Но среди живых, которые покинули Помпеи вместе с Антонием и Стефаном, не было философа Тегета, не было его жены Паксеи. И как ни старался Антоний, он не увидел ни одного из многочисленных рабов. Было естественно, что рабы, спасшиеся во время катастрофы, убежали, чтобы начать свою жизнь в другом месте свободными людьми.

— Знаешь, Стефан, — говорил Антоний, — если мне не суждено найти моих бедных родителей, если они погибли под пеплом и камнями в то страшное утро, то я молю богов только об одном: пусть они помогут мне найти моего друга — нашего раба Элия Сира. Я точно знаю, что Элий Сир никуда не убежал. Если он жив, то он ищет меня и оплакивает меня точно так же, как я оплакиваю своих бедных родителей.

— Не отчаивайся, Антоний,— говорил Стефан.— Поверь мне, ты найдешь родителей, а с ними и Элия Сира.

И они искали. Искали долго. Из Неаполя они попали в Рим. Они бродили по улицам, останавливались на площадях, где были беглецы из Помпей и Геркуланума. Они увидели много горя и отчаяния, но семьи Тегета они не нашли. И настал день, когда Антоний сказал:

— Они ждали меня. Бедные, они не вышли за калитку своего дома и погибли там, засыпанные пеплом... Не знаю, что мне делать теперь, Стефан.

— Мы пойдем в наш дом, Антоний, и ты увидишь, с какой радостью примут тебя мои родители. Ты знаешь, что они вольноотпущенники. Они бедные люди, но поверь мне, они любят тебя, как родного. К тому же они узнают о том, что именно тебе удалось спасти меня. И не только из рабства, Антоний. Теперь всем нам ясно, что если бы мы не ушли с тобой в тот утренний час, то мне бы уже никогда не увидеть ни солнца, ни неба. Поистине ты спас мне жизнь! Все мы — твои великие должники, мой друг Антоний. Пойдем в поместье Потина Теренция, и ты увидишь, как тебя будут любить мой отец Потин Мерула и мать моя Клеида...

Через пять дней они подходили к поместью Потина Теренция. Стефан был оживлен и с нетерпением ждал встречи с родителями. Антоний был печален и с тревогой ждал этой встречи.

*

Неутешное горе воцарилось в маленькой надстройке вилки Мерулы. После возвращения Потина Теренция, когда Мерула и Клеида узнали о гибели Помпей, для них стало ясно, что Стефана уже нет в живых. И теперь уже все было безразлично. Не нужна была пекарня, не хотелось покидать дом Потина Теренция, где они прожили долгую жизнь. Каждый из них, словно в тяжком сне, проводил свои дни за работой. И каждый проливал слезы о дорогом Стефане. Им сочувствовали и рабы, и вольноотпущенники, и сам Потин Теренций. Только Скантия молчала. Может быть, оттого, что ей было стыдно за свое дурное обращение с Клеидой. А может быть, оттого, что она была больна и ничто ей не шло в голову, кроме мыслей о недуге.

Антонию не хотелось войти в дом вместе со Стефаном и стать свидетелем трогательной встречи Стефана с родителями. Ему было тяжело, потому что он все время помнил о своем отце, который сейчас, когда Антоний уже считал его погибшим, выглядел еще благородней и прекрасней, чем он казался Антонию прежде. Антоний

все эти дни не переставал вспоминать беседы и споры с отцом, которые научили его, Антония, мыслить и стремиться к чему-то возвышенному. Он вспоминал доброе и нежное лицо своей матери, и, хотя ему не верилось, что их уже нет на свете, слезы не просыхали и сердце сжималось от печали.

Антоний остался за воротами под купой акаций. А Стефан поднялся наверх и крикнул:

— Я здесь, вилик Мерула! Я здесь, Клеида!

Клеида как безумная бросилась к сыну, обняла его, прижала, поцеловала и вся в слезах кинулась к окну:

— Сын вернулся! Стефан вернулся! Люди! Великое счастье!.. Вернулся наш сын!.. Тебя отпустили, сыночек? Или ты бежал?.. Значит, Помпеи не погибли?.. Люди склонны выдумывать и пугать друг друга...

Клеида гладила сына по плечу, ласково смотрела ему в глаза, щупала его руки. А Стефан, улыбаясь, счастливый, в первое мгновение даже забыл об Антонии, который был оставлен за воротами.

— Увы! Помпеи погибли... Исчез прекрасный город. Мы видели горы пепла и камней там, где высились храмы и виллы. А спас меня мой друг Антоний. Ты знаешь его. Я побегу за ним, он стоит у ворот. Великое несчастье случилось: он потерял своих любимых родителей... Он остался один на всем белом свете. Кроме меня, у него никого нет.

— Ты неправ, Стефан! Твои родители примут его. Мы примем его, как сына. Скорее веди его сюда! Сейчас придет отец, и пусть он увидит вас...

Когда Стефан почти насильно втащил в дом Антония, отец уже ждал их, стоя рядом с Клеидой и обливаясь слезами радости. Он бросился к сыну, а потом обернулся к Антонию, стоящему в стороне с опущенной головой. Вилик Мерула подошел к юноше, поднял его голову и отпрянул в испуге. Он поставил рядом Стефана и воскликнул:

— Поистине я вижу немыслимое!.. На далеком расстоянии родилось два одинаковых человека... Я понимаю тебя, Антоний. Твое желание увидеть своего двойника законно и вполне объяснимо, когда видишь вас рядом. Я низко кланяюсь тебе, Антоний, за твоё доброе дело. Ты спас нам Стефана!..

— И я низко кланяюсь тебе, Антоний,— сказала Клеида и склонила голову до земли.

Все это время она не переставала плакать. Слезы не давали ей даже рассмотреть Антония.

— Ты забыла о главном, Клеида. Где же твоё гостеприимст-

во? — спросил Мерула. — Дай им воды умыться. Надо сытно накормить их. Ты видишь, как они измучены!.. Поторопись, Клеида!..

Когда Стефан и Антоний, умытые, причесанные и одетые в одинаковые туники, сшитые Клеидой для Стефана, уселись на деревянной скамье у очага, Клеида, взглянув на них, даже вздрогнула. Это были близнецы. И на одно мгновение она подумала: «Могло быть и так, если бы тогда не случилось несчастья... Но ведь я знаю, что это случилось, и Мерула собственными руками похоронил бедного младенца, второго из родившихся близнецов. Стефан первый вышел на свет и закричал. Должно быть, он был крепче. А второй, что шел вслед за ним, должно быть, задохнулся. Он посинел, и Мерула унес его... Ах, в такой час не нужно вспоминать... Но как не вспомнить, когда видишь рядом двух красавцев. Как велико могущество богов!»

Когда Мерула принес кувшин того вина, которое было поставлено в погреб много лет назад для самого примечательного случая их жизни, когда он сорвал печать и каждому налил большую глиняную чашу и когда они выпили в честь удивительного события, Мерула наконец обратился к Антонию с вопросом, который мучил его с тех пор, как он увидел юношу:

— Скажи мне, друг Антоний, имя своего отца и назови мне поместье, где ты родился.

— Если бы ты жил в Помпеях, благородный Потин Мерула, ты бы знал, что философ Манилий Тегет очень знатен, богат и известен своими учеными трудами. Я его сын. Когда я родился, моя мать Паксея и отец Манилий купили в честь меня богатое поместье вблизи Геркуланских ворот в Помпеях. А свое старое поместье они продали. Где оно было, я не знаю, да и не к чему было мне спрашивать о нем. Я только могу сказать, что прекраснее моего отца и добрее моей матери нет людей на свете! И мне очень прискорбно...

Антоний разрыдался и, прикрыв лицо руками, отошел в угол. Клеида, утирая слезы, захлебываясь, не знала, что ей делать и что сказать. Стефан бросился к другу, чтобы утешить его, и не увидел, как побледнел Мерула и как задрожал у него подбородок. Мерула был единственный среди всех собравшихся, кто знал подлинную тайну рождения Антония. Только он знал, кто такой Антоний. Только он знал, что Антоний — родной брат Стефана, потому что тайно от Клеиды он, Мерула, подбросил второго из близнецов в поместье богатого философа, который жил недалеко от Потина Теренция, — то был Манилий Тегет.

Потин Мерула унес второго сына не потому, что он задохнулся, а потому что хотел, чтобы один из его близнецов был свободным

и счастливым. Мерула еще не знал, каким вырос его второй сын. Но одна фраза, сказанная Антонием — о благородстве и доброте его родителей, — уже многое сказала бедному вилику. Мерула понял, что Антоний вырос не только в богатстве и знатности, но он, видимо, рос в атмосфере любви и заботы. По всему видно, что юноша очень любит людей, которые его вырастили, и сейчас вилка мучила мысль о том, имеет ли он право раскрыть тайну. Может быть, лучше молчать? Но что даст молчание? А если он откроется Антонию, Клеиде и Стефану, то каждый из них обретет новое счастье. И как ни трудно будет Антонию, но он поймет, что у него есть семья. А разве этого мало — обрести родителей тогда, когда ты считаешь себя круглым сиротой?

Стефан что-то тихонько говорил Антонию. Антоний всхлипывал, Клеида по-прежнему роняла слезы. А Мерула, глядя на них, все думал и думал об этой тайне и не мог решиться раскрыть ее. Меруле очень хотелось спросить совета Клеиды. Но тогда он должен был ей все рассказать. Он сам все решил девятнадцать лет назад. Он сам решил оторвать новорожденного от материнской груди и бросить его в неизвестность в надежде на великое счастье. И сейчас он сам должен все решить. Разве боги не вознаградили его, прислав ему сейчас двух сыновей, тогда, когда он считал погибшим единственного?

Прислав ему двух сыновей, боги призывают его раскрыть тайну перед самыми дорогими и близкими людьми, снять с груди камень, который всю жизнь тяготил его. Ведь он, Мерула, нес этот груз в одиночестве, не смея никогда признаться своей подруге. Как это было трудно, знает только он. Сколько бессонных ночей думал он о маленьком сыне, который, может быть, счастлив, а может быть, уже и погиб. Когда он отнес его в корзинке и подбросил к воротам соседнего поместья, он был уверен, что сможет хотя бы из-за ограды видеть его и следить за тем, как сын растет и набирается сил. Бедному рабу Меруле не пришло тогда в голову, что владелец богатого поместья вдруг исчезнет, не оставив никаких следов. И даже господин его, Потин Теренций, не знал, куда уехала семья философа Тегета. Разумеется, что Потин Теренций не знал о том, что у раба Мерулы родилась двойня. Меруле удалось все скрыть и оградить Клеиду от тех несчастий, какие грозили ей, если бы тайна стала достоянием Потина Теренция. А еще хуже было бы, если бы Злобная Скантия узнала об этом. Но сейчас он должен на что-то решиться...

— Я прошу вас, дети мои, Стефан и Антоний, сядьте поближе ко мне... И ты, Клеида, наберись мужества и слушай меня внимательно.

Когда Стефан и Антоний подсади к Меруле и Клеида устроилась рядом с ним на скамье, Потин Мерула сказал:

— Я хочу рассказать вам удивительную историю. Эта история похожа на сказку. Если бы все мы, сидящие здесь рядом, не были участниками этой истории, то можно было бы подумать, что все это произошло на Олимпе, среди богов. Но это произошло с нами. И я прошу каждого из вас набраться терпения и внимательно выслушать меня. И еще я прошу поверить мне, потому что все, что я сообщу вам, святая истина. Я ничего не придумал. Я просто долго молчал. Но вы поймете, что до сегодняшнего дня у меня не было оснований признаться вам...

Все слушали Мерулу с напряженным вниманием, не понимая, о чем он говорит. Ни один — ни Клеида, ни Стефан, ни Антоний не поняли, что история, которую они услышат, имеет к ним прямое отношение.

И, глядя в испуганные глаза Клеиды, Мерула стал рассказывать о том, как появились на свет двое близнецов... И дальше — всю историю, которая произошла с ними и которая возникла в его памяти в тот момент, когда на пороге его дома появился Антоний. Мерула долго и подробно рассказывал, как печально ему было расставание с маленьким сыном, которого он даже никак не назвал, как он положил его в корзинку и поставил у ворот богатого дома. А потом прошло немного времени, и поместье философа Тегета опустело. Оно было продано и оказалось владением нового господина...

Клеида сопровождала рассказ рыданиями, Стефан прижался к Антонию и гладил его по плечу, глядя веселыми глазами на отца и на мать. Антоний, опустив голову, словно придавленный неведомой силой, думал о том, как все это невероятно и непохоже на правду. Когда Мерула умолк, Антоний, словно озаренный необыкновенной мыслью, подумал:

«Какой хороший человек вилик Мерула... И какой одаренный человек! Он так быстро и так интересно придумал эту историю, чтобы сделать меня близким семье, чтобы не дать мне остаться сиротой. Какой трогательный человек! Он сделал это в благодарность за спасение Стефана. Надо его понять! Я не покажу, что не верю этому... Бедный вилик Мерула не знал философа Тегета, и ему никогда не понять того, что его выдумка не оправданна. Он не знает, как любил меня отец и как была нежна ко мне мать. Они жили для меня. Они постоянно думали о моем благополучии. Всю жизнь я видел, как отец стремится сделать из меня ученого, философа, поэта, человека мыслящего и благородного. Разве так отдают душу чужому младенцу, подобранному у ворот? Вилик Мерула

этого не знает, и он сочиняет историю, достойную бедного раба. Но, может быть, он в самом деле имел второго сына, которого он хотел сделать свободным такой ценой? Может быть... Но вряд ли все это имеет отношение к философу Тегету... Нет, нет... Антоний, будь верен памяти своего великого и благородного отца! Люби его и поклоняйся ему, как прежде. А бедного вилика пожалей и поблагодари...»

Антоний поднялся и низко поклонился Клеиде, а потом Потину Меруле.

— Я не знаю, что сказать вам, мои новые родители. Мне трудно назвать вас родителями, непривычно. Поймите меня и не сердитесь. Я благодарен вам, что вы приняли меня теперь, когда я осиротел и посчитал, что никого не имею на всем белом свете. Я мечтал о малом: я хотел лишь найти своего друга, моего раба Элия Сира. Я любил его, и он меня любил. И когда я понял, что никого уже нет из близких, я помышлял лишь об этой встрече. Но тщетны были наши попытки. И я и Стефан усердно искали моих близких. Мы никого не нашли. И вот мы здесь. И я узнал все, что сказал благородный человек Потин Мерула. И если это так, как повествует нам удивительная история, то примите мой низкий поклон за те страдания, которые вы приняли, чтобы сделать меня счастливым...

Ни Клеида, ни Мерула не отважились подойти к Антонию, чтобы прижать его к груди как собственного сына. Перед ними был настоящий патриций, очень благородный, может быть, добрый и щедрый, но столь же далекий от них, как далек был неведомый им философ Тегет. Клеида была счастлива узнать, что жив второй сын, о котором она никогда не вспоминала с тех пор, как он родился. Стефану было радостно узнать, что прекрасный, знатный и богатый юноша Антоний — его родной брат и что сходство их совсем не случайно. А Потину Меруле не стало легче на сердце. Как ни странно, раскрыв тайну, он не снял тяжелого камня. И когда Антоний так достойно ответил ему, Потин Мерула понял, что, рассказав свою правдивую, но слишком удивительную историю, он лишил Антония того, что юноше было дороже всего на свете, потому что, даже умершие, его родители, знатные и благородные, подарившие ему любовь и заботу, были ему дороже тех, кто его, может быть, родил, но кого он не знал.

«Должно быть, я неправ,— подумал Потин Мерула.— Но боги знают, что я никому не хотел причинить зла. И меньше всего я хотел опечалить осиротевшего юношу Антония, который приходится мне сыном, но которого я совсем не знаю. Будущее покажет, где истина».

Вся семья Мерулы пребывала еще в тишине и задумчивости. Никто не промолвил и слова после того, как Антоний ответил Меруле. Но вдруг ворвался Евтих, а за ним целая толпа рабов. Они бросились к Стефану с криком и смехом, стали его тискать, что-то кричали, о чем-то спрашивали... Антоний, зная, что возникнут неприятные разговоры об их сходстве, боясь, что придется снова выслушать немыслимую историю о его рождении, ушел в соседнюю комнату. Клеида тихонько последовала за ним. И хоть ей очень хотелось сказать: «Не унывай, сынок», она сказала:

— Ты устал, Антоний. Отдохни. Я никого не пушу сюда. И еще хочу сказать тебе, Антоний: история, которую рассказал Мерула, останется между нами. Никто не узнает о ней. Этого нельзя делать. Этого не следует делать ни для тебя, ни для нас. Ты понял меня, Антоний?..

— Понял, благородная Клеида. Прости... В моей памяти живет мать Паксея... Я не могу назвать тебя матерью. Не сердись. Прими мою благодарность. Не тревожься, все будет хорошо. Пройдет немного времени, уляжется боль... И, как говорил мой отец, живые будут жить. Я хочу сказать — не отец, а философ Тегет. Но ведь он вырастил меня, значит, он был мне отцом.

Когда Клеида рассталась с Антонием, комнаты уже опустели. Стефана и Мерулу вытащили на обширный двор, и, как в старое доброе время, Стефан вышел на середину зеленой лужайки и превратился в мима. Клеида, взявши за руку Мерулу, любовалась Стефаном. Отец смотрел на Стефана, а думал об Антонии.

ЭЛИЙ СИР ХРАНИТ ДЕНЬГИ ГОСПОДИНА

Случилось так, что даже в минуты самой страшной опасности Элий Сир сумел сохранить резной ящичек с деньгами своего господина. Это случилось потому, что Элий Сир от всей души, совершенно искренне хотел помочь семье философа и, может быть, тем самым отблагодарить за их доброе, человеческое обращение с рабом.

Даже тогда, когда Элий Сир пытался спасти раненую девушку, и тогда он не бросил эту довольно тяжелую ношу, потому что понимал, что люди, спасшиеся от страшного, небывалого бедствия, люди, потерявшие свои дома, свои земли и сады, будут особенно нуждаться в деньгах. Надо сказать, что Элий Сир нисколько не сомневался в том, что семья философа не погибнет, что выйдут из этой кричащей во тьме толпы господин и пожилая, всегда болезненная госпожа, которую в пути опекали верные рабыни. Элий Сир в душе очень надеялся на встречу с Антонием, потому что знал, что Антоний смыслен и догадлив и, следовательно, вовремя покинул узкую кривую улочку, ведущую к школе гладиаторов, и ушел вместе с теми, кто искал спасения за пределами города.

Элий Сир очень внимательно следил за тем, как передвигаются рабы с носилками больного господина. Изредка, когда сверкали молнии и громадный факел на вершине Везувия освещал тьму, Элий Сир видел идущих впереди него рабынь, которые вели под

руки больную госпожу. Но настал момент, когда раб-взятель потерял всех людей своего поместья и, будучи оттиснутым лавиной кричащих, рыдающих, раненых и обезумевших людей, уже больше не находил никого — ни философа Тегета, ни его рабов. Его словно несло волнами бушующего моря, и когда настал момент, что можно было рассмотреть идущих поблизости, Элий Сир понял, что он остался один.

В тот день, когда серое, покрытое вихрями пыли небо осветилось едва пробившимися лучами солнца, Элий Сир стал искать своих. Он делал это тщательно, но никого не нашел. И тогда он решил, что философ Тегет вместе с женой и рабами отправился в Рим, потому что в Риме он был известен, в Риме у него были друзья, и там он мог рассчитывать на гостеприимство людей, с которыми в молодости был связан сердечной дружбой. Обо всем этом Элий Сир знал по рассказам Антония, и для него было ясно, что именно в Риме он найдет семью своего господина и, следовательно, передаст ему резной ящик, где хранилось все достояние семьи.

Дорога, ведущая в Рим, представляла из себя печальное зрелище. Толпы людей, покинувших Помпеи и Геркуланум, передвигались главным образом пешком. Мало кто имел повозки. Эта роскошь была недоступна даже самым богатым и самым именитым.

Люди, потерявшие своих близких в ту темную страшную ночь, устроили привал у дороги. Многие из них, не надеясь встретиться с родными, оплакивали их. Повсюду можно было увидеть раненых и беспомощных, которым надо было немедленно оказать услугу, добыть целебное питье, достать носилки. Сейчас все было трудно и недоступно. Элий Сир в поисках семьи Тегетов увидел много горя и страданий. Однако его удивило то, что исчезли не только господа, но и многочисленные рабы. Куда же они девались? Если бы он встретил рабов, то мог бы подумать, что господа погибли и были оставлены где-то в пути. А если никого нет на пути в Рим, значит, они уже ушли, и, следовательно, он всех встретит в великом городе.

Прошло много дней, прежде чем Элий Сир попал на римский форум, где, по его расчетам, он мог бы встретить философа Тегета, если тот благополучно добрался до города своей юности. Элий Сир был уверен, что господин будет дожидаться сына на форуме, иначе где же им искать друг друга?.. И хотя они не сговорились о встрече здесь, было совершенно естественно надеяться найти друг друга на форуме.

Первые дни Элий Сир тратил на пропитание деньги, которые

он собрал за время, пока работал для дома Тегета. Но он уже много раз обошел все улицы Рима. Он много дней провел на форуме и, не встретив никого из семьи Тегета, Элий Сир решил найти себе работу. И он нашел эту работу на Палатине, где стоял храм Аполлона, одно из прекраснейших зданий Рима. Ему была поручена отделка незаконченных статуй. Там он и жил в небольшой лачуге, а деньги своего господина спрятал в углублении под мраморной плитой. Элий Сир решил для себя, что не прикаснется к деньгам господина, даже если никого не найдет в ближайшее время. Он стал жить на те гроши, которые получал за работу, помогая старому опытному ваятелю. Элий Сир мог сейчас бежать. Мало того, он был богатым. Он мог распорядиться собой. Он мог даже попытаться вернуться на свою родину, в Сирию. Но сейчас, когда эта возможность была реальной, ему больше всего хотелось найти своего молодого господина, Антония, хотелось увериться в том, что Антоний жив, а потом уже, если бы Антоний отпустил его, он бы, Элий Сир, отправился в родные места.

А пока он ждал. Недолгие часы отдыха он неизменно бывал на форуме, и, прохаживаясь среди людей, которые о чем-то спорили, рассказывали друг другу забавные истории или просто торговали, он неизменно искал глазами Антония. О философе Тегете Элий Сир уже не думал. Слишком много видел он несчастий на пути из Помпей в Рим. Само собой родилось убеждение, что нет уже в живых ни философа, ни его жены. Единственная у него забота — найти Антония и вручить ему те деньги, которые хранятся под мраморной плитой у стен храма Аполлона.

И вот в один из дней, когда Элий Сир по дороге на форум остановился в маленькой бедной харчевне, он вдруг увидел раба Стация, который не раз бывал у него подручным, когда Элий Сир работал над скульптурой Диониса для обширного и красивого перистия.

— Стаций, ты ли это! — воскликнул Элий Сир, хватая за плечи пожилого, с седеющей головой человека, согнувшегося над миской похлебки.

Стаций вздрогнул, и голова его далеко и глубоко спряталась в плечи. Он не повернулся, а настороженно ждал. Он не узнал голос Элия Сира и в страхе и тревоге ждал чего-то дурного, хотя казалось, что ничего, грозящего его благополучию, не могло случиться, потому что Стаций был в числе тех рабов, которые похоронили философа Тегета и его верную подругу.

— Ты не узнаешь меня, Стаций? — сказал Элий Сир и, обойдя стол, пристально посмотрел в глаза раба. — Скажи, Стаций, что ты знаешь о господине, о его жене, о его сыне?

— Ух... миновала беда!.. — воскликнул Стаций и громко рассмеялся. — И напугал же ты меня, Элий Сир, никак не ожидал встретиться с тобой в этой харчевне. Откуда ты?..

— Я из той же толпы обездоленных и освобожденных богом от цепей, которая заполонила дороги, ведущие в Неаполь и Рим. Я помогаю ваятелю на строительстве храма Аполлона. Я долго искал господина и кого-либо из вас. И хоть прошло много месяцев со дня этого несчастья, ты первый, кого я встретил, Стаций.

— Значит, ты не нашел Антония? — спросил Стаций, оглядываясь по сторонам, словно Антоний мог оказаться здесь рядом и услышать его. А для Стация встретить Антония было равноценно тому, чтобы вернуть цепи рабства, от которых он избавился только благодаря чудовишной трагедии, происшедшей в Помпеях. — Одно скажу тебе, Элий Сир: мы свободны, потому что нет больше в живых философа Тегета. Вместе с ним похоронена жена его. Может быть, жив сын Антоний... Но мы ведь не станем его искать, не правда ли? Кто из нас так глуп, чтобы прийти к молодому господину и сказать: «Я твой раб, делай со мной что хочешь». Гнев богов, приведший к гибели двух богатых и красивых городов, этот гнев только в одном случае был благом... Несчастная горстка рабов, бежавших темной ночью под градом камней и горячего пепла... Эти несчастные рабы стали свободными. И в этом я вижу единственное благо.

— Однако скажи мне, как случилось, что погиб наш господин... И что ты знаешь о последних минутах его жизни?

— Я был среди тех, кто тащил на себе носилки с господином. Ты знаешь, что вначале он шел пешком, рядом со своей госпожой, а все мы, его рабы, шли спереди и сзади и тащили на себе всякий скарб. И вот когда господин стал терять сознание, мы быстро соорудили носилки из ковра и одеял и понесли его. А несчастная госпожа шла рядом и шептала слова утешения, которые никто не слышал. Я помню, как наш садовник из поместья напоил господина целебной настойкой, и мы шли и шли под градом камней, прикрывая нашего старого философа подушками и одеялами. И вот кто-то хотел спросить господина, все ли хорошо, подошел совсем близко, коснулся его руки и закричал: «Он мертв! Он мертв!» И тогда старая рабыня, прислужница господина, крикнула рабу: «Не говори госпоже, она умрет от горя! Все время ее вели под руки, а сейчас ее уже несут. Она и так едва дышит».

— Она узнала о смерти мужа? — спросил Элий Сир. — Или умерла, не зная о своем великом несчастье?

— Пока мы шли в этой чудовишной темноте, в этом скопище несчастных и обездоленных, мы не знали, жива ли наша госпожа.

Ее с рабынями отнесло в сторону, и они оказались далеко от нас. Мы не знали об этом даже тогда, когда остановились уже недалеко от Неаполя, там, где не падали камни и лишь горячим ветром приносило пепел. Мы стояли там до рассвета, когда стало едва видно и можно было различить фигуры людей. И тогда я пошел искать господу. И я нашел рабынь, оплакивающих ее. Она лежала на голой земле, прикрытая одеялом. Она умерла в то мгновение, когда толпа разъединила ее с господином и когда она узнала, что впереди нет носилок и неизвестно, где ее муж. Когда рабыни сказали ей, что носилки с мужем отнесены далеко вперед и что сейчас невозможно узнать, что с ним, она схватилась за сердце и тут же свалилась на руки рабынь... И вот, когда рассвело, мы стали рассуждать, что делать, где похоронить, и решили закопать их под старой пинией, недалеко от Неаполя. Мы похоронили их и ножом выцарапали на коре дерева начальные буквы их имен, чтобы близкие им люди смогли узнать эту могилу. Но я не знаю, Элий Сир, есть ли у них близкие люди. Если погиб Антоний, то знаки на этом дереве никому не нужны...

— Печальная история, Стаций! Мы с тобой свободны, это верно. Но тысячи погибших вокруг нас... Страшная история, Стаций! Сейчас даже трудно поверить, что все это произошло на наших глазах и что мы живы. Не верится, что нет уже больше Помпей и никто не увидит прекрасного Геркуланума. Мне кажется, что если я отправлюсь в Помпеи и подойду к Геркуланским воротам, я найду наше поместье. Прощай, Стаций... Я пойду в свою лачугу. Завтра на рассвете мне надо быть на своем месте. Нелегко мне дается мой хлеб. Я лелею мечту вернуться на землю моих предков, в Сирию. А ты, должно быть, пожелаешь найти своих близких... Прощай!

*

В эту ночь Элий Сир долго не мог уснуть. А когда засыпал, страшные видения преследовали его. Он кричал во сне, звал кого-то на помощь, бежал куда-то, обливаясь холодным потом, просыпался, вспоминал рассказ Стадия и снова погружался в страшные сновидения. Он сам не знал, почему ему так тяжело было узнать о смерти господина. Ему бы радоваться, как Стадию, но он не ощущает счастливого чувства свободы. Наоборот, у него ощущение какого-то гнета, словно одни цепи заменили другими — более тяжелыми. Он долго думал над этим. И наконец сам себе ответил: «Ведь ты не прав, старый раб Элий Сир. Цепи рабства с тебя снял Антоний, несмотря на то что ты числился его рабом. Он дал тебе сво-

боду творчества. Этот юноша открыл тебя и вдохнул желание создать прекрасные скульптуры. Он сделал тебя равным и обращался с тобой, как с истинным другом. Что же еще нужно человеку? И разве не достойна оплакивания потеря вот этой свободы? И к чему нужна та свобода, о которой говорил Стаций? Разве свобода передвижения — это все, что нужно человеку?.. Если рассуждать, как Стаций, то надо посмеяться над горем людей, которые потеряли не только достояние, но и самую жизнь. Мало того, надо порадоваться этому несчастью. Надо схватить этот ящик с деньгами, бежать отсюда и устроить себе жизнь богатого и свободного человека. Но ты не сделаешь этого, Элий Сир! Ты не завладеешь богатством, которое принадлежит твоему юному господину, твоему другу Антонию. Ведь Антоний тебе дороже родных, если они живы. Он дороже тебе всех, кого ты знаешь. И ты не успокоишься, Элий Сир, пока не найдешь молодого господина. И боги покажут тебя, если ты отступишься от своего доброго намерения».

В эту ночь Элий Сир с большим трудом приподнял плиту и посмотрел, стоит ли там в углублении ящик, завернутый в обрывок его старого плаща. Все было на месте, и Элий Сир на рассвете, как всегда, отправился на работу. Теперь он решил каждый раз ходить в какую-нибудь бедную харчевню: не удастся ли встретить еще кого-нибудь из рабов. А может быть, кто-нибудь видел Антония...

*

На этот раз харчевня была у Коровьего рынка. Элий Сир недавно получил деньги за неделю тяжелого труда и теперь решил поесть и попить досыта, не думая о завтрашнем дне. Ему подали кувшин виноградного вина, кусок жареного барашка и несколько горячих хрустящих хлебцев. Он давно не ел так сытно и вкусно. И когда наливал себе уже пятую чашу и совсем разомлел, в харчевню вошел Антоний. Вернее, вошел юноша с лицом Антония, но в одежде бедняка. Однако не могло быть сомнений в том, что это был Антоний, хоть и был он другим. Это был печальный, очень озабоченный Антоний. Если прежде глаза его излучали радость и веселье, то сейчас в них была печаль. Но что мог он, Элий Сир, рассмотреть, сидя за столом, заставленным грубой глиняной посудой, залитым вином и похлебкой, да еще в то короткое мгновение, когда юноша показался на пороге и быстро прошел в уголок к маленькому столу, где было пусто. Элий Сир не сразу решился подойти к нему. Он словно не верил чуду. К тому же он хотел лучше рассмотреть его, чтобы точно узнать, Антоний ли это. Он услышал голос Антония:

— Поддай мне похлебку и два хлеба!

Вот как он беден... Но это он, это его голос! Элий Сир поднялся и пошел к Антонию, который сидел опустив голову, в тяжком раздумье.

— Мой господин! Антоний, мой юный друг! Как долго я тебя искал! Ты жив... Вот великое счастье!

— О боги! Это Элий Сир! Я потерял надежду увидеть тебя, Элий Сир!..

Антоний бросился к Элию Сиру, обнял его, и горькие слезы полились ручьем. Элий Сир плакал, обняв юношу, плакал от радости и от горя.

— Какое счастье, Элий Сир! Как я хотел встретить тебя... Я всех потерял, Элий Сир. Я обыскал все дороги. Я обыскал Рим и Неаполь. Я нигде не нашел моих родителей... И даже рабы исчезли. Возможно, что все погибли в усадьбе. Что ты знаешь о них, Элий Сир?

И Элий Сир рассказал Антонию все, что он знал, все, что он видел. Он начал с того мгновения, когда небо потемнело и когда философ Тегет собрал вокруг себя рабов и сказал, что они покинут поместье лишь тогда, когда дождутся Антония. И дальше обо всем: как они шли, как они страдали и как они потерялись.

— Возможно, что они живы!—воскликнул Антоний.—Если они потерялись, это ведь не значит, что их уже нет.

— Увы, мой прекрасный друг... Всего лишь на днях я встретил нашего раба Стация. Я узнал печальную историю... Я не стану говорить тебе подробностей, могу лишь сказать, что мне известно место захоронения. Мы пойдем с тобой к этой священной могиле, и я клянусь тебе, Антоний, я своими руками сделаю надгробие, достойное великих дел моего господина философа Тегета.

Антоний стоял, прикрыв лицо руками. Слезы душили его. А Элий Сир, заикаясь, останавливаясь и не находя слов, рассказывал о том, какое он сделает надгробие из белого мрамора, как изобразит философа Тегета с лицом мудреца, со свитком в руках, а рядом с ним благородную госпожу и в руках ее розы.

— Помнишь, как они благоухали в перистиле? Ведь она так любила розы...

— Мой друг, Элий Сир... Мы ничего не сумеем сделать. Мы очень бедны. Элий Сир, твой господин Антоний Тегет не имеет денег даже на похлебку. То, что я заказал сейчас, я имел не более двух раз в неделю. Я всегда голоден, Элий Сир. Пока жизнь моя хуже жизни наших рабов. Они были сыты, они имели кров, а твой Антоний ничего не имеет. Где же мы возьмем мрамор для надгробия самым дорогим и самым прекрасным людям на земле?

— Мы все сделаем, Антоний. Пойдем ко мне, и я вручу тебе твое достояние. Ящик, в котором хранились деньги господина Тегета, был поручен мне, и я ташил его под градом камней и горячего пепла. Я ташил этот груз, идя рядом с господином. А когда я всех потерял и оказался один, я понял, что должен найти тебя во что бы то ни стало, потому что твое достояние в моих руках. С тех пор как произошло несчастье, я не переставал тебя искать, Антоний. Я верю — боги подсказали мне, чтобы я ходил в харчевни, самые дальние и самые убогие. Но я рассчитывал здесь найти рабов, которые, может быть, знают о тебе, а нашел тебя. Поблагодарим богов, Антоний! Мы принесем жертвы богам-покровителям в благодарность за нашу чудесную встречу.

— Элий Сир... Я всегда считал тебя другом. Ты знаешь, я любил тебя и ценил. Ты сохранил мое достояние, тогда как мог взять его и вернуться в свою Сирию, стать богатым, независимым и уважаемым человеком. Никто бы не спросил, откуда взялись деньги. Никто бы не осудил тебя, потому что богатство говорит само за себя. А ты искал меня, тяжело трудился и ел свой хлеб в этих убогих харчевнях. Для чего? Кто поверит в такое! Откуда ты взялся, Элий Сир, мой друг?.. И как мне отплатить тебе за твое благородство? Я смогу отплатить только любовью и преданностью. Отныне мы равны. Нет господина и раба. И если ты пожелаешь, Элий Сир, я никогда не расстанусь с тобой. А если пожелаешь, я отдам тебе половину того, что имею, и благословлю тебя в путь на твою родину. Только знай, Элий Сир, мне будет тяжело расстаться с тобой. Я осиротел, и дороже тебя у меня нет никого на свете... Хотя должен сказать тебе престранную вещь. Есть люди, которые считают меня своим сыном. Впрочем, я говорил тебе о Стефане... Помнишь — юноша, мое подобие?.. Ведь я выкупил его. Я увел его из школы гладиаторов в тот миг, когда небо потемнело и страшное пламя охватило Везувий. Мы долго искали родителей, мы скитались... И кончилось тем, что Стефан увел меня в дом своего отца, вилика Мерулы. И этот добрый человек, узнав о том, что я сирота, что все мои близкие погибли под пеплом Везувия, придумал печальную историю моего происхождения. Он не лишен дара сочинять, этот вилик Мерула, ему бы быть сочинителем. Знаешь, Элий Сир, я простил ему дерзость такой выдумки. Он, вчерашний раб, не должен был мне рассказывать эту историю, даже если он хотел этим приблизить меня к себе. Но я простил ему, Элий Сир...

На грязном деревянном столе, заваленном остатками пищи, в глиняном светильнике догорал один-единственный фитилек. При этом робком и неверном огоньке они просидели до полуночи. Антоний во всех подробностях рассказал историю своего происхожде-

ния, которую сообщил ему вилик Мерула, а Элий Сир уже в который раз во всех подробностях рассказывал, как задрожали стены поместья Тегета и как покинули дом господ и рабы. А потом Антоний рассказал о том, как тяжело ему было в доме Стефана, в этой деревянной клетке, где все говорило о бедности и тяжелой жизни и где его преследовали печальные глаза Клеиды. Антоний вспоминал, как добр и нежен к нему был Стефан и как он плакал, когда Антоний сообщил о своем желании отправиться в Рим на поиски друзей, которые помогли бы ему получить работу соответственно его положению и образованию.

— Вилик Мерула дал мне тысячу сестерций. Больше я не захотел взять. Он предлагал две тысячи — все, что у него было. Это как раз те деньги, которые были получены от мошенника ланисты, Они проводили меня с тем, что я скоро вернусь.

НАДЕЖДЫ ВИЛИКА

С тех пор как Антоний расстался с семьей Мерулы, вилик не переставал думать о судьбе своего вновь обретенного сына. Он то и дело вспоминал слова Антония, сказанные в первый день их встречи. Он вспоминал их прощание. Вместе с Клейдой они то и дело предавались мечтаниям о будущем. Они много раз обращались к домашним ларам, приносили им скромные жертвы и просили одного — вернуть им Антония веселым, здоровым и счастливым. Бедная Клейда была уверена, что Антоний, привыкнув к мысли о том, что она его подлинная мать и Мерула — его подлинный отец, оценит то счастье, какое послано ему богами. Да и как мог он не оценить этого? Вряд ли еще где на свете свершилось такое чудо. Потеряв любимых родителей — родителей, которые его вырастили, любили и дали образование, он вскоре обретает родителей, которые дали ему жизнь. Нет, не оценить этого невозможно! Антоний так умен и образован! Разве может он этого не понять?

— Как ты думаешь, Мерула, Антоний позовет нас к себе, когда займет должное место в Риме и станет человеком богатым и независимым?

— Я должен признаться тебе, Клейда, что сожалею о случившемся. Не о том, что мы встретили Антония. Это дар богов, и мы никогда не забудем того счастливого дня, когда наш сын, утерянный и забытый, предстал перед нами. Я жалею о другом. Меня мучит мысль — зачем я выдал ему тайну рождения?.. Пусть бы он думал, что мы — его друзья. И пусть бы он верил в свое высокое происхождение и хранил бы в сердце память о философе Тегете.

Боюсь, что я разрушил то драгоценное, что подарил моему сыну в день, когда я отнес его в корзинке к порогу богатого дома. Ведь я надеялся на счастье, я хотел подарить сыну другой мир. И я этого достиг, Клеида. Не плачь... Не печалься! С тобой нельзя говорить об Антонии, ты тотчас начинаешь проливать слезы, словно его только что отобрали у тебя. Посмотри, как добры были боги. Ведь они столкнули наших сыновей на улицах Помпеи. Посуди сама: где был бы сейчас Стефан, если бы его не спас Антоний? Я не могу об этом вспоминать: мне кажется в этот миг, что я теряю разум...

— И не надо вспоминать. Это слишком тяжело и страшно. Мы будем надеяться на счастливое возвращение Антония. А если он не пожелает видеть нас, мы не будем его осуждать, Мерула. Мы будем радоваться его счастью. Ведь это наш сын, Мерула, и судьба его нам не безразлична... И если даже Антоний никогда не перешагнет порога нашего дома, я буду благодарна судьбе за то, что хоть раз увидела этого красивого, умного юношу. Мне кажется, Мерула, что мы даже не в состоянии понять, как он умен и образован. Я никогда не рассержусь на сына Антония. Я только буду молить богов, чтобы они не оставили его и помогли выйти на дорогу жизни. Ведь он сейчас так одинок и беден! Я видела такую печаль в его глазах, когда он принял от тебя тысячу сестерций. Глаза его сказали мне: «Вы так бедны, вы так обездолены, у вас нет ничего, даже крыши, а я беру у вас последнее...»

— Больше ни слова, Клеида, иначе сердце мое разорвется. Мы будем ждать молча, с великим терпением. Только прошу тебя, Клеида, никогда больше не будем говорить об этом так, как мы говорили сейчас.

Стефан, который был убежден в счастливом исходе путешествия Антония в Рим, вовсе не предавался печальным размышлениям. Надо сказать, что открытие, сделанное Мерулой, до такой степени обрадовало Стефана, что он не переставал строить самые необыкновенные планы на будущее. Прежде всего он ни за что не хотел допустить, что Антоний остался бедным и брошенным всеми друзьями философа Тегета. Дни, проведенные с Антонием, позволили ему немножко понять жизнь человека из богатого поместья, — человека образованного, независимого, человека, какого Стефан лично никогда не видел, но о котором мог судить по немногим книгам, прочитанным им. А если Антоний будет иметь деньги и покровительство именитых, разве он не получит возможность использовать свои знания? Ведь он учился философии и красноречию у знаменитых ученых. Он сам сочиняет стихи и пишет трактаты по истории. Как чудесно это, что вдруг нашелся родной брат, такой благородный и такой знатный. Сейчас слово «знатность» приобрело для Стефана

какой-то особенный смысл. Теперь это слово не связывалось с мыслью о стяжательстве, высокомерии и злодействе. Теперь это слово приобрело смысл чего-то возвышенного, сулящего добро. Стефану ни на минутку не приходило в голову, что Антоний мог его забыть и отказаться хотя бы потому, что унижительно иметь братом вольноотпущенника, недавнего раба. Если Антоний приложил столько усилий, чтобы спасти его из цепей рабства, если он был к нему так добр и внимателен, когда жив был мудрый философ Тегет, то как может он сейчас отказаться от родного брата? И Стефану стало новилось радостно от мысли, что Антоний — его родной брат.

— Знаешь, Стефан, — сказал отец, — к счастью, дни твоего рабства не были столь тяжелыми, как у многих тысяч рабов, живущих в поместьях римских богачей. Как ты знаешь, помощник вилика, да еще такой усердный, как я, имеет преимущества перед рабами, которые копают землю, прокладывают дороги или трудятся в шахтах. С тех пор как благородный Евтих научил тебя читать и писать, ты много времени проводил за легким занятием — вел записи. Разве это работа для раба? Ты не знаешь своего счастья, Стефан. Тебя ни разу не избили до полусмерти и ни разу не заковали в колодки. Даже Злобная Скантия была к тебе снисходительна. Если бы я знал, что буду помощником вилика, и если бы я думал, что мои сыновья всегда будут иметь хлеб и крышу, я бы никому не отдал второго сына никогда... Судьба раба — страшная судьба. Как же мне было не подумать о судьбе моих детей! Я не мог изменить судьбу обоих близнецов... Но больше я не могу говорить об этом. Я только скажу тебе, Стефан, что теперь, когда ты свободен, твоя судьба в твоих руках. Только неустанным трудом ты создашь свое благополучие. Прошу тебя, не помышляй о легкой жизни, не надейся на помощь от Антония. Ни от кого не жди помощи, сам думай о себе. Да и родителей своих не забывай. Я убежден, что мы выжили и не потеряли человеческое достоинство только потому, что велика была моя любовь к земле. Просто я родился таким чудачком. Когда в руках моих была мотыга, я трудился так, будто этот виноградник принадлежит мне. Я лелеял каждый куст. Я подвязывал лозы, я убирал сорняки и радовался каждому зеленому побегу. Наш господин, к счастью, справедлив, и он обратил внимание на мое усердие. Иначе, Стефан, ты знаешь, что было бы с нами. Я не стану называть тебе рабов, которые погибли на наших глазах... Я возлагаю на тебя большие надежды, Стефан. Подумай, чем ты займешься с любовью и усердием. Я бы хотел, чтобы твоя грамотность пошла тебе впрок. Я все сказал, Стефан...

Прошло много дней с тех пор, как Антоний покинул поместье Потина Теренция. Жизнь поместья была такой же, как до всех этих удивительных событий, которые перевернули все мысли и желания вилика Мерулы.

В ожидании добрых вестей от Антония вилик Мерула не решался что-либо изменить в своей жизни. Он совсем перестал думать о пекарне. Он пока отбросил мысль об уходе из поместья. Он хотел одного: чтобы дни летели все быстрее и быстрее и чтобы снова настал день встречи с Антонием.

Клеида по-прежнему пекла хлеба, помогала вести дом господина и угождала Злойной Скантии. Дома она старалась поменьше говорить об Антонии, потому что каждый разговор приводил ее в величайшее волнение. А ей нужно было много сил, чтобы не выдать своей тайны, никому ничего не рассказывать об Антонии, о своих надеждах на будущее. Никто в поместье не узнал тайны вилика. Даже Евтиху ничего не сказали. Мерула был рад тому, что ему удалось скрыть пребывание Антония в поместье. Его никто не видел и никто не мог судить о том, насколько он похож на Стефана и почему есть такой двойник у Стефана. Антоний покинул жилище вилика под покровом ночи. Вилик Мерула гордился тем, что ему удалось скрыть от господина свою тайну и тем самым избежать вопросов. Стоило только представить себе, что сказала бы Скантия, если бы до нее дошло то подлинное событие в жизни Мерулы, которое позволило недавнему рабу обрести сына-патриция. Небывалое, немыслимое событие! Обладая такой удивительной тайной, вилик Мерула даже гордился тем, что он такой избранник. Пожалуй, он и в самом деле был избранником. Где еще свершилось подобное?.. Может быть, когда-нибудь, когда Антоний признает его, вилика Мерулу, своим отцом, может быть, ему захочется когда-нибудь порыться в своей памяти и вспомнить какую-нибудь из прочитанных историй, подобную его собственной истории. Ах, как хотелось бы дожить до этого счастливого часа! Конечно, хочется верить, что и он, вилик Мерула, и Клеида, и Стефан доживут... Если не надеяться, то в чем же смысл жизни?

— Отец, я много думал над своим будущим. Я боюсь тебя огорчить, отец, но, если говорить по справедливости, у меня пропала охота заниматься делом пекаря. Она пропала с тех пор, как я узнал Антония. Не потому, чтобы он возбудил во мне отвращение к труду пекаря, нет, этого не было. Я скажу тебе, отец, что было. Если хочешь знать, то Антоний несколькими короткими фразами дал понять мне, что труд мима или театрального актера заслужи-

ваает уважения и вовсе не так позорен, как считают многие богатые и знатные люди. И вот, думая сейчас об этом, я говорю себе: «Почему бы тебе, Стефан, не пойти по тому пути, который манит тебя с детских лет? И жизнь твоя пошла бы дорогой радости». Вот мои мечты!

Мерула не сразу ответил сыну. Ему было над чем призадуматься. В его представлении мим и актер — ничтожные люди, вечные бедняки. Но, может быть, он заблуждается? Что он знает об этом. Если подумать как следует, то вряд ли можно назвать позорным занятие, которое приносит людям радость. Никто не знает, откуда повелось такое ложное представление. А то, что оно ложное, в этом можно не сомневаться. Однако насколько же было бы спокойнее, если бы он знал, что Стефан стоит во главе хорошей, большой пекарни, имеет своих рабов, имеет хорошую мельницу с парой осликов, с амбаром для зерна. Когда начнешь мечтать об этом, на сердце становится тепло и спокойно, и кажется, что слаще хлеба не придумаешь. Пекарей любят и уважают эдилы. Они им покровительствуют и помогают. Хороший, честный пекарь — он уважаем каждым человеком. А что такое бродячий актер? Разве он знает, будет ли у него завтра крыша и пропитание?

— Мне печально это слышать от тебя, Стефан. Особенно печально после того несчастного случая, когда ты чуть не лишился жизни, чтобы добыть деньги для пекарни. Я не стану тебя неволить, но я буду очень огорчен, если ты откажешься от наших замыслов. Должен сказать тебе, Стефан, мне давно уже не хочется быть виликом. Мне надоело угождать моему господину, а твоей матери до смерти надоело угождать госпоже. Если бы все мы устремили свои мечты и надежды по одному пути, нам было бы легче их осуществить. Впрочем, все наши мысли вертятся вокруг наших близнецов. Иной раз мне кажется, что мне уже ничего не нужно. Ведь я устал. Я думаю, что жизнь раба настолько трудна и безрадостна, что человек, проживший в рабстве двадцать лет, может считать, что он прожил сорок лет. А если так, то я уже глубокий старик. Помни об этом, Стефан. Я не хочу тебя неволить. Ты знаешь — я жду добрых вестей от Антония. Ты не подумай, что я жду от него денег. Мне просто хочется знать, нужен ли я ему и нужен ли ему ты и признает ли он матерью Клеиду. А больше мне ничего не нужно. К счастью, я никогда не страдал чувством стяжательства. Я отличаюсь от многих тем, что не умею копить и ничего не накопил. Это неумение и спасает меня от дурных мыслей. Вот уж я точно знаю, что ни тебе, ни Антонию никогда не грозит услышать слова проклятия за то, что вы не помогли старому Меруле. Этого никогда не будет. Но так же никогда не иссякнут мои на-

дежды на лучшее будущее, потому что только добрыми надеждами жив человек.

— В семье твоей такое радостное событие,— сказал как-то Потин Теренций, обращаясь к вилику,— а у тебя вид несчастный. Почему так, Мерула? Ты быстро привык к мысли, что сын твой жив и здоров, словно никогда не было того страшного дня, когда исчезли Помпеи. Тебе бы веселиться и радоваться, а ты ходишь мрачный, молчаливый... Я бы на твоём месте каждый день приносил жертвы ларам. Ведь как они добры к тебе, вилик Мерула. Ты забыл, как хотел продать мне свою Клеиду... Неблагодарный ты человек!

«Ничего ты не знаешь, мой господин, всесильный и богатый. О, если бы ты знал, что утаил от тебя твой раб Мерула! Если бы ты увидел моего сына Антония, ставшего равным тебе! Нет, он превзошел тебя. Он возвышается над тобой. Но признает ли он меня, я не знаю» — так размышлял Мерула.

В ПОИСКАХ ДРУЗЕЙ

Встреча с Элием Сиром переменяла все планы Антония и вселяла добрые надежды. Он вдруг оказался обладателем довольно большого достояния и тем самым сразу же стал человеком независимым. Ведь совсем недавно, несколько дней тому назад, Антоний был в страхе перед грозящей ему нищетой. Оказавшись в чужом городе с тысячей сестерций, в убогой одежде, полученной от Стефана, Антоний очень быстро потратил свои деньги. Ведь он никогда не жил самостоятельно, не умел считать деньги. Ему никогда не приходилось задумываться над тем, сколько стоит тога, сколько уплачено за сандалии, он даже не знал о том, как дорого стоит светло-серый плащ из тонкого сукна, какой был на нем в день ухода из дому. Разумеется, что, прежде чем начать поиски друзей и знакомых, Антоний счел нужным позаботиться об одежде. И когда он купил самое необходимое, он увидел, что уже нет половины денег. Потом начались поиски знакомых людей и бесконечное хождение по городу. Вначале он заходил в харчевни, по возможности более устроенные, где можно было довольно вкусно поесть и выпить доброго вина. Но через несколько дней Антоний понял, что деньги исчезают слишком быстро. Он стал ходить в самые бедные, заброшенные харчевни, куда не ходили люди обеспеченные.

Прошло, вероятно, больше месяца в напрасных поисках друзей, когда Антоний вдруг встретил одного из учеников своего отца, того самого Клавдия Луция, который совершил путешествие к скифам. Невозможно представить себе радости Антония, когда вдруг перед ним оказался Клавдий Луций, его старый друг! В это мгновение

Антонию показалось, что ничего не изменилось в его жизни, и все то страшное, что произошло, было во сне.

— Я рад тебя видеть, Антоний! — воскликнул Клавдий Луций. — Какая радость — встретить в Риме помпейца! И трижды велика моя радость встретить тебя, Антоний, сына моего благородного учителя. Скажи мне, где сейчас философ Тебет?

Клавдию Луцию не пришлось вторично спрашивать. Вид Антония все сказал ему. Радость встречи была омрачена печальным рассказом о гибели отца. Антоний рассказал очень коротко, без подробностей, стараясь скрыть свое волнение и сдерживая слезы.

— И теперь ты один? — спросил Клавдий Луций. — Ты унес с собою деньги, драгоценности?

— Ничего. Даже одежды и сандалий не имею. Я ищу друзей, которые помогли бы мне получить работу. Настала пора использовать те знания, которые успел мне подарить философ Тебет, мой благородный отец. Я уверен, что смог бы выступить с достойной речью в защиту несправедливо осужденного. Но кто-то должен поверить в меня...

Антоний ни о чем не просил Клавдия Луция, но он со всей доверчивостью рассказал о себе, о своем ужасном положении. И пока Клавдий Луций молча и как будто со вниманием слушал его, Антоний лелеял надежду получить помощь. Ведь отец любил Клавдия и всегда возлагал большие надежды на его будущее. Антоний подумал, что нет нужды обращаться с просьбой и прямо сказать: «Помоги мне, Клавдий Луций, не оставь меня в бедственном положении». Он подумал, что если бы все было наоборот и он, Антоний, имеющий прежнее достояние, встретил бы друга в беде, он бы тут же, немедленно предложил свою помощь. Однако Клавдий Луций, выслушав внимательно рассказ Антония, ничего не сказал, ничего не предложил. Казалось, он выбирал способ, как лучше помочь другу. Молчание было долгим и мучительным для Антония. Наконец Клавдий Луций сказал:

— Я думаю, что отец мой не откажется помочь тебе, Антоний. Я знаю, что ему нужен молодой, образованный клиент. Если он еще ни с кем не сговорился, то ты будешь иметь каждый день обед. Тебе будут даны деньги для одежды, разумеется, не такой богатой, какую ты привык иметь, но достойной клиента дома Клавдия Луция. Я поговорю с отцом, Антоний, а ты приходи завтра утром. Наш дом у Аппиевых ворот. Я забыл тебе сказать, мы купили его незадолго до извержения. Волею судеб вся наша семья была в Рим, чтобы должным образом обставить и украсить этот новый дом. Печально, что пропало наше поместье в Помпеях и погибло три десятка рабов. Но это пустое! Корабли, построенные от-

цом, в плавании. Можно сказать, что мы не очень пострадали от великого бедствия, постигшего Помпеи.

— Я рад за вас, Клавдий Луций. Боги покровительствуют вам. Они же помогут вам приобрести достойного молодого клиента. Но сын философа Тегета не может принять такое предложение. Философ Тегет не научил его лизать пятки патрону, славословить ему и угождать каждый день с утра до вечера. Я бы постеснялся предложить тебе такую должность. Боюсь, что учение у мудрого философа Тегета не принесло тебе пользы. Я думаю, что это случилось потому, что у тебя никогда не было человеческого сердца. Вместо него боги дали тебе некое устройство, которое перегоняет кровь и тем самым дает тебе возможность передвигаться и поглощать великое множество пищи. Я и раньше это замечал, но теперь я вижу, что тебе ничего не перепало с пышного и роскошного стола философа Тегета. Я не намерен перешагнуть порог вашего богатого дома у Аппиевых ворот!

— Твоя обида вылилась потоком желчи, Антоний. Но теперь, когда ты все сказал, я все-таки советую тебе поразмыслить над своей судьбой. Ведь я еще не предложил тебе должности клиента. Я хотел только о тебе похлопотать. Я не навязываю тебе свои хлопоты. Если тебе не угодно, то мне и вовсе этого не нужно. Однако по старой дружбе я считаю своим долгом помочь тебе, хоть ты и заносчив и безрассуден, Антоний. Мне сейчас пришло в голову, что можно было бы воспользоваться судном, идущим к Понту Евксинскому, и дать тебе возможность добраться до Пантикапея, куда ты стремился, как я помню. Там нужны образованные люди. Ты можешь там найти себе применение.

— Хорош совет — отправиться в дальние края, на чужбину, не имея и одного аса. Мне не нужны твои советы. Я и твой наставник, философ Тегет, заблуждались, считая тебя благородным человеком. Ты ничтожен!..

Клавдий Луций не успел ответить, как увидел спину быстро уходящего от него Антония.

— Вот неблагодарный! — воскликнул Клавдий Луций. — Неблагодарный и заносчивый. Ну и пусть! Я ничего не скажу отцу. Я вычеркну из памяти эту встречу... Однако как все это неприятно. Ведь могли же мы и не встретиться в этом многолюдном Риме. И я бы не услышал этих оскорбительных речей...

Расставшись с Клавдием Луцием, Антоний испытывал чувство обиды и горького разочарования. Он и прежде бродил по Риму одинокий и несчастный, а сейчас это одиночество ощущалось еще сильнее. Он понял, что был слишком наивен и доверчив, когда думал, что, встретив кого-либо из друзей дома, он будет спасен. И как

глупо было считать друзьями всех тех, кто бывал в доме Тегета. Возможно, что за пышной трапезой, где собиралось множество знатных и богатых людей, не было истинных друзей. Не случайно мудрецы говорят, что друг познается в беде. И вот его друг, Клавдий Луций, оказался недругом и чурбаном. Кому же верить?

Вспоминая сейчас занятия у Тегета и стараясь представить себе Клавдия Луция, Антоний видел неизменно молчаливого и приветливо улыбающегося Клавдия.

«Чем он заворожил нас? — спрашивал себя Антоний. — Умело брошенной фразой, вовремя сделанной паузой, молчанием?.. Этот тонкий с горбинкой нос, это породистое лицо, статность и уверенность в себе — все нравилось Тегету и точно так же производило впечатление на других. Никому не приходило в голову, что за этой внешностью скрывается пустота и бездушие. Да, он не горячился... Он был спокоен... Но он был равнодушен. Вот в чем истина!»

Антоний вспомнил сейчас, что ни разу не слышал от Клавдия Луция каких-либо стихотворных строк. Он явно не любил поэзию и не старался ее понять. Его никогда не увлекали яркие образы, музыка стиха. Он не утруждал себя чтением, а то, что слышал, не запоминал. Но Антоний, такой любитель и знаток поэзии, не придавал этому значения. А сейчас, вникнув в сущность характера Луция, Антоний воскликнул:

— Какой же он актер!.. Он ввел в заблуждение не только меня, но и отца моего, мудрого Тегета. Он играл роль благородного, образованного человека. А в чем проявилась его образованность? Ах, почему уже нет на свете дорогого философа Тегета, как хотелось бы ему рассказать об этом разочаровании! Но если случилось столь неожиданное, то стоит ли искать друзей отца? Если товарищ и друг так жесток и холоден, то люди старшего возраста, знатные и богатые, они и вовсе отвернутся?

Антоний, словно в забытьи, шагал по шумным, многолюдным улицам Рима. Он никого не видел, не обращал внимания на встречаемых, нередко спотыкался. Ему не хотелось возвращаться в унылую каморку, которую он снимал на самой окраине города. Ему хотелось спрятаться от людских глаз, от шума и равнодушия. Но где? На постоялом дворе крики, драки, ссоры не прекращались даже ночью. А голос пьяного хозяина харчевни преследовал даже на соседней улице.

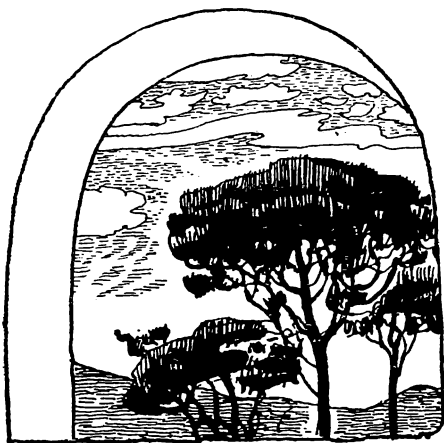
Как ужасно оставаться одному, в полном одиночестве, когда на всем свете нет ни одного близкого человека и нет крыши, куска хлеба и одежды... До чего же он дошел, сын богатого и уважаемого философа? Он стал бездомным, нищим. Вот сейчас он посмотрит, что осталось в мешочке, сколько монет? О боги! Всего несколько

асов! Сейчас он съест отвратительную бобовую похлебку, а потом что он будет делать? Да, он может продать свой плащ. На эти деньги он протянет несколько дней, а потом?..

Когда Антоний встретил Элия Сира, за обед были уплачены последние монеты, оставшиеся от денег, полученных за плащ. Вот почему лицо Антония было до неузнаваемости печальным. Вот почему он вошел в харчевню согбенный, с опущенными глазами.

Антоний то и дело перебирал в памяти имена богатых римлян, которые нередко навещали Тегета в Помпеях. Антоний знал, что были среди них люди достойные и благородные. Но как заставить себя предстать перед ними несчастным просителем?

В тот момент, когда Антоний услышал голос Элия Сира, в мыслях его были мутные воды Тибра и крутой берег, с которого можно было прыгнуть в бездну темной ночью. Такая мысль появилась у Антония впервые, потому что никогда в жизни он не был так несчастен, так одинок и обездолен,

У СВЯТЫХ МОГИЛ

— Займешься ли ты, Антоний, поисками достойного занятия, или прежде купишь себе дом в Риме? Жить на третьем этаже этой инсулы для тебя непривычно. Да и глупо тратить деньги на такое скверное жилье, когда есть возможность жить в поместье и разводить цветы.

Элий Сир обратился к Антонию с этими словами спустя месяц после того, как они встретились. В сущности, жилье было вполне приемлемое для Элия Сира, который был невзыскателен и не привык к удобствам. Но, зная дом философа Тегета, Элий Сир понимал, что Антоний долго здесь не сможет жить. Он также знал, что у Антония достаточно денег, чтобы купить себе лучшее жилище.

— Еще в первый день нашей встречи, Элий Сир, ты сказал, что сделаешь достойный памятник великому человеку — философу Тегету и моей доброй матушке Паксее. Я уже представляю себе, как будет выглядеть это надгробие. Мне не терпится, Элий Сир, поскорее отправиться на поиски святых могил. А тебе следует окончательно утвердиться в той мысли, которую ты хочешь вложить в это мраморное надгробие. Думай об этом, Элий Сир.

— Я к твоим услугам, мой господин. Я готов сопровождать тебя и сделаю все, что ты велишь. Не будем откладывать. Отправимся в Неаполь и пойдем оттуда по дороге, ведущей в Помпеи. Как ужасно, что уже нет Помпей! Я уверен, что мы найдем пинию, под которой находятся могилы твоих близких. Мы не ошибемся, потому что, как я понял, на стволе дерева вырезаны знаки...

Они отправились ранним весенним утром, почти не имея с собой вещей. Единственное достояние Антония — резной деревянный ящик с деньгами — был завязан в старый плащ Элия Сира, и раб-ваятель ташил этот груз на спине, никогда не забывая о том, что это единственный источник благополучия не только для Антония, но и для него.

В первый же день их встречи, когда Антоний, тронутый заботами Элия Сира, предложил ему половину своего достояния, Элий Сир сказал, что отныне и до конца дней своих он будет рядом с Антонием. Будет делить с ним горести и радости и будет пользоваться достоянием Антония настолько, насколько оно ему необходимо. Но ничего лишнего он не возьмет. И, как сказал Антоний, он уже не будет числиться рабом-ваятелем при господине. Впредь все будут знать о том, что Элий Сир вольноотпущенник.

Когда Антоний захотел купить двух осликов, чтобы на них отправиться в это трудное и печальное путешествие, Элий Сир сказал, что считает это лишним.

— У нас с тобой крепкие ноги, господин. Поклажа невелика. Нам надо будет бродить в поисках святого места. А животные только свяжут нас — ведь надо их кормить, поить, заботиться о них. Лучше пойдем не спеша, но верной дорогой, и мы найдем то, что ищем.

Так и сделали. Антоний очень быстро понял, что Элий Сир был прав. Они останавливались в маленьких харчевнях, расположенных у дороги, ведущей из Рима в Неаполь. Отдыхали, покупали себе хлеб, сыр и вино. И шли дальше. Когда они оказались в предместьях Неаполя, Элий Сир предложил попросить ночлега в небольшом, небогатом доме при дороге, где жил всем известный лекарь Аминта Стадий. Щедрая оплата, предложенная лекарю вперед, соблазнила хозяина, и он отвел им небольшое помещение позади дома, которое находилось между столовой и кухней. Уставшие и запыленные, Антоний и Элий Сир были рады, когда им показали колодезь во дворе и позволили умыться, испить свежей воды и заказать ужин. Пока хозяйка готовила какую-то ароматную пищу из овощей и баранины, Антоний расположился под навесом из виноградных лоз, и, размышляя над тем, как устроится его судьба, он радовался тому, что нашел тихое пристанище, совсем не похожее на постоялый двор с его шумными постояльцами, криком ослов и перебранкой слуг. Здесь, в доме Аминты Стадия, был удивительный покой, располагающий к отдыху.

Едва только Антоний подумал об этой приятной тишине, как вдруг раздался стук колотушки у ворот, и во двор вбежала женщина с маленькой девочкой на руках. Вслед за ней, задыхаясь и

спотыкаясь, спешил мужчина, тоже с маленькой девочкой на руках. В тревоге и волнении они кинулись к Аминте Стадию, умоляя спасти девочек, которые отравились рыбой и корчились от боли.

Аминта Стадий прежде всего бросил в костер ковш морского песка, потом разгреб угли и, собрав горячий песок в холщовый мешок, дал женщине и приказал согреть живот пострадавшей девочки.

— Но почему плачут обе? — спросил он женщину. — Я думал, что принесли двоих, потому что не хотели оставить малютку. Но я вижу, что обе корчатся от боли. К тому же они ровесники и, видимо, близнецы, не правда ли?

— Совершенно верно, Аминта Стадий, — ответил отец девочек, молодой плотник, живущий недалеко от лекаря. — Видишь, как они похожи друг на друга. Но самое удивительное — это то, что они постоянно делают одно и то же, подражая друг другу. И вот одна съела рыбу, которая оказалась несвежей, но тут и вторая схватила рыбий хвост. Ведь они всегда болеют в один и тот же день. Помоги нам, Аминта! Дай нам целебные настойки. Я знаю, у тебя собрано великое множество целебных трав.

— Ты уверен, что девочки отравлены рыбой? Может быть, их одолели глисты? Тогда нужно совсем другое средство. Тогда я дам им настойку граната на терпком красном вине.

— Они утром были веселые и здоровые, а потом, после этой рыбы, они не перестают плакать, корчатся, хватаются за живот...

— Если ты уверен в этом, тогда я скажу тебе, как приготовить лекарство. У меня его нет, а делать его хлопотно. Возьми горшок, влей туда шесть секстариев воды и положи туда копыта от окорока. Если нет у тебя копыт, возьми кусок ветчины весом в полфунта. Когда он начнет увариваться, положи туда два кочешка капусты, две свеклы с ботвой, росток папоротника, немного ртутиевой травы, два фунта мидии, рыбу головача, скорпиона, шесть улиток и горсть чечевицы.

— Да я и запомнить не смогу... И где я возьму все это? Пожалей нас, добрый человек, придумай что-нибудь полегче! Посмотри, как плачут бедные малютки...

— Ты слушай и запоминай. И жена пусть помнит, что делать. Все, что я сказал, нужно уварить до трех секстариев жидкости. Затем возьми одну треть этого варева, прибавь туда косского вина и дай выпить. Право же, нет лучшего средства при отравлении рыбой. Я испытал его сотни раз.

Антоний, который слышал весь этот разговор, больше всего заинтересовался рассказом о близнецах, о том, как похожи эти

девочки и как схожи во всем решительно, даже в болезнях. Когда плотник уходил от лекаря, унося с собой маленькую дочь, Антоний даже вышел посмотреть на этих девочек. Услышав о близнецах, он не мог не вспомнить историю, рассказанную виликом Мерулой. И тотчас же в памяти возникла встреча со Стефаном. Он представил себе жесты и манеры Стефана, которые удивительным образом повторяли жесты и манеры его, Антония.

«Неужто Стефан подлинно мой брат, а вилик Мерула — мой отец? И как представить себе, что бедная Клеида, с грубыми, покалеченными руками, печальными глазами, в одежде рабыни — моя мать? Нет, нет, это невозможно!.. Я был прав, когда подумал о том, что вилик Мерула сочинил эту печальную историю. Мысли путаются и сердце холодеет, когда вдруг подумаешь, что эта история может иметь ко мне отношение... Отныне слово «близнецы» будет приводить меня в содрогание. И так страшно принять и согласиться с этой историей. Чудовишно! Я не приемлю ее!»

За ужином Антоний был молчалив и печален. Элий Сир не спрашивал причины. Он понимал, что поиски могилы близких и дорогих людей — занятие слишком скорбное. Что касается удивительной истории происхождения Антония, о которой он узнал в первый же день встречи с юношей, Элий Сир не верил в нее. Он выслушал рассказ Антония молча, не сказав ни слова, но подумал про себя, что вилик Мерула, которого он никогда не видел, и сын его Стефан, которого он также не успел увидеть, такие же мошенники, каких он встречал немало на своем пути. Элий Сир был уверен, что выдумка об удивительном происхождении Антония нужна была вилику Меруле для того, чтобы пожить. Впрочем, он сумел пожить еще до того, как сочинил эту историю. Ведь Антоний уплатил такой большой выкуп за Стефана. Увидев, что щедрость философа Тегета и богатство его так доступны совершенно чужим людям, вилик Мерула пожелал получить еще что-либо. Иначе, как понять его поведение? Благородный Антоний по-своему понял мошенника. Он со свойственной ему доверчивостью и добротой постарался увидеть этого вилика в совсем другом свете. Бедный Антоний придумал, будто вилик из благодарности и сочувствия рассказал о подброшенном мальчике. Но как он наивен, Антоний! Здесь одна корысть. Вот пройдет немного времени, и он, Элий Сир, постарается раскрыть глаза Антонию, чтобы он не увлекался своим собственным вымыслом и не вздумал отдавать последнее этим вольноотпущенникам, вовсе не таким благородным, какими увидел их сын философа Тегета.

Прошло много дней, прежде чем была найдена старая пиния,

на стволе которой были начертаны начальные буквы имен Тегета и Паксеи. Под тенью пинии в самом деле виднелось два небольших холмика. Можно было не сомневаться. Здесь следовало поставить мраморное надгробие, достойное памяти благородного ученого.

— Рабы, которые не думали о последних почестях усопшим, совершенно случайно выбрали хорошее место. Вот увидишь, Антоний, когда в тени этой пинии появится величественная скульптура твоего отца и в мраморе засверкают нежные черты твоей матушки Паксеи, каждый прохожий остановится у этого надгробия с низким поклоном и прочтет строки, которые мы высечем на белом мраморе. Уверяю тебя, никто не пройдет равнодушным. Лучшего места не придумаешь.

— Ты прав, Элий Сир,— согласился Антоний.— Отсюда открывается вид на Неаполь, а если повернешься назад, то увидишь дорогу, которая вела в наши прекрасные Помпеи. Как бы мне хотелось иметь большое достояние! Я бы потратил его на сооружение храма. Этот храм был бы посвящен памяти философа Тегета. И люди приходили бы сюда с цветами и плодами, вспоминая имя моего отца. Но мне это недоступно. И я буду с нетерпением ждать, когда можно будет положить цветы у мраморного надгробия, сделанного твоими руками, Элий Сир. Пойдем поищем, где продается белый мрамор, и приступай к делу, мой друг Элий Сир.

НАДГРОБИЕ ПОД СТАРОЙ ПИНИЕЙ

Когда был куплен белый мрамор и Элий Сир приступил к работе, Антоний решил оставить его и отправился в Рим, чтобы найти человека, который смог бы передать письмо Стефану. Антоний знал, что в деревянной надстройке над воротами поместья Потина Теренция его ждут каждый день. Он то и дело представлял себе печальные глаза Клеиды и словно слышал тихий голос застенчивого и скромного вилика Мерулы. Чем больше он думал над тайной своего рождения, тем уверенней был в том, что вся история, рассказанная виликом Мерулой, — надуманная история. Но если даже все это было придумано благородным виликом, все равно Антоний чувствовал себя обязанным перед всей семьей вольноотпущенника, которая так сердечно и искренне приняла его. Антоний помнил о том, что забрал у вилика Мерулы последнюю тысячу сестерций. И теперь, когда он стал обладателем довольно большого состояния, он считал своим долгом поделить с семьей вилика. Но как это сделать? Разумеется, что лучше всего было бы отправиться туда и отвезти им деньги, но ему не хотелось покидать Элия Сира.

Элию Сиру предстояла очень трудная работа — сделать хорошую скульптуру по памяти. Ведь не сохранилось даже маленького медальона. Ах, почему он, Антоний, не сделал в свое время медальон с изображением отца, чтобы иметь его всегда с собой! Почему ему не пришло в голову заказать Элию Сиру медальон матери?.. А теперь он только хранит память в своем сердце. И еще он имеет Элия Сира, который хорошо запомнил дорогие лица и

благодаря своему дару ваятеля он, конечно, сделает все хорошо. Но для этого надо быть рядом с ним. Значит, остается одно: найти человека, который возьмется передать письмо Стефану. А в письме уж он, Антоний, обо всем расскажет.

«Любезный мой друг Стефан! — писал Антоний. — Прости, что не называю тебя братом, я еще не привык. Не осуди меня за то, что я надолго скрылся и не дал о себе знать, хотя помню обо всех вас постоянно, знал, что тысяча сестерций, которые дал мне твой отец, — единственное достояние вашей семьи. А если я помнил об этом, то и всех вас вспоминал с чувством сердечной теплоты. Не тревожьтесь обо мне, добрые друзья. Во мраке, окружающем меня, блеснул луч света. Среди бесконечных разочарований вдруг пришла удача. Ты помнишь, Стефан, я много говорил тебе о ваятеле Элии Сире, который был мне подарен отцом в день моего совершеннолетия. Этот удивительный человек каким-то чудом сохранил достояние моего отца. Когда он потерял моих близких и, казалось бы, мог бежать на землю своих отцов с достоянием философа Тегета, он предпочел остаться в Риме. Долгое время он искал меня. Изю дня в день бродил он по улицам Рима, заходил в харчевни, стоял у ворот. Но все было тщетно. Наконец он понял, что надо набраться терпения, и, дожидаясь меня, стал работать. Я встретил Элия Сира в харчевне в тот день, когда купил себе похлебку на последние два аса. К тому времени я уже совсем обнищал. Я тщетно искал друзей моего отца, чтобы получить работу. И вот однажды я вдруг услышал голос Элия Сира. И, право же, Стефан, мне показалось, что сами боги обратились ко мне с небес.

Дорогой мой Стефан! Если бы ты знал, как я был удивлен, когда Элий Сир привел меня в свое жалкое жилище, расположенное вблизи строящегося храма, и, подняв мраморную плиту, предназначенную для капители, вдруг вытащил деревянный резной ящик отца. Элий Сир не открыл его и не взял оттуда ни одной монеты. Он поставил передо мной эту сокровищницу и сказал мне:

— Вот это я сохранил для тебя, мой господин. Я рад, что ты нашелся. Мысль о том, что ты очутился в нужде, не давала мне покоя. Кто знает, если бы не было со мной этих денег, вполне возможно, что, оказавшись свободным и одиноким, я бы попытался добраться до Сирии. Но эти деньги связывали меня, и я искал тебя.

Я долго гладил этот деревянный ящик и рассматривал его причудливую резьбу. И мне вдруг показалось, что я снова дома и что сейчас я услышу голос моего отца. И на сердце легла такая великая печаль, что смыть ее могли только слезы. И я долго плакал, не стесняясь Элия Сира. И ты поймешь меня, Стефан. А потом я

открыл ящик и был ослеплен. Я увидел, Стефан, что имею возможность купить себе дом, а вилику Меруле — пекарню. Я понял, что могу соорудить самое прекрасное надгробие. И я уже поручил эту работу Элию Сиру, потому что он один сохранил в своей памяти прекрасное лицо философа Тегета и благородные черты моей матушки Паксеи.

Я рассказал тебе самое главное, Стефан. Прошу тебя, постарайся по возможности скорее встретиться со мной в Неаполе. Здесь я буду ждать тебя через два месяца, чтобы вручить тебе деньги для пекарни. Если не увижу тебя через два месяца, то прибуду сюда в конце года. Если захочешь, ты вместе со мной посетишь святую могилу под старой пинией. Там ты встретишь Элия Сира за работой.

Передай мой низкий поклон доброму человеку вилику Меруле и благородной Клеиде».

Прошло много дней, прежде чем Антоний нашел в харчевне людей, которые возвращались в поместье, находящееся вблизи усадьбы Потина Теренция. Они согласились передать письмо Стефану.

Отправив письмо в поместье Потина Теренция, Антоний вернулся к Элию Сиру, чтобы по возможности помогать ему. Сейчас, возвращаясь к могиле под старой пинией, Антоний понял, что не сумеет ничем заниматься до тех пор, пока не сделает надгробие, не выполнит свой долг перед родителями. И как он мог прежде думать, что сможет искать себе занятие, покупать дом, устраивать свою жизнь в Риме... Сейчас ему ничего не нужно. Его место рядом с Элием Сиром. Он будет ему помогать.

— А я думал,— воскликнул Элий Сир,— что мой господин отправился в поместье Потина Теренция, чтобы повидать семью вилика Мерулы! Я много думал над историей твоего рождения. Я считал Мерулу обманщиком. А теперь пришел к выводу, что вилик Мерула ничего не выдумал. Такое нельзя выдумать. Боги разгневаются.

— Мне удивительны твои слова, Элий Сир. Я не в обиде, а в удивлении. Я не поверю, что можно так любить и лелеять чужого младенца, как это делали мои родители. А ящик с деньгами, который ты мне доставил?.. Разве это не доказательство тому, что вилик Мерула выдумщик?..

Антоний остановился и призадумался. Ему ни в коем случае не хотелось порочить вилика Мерулу, Стефана, Клеиду. Наоборот, ему хотелось, чтобы Элий Сир проникся уважением к этим людям. Но только он, Антоний, должен иметь свои святыни. И то место, которое занимают философ Тегет и Паксея, то место, которое они заняли в его сердце, он никогда не отдаст никому...

— Скажи, Элий Сир, надеешься ли ты вдохнуть жизнь в этот мрамор? Поможет ли тебе твоя память?

— Вот посмотри, господин,— сказал Элий Сир и показал деревянную доску, на которой был сделан отличный портрет философа Тегета.

Как и задумал Антоний, философ Тегет был изображен во весь рост, в тоге, падающей мягкими складками, со свитком в правой руке. Картина еще не была закончена, но этот набросок, сделанный углем, был очень хорош. На скамье с резными ножками в виде львиных лап сидела Паксея. Казалось, что Тегет читает ей свое сочинение, а она внимательно слушает. Даже набросок углем казался Антонию очень любопытным. Антоний сразу же уловил знакомые черты матери.

— У тебя отличная память, Элий Сир. Я вижу, что в душе твоей сохранились живые образы близких мне людей. Как хорошо, что ты здесь, Элий Сир! Ты не покинешь меня? Ты всегда будешь со мной? Когда мы сделаем надгробие, я попрошу тебя сделать две скульптуры. Они будут постоянно со мной, в моем жилище. Может быть, мы поставим их в атриуме, когда у меня будет настоящий дом. А может быть, Элий Сир, у меня когда-нибудь будет такая же библиотека, какая была у отца. Подумай, Элий Сир, какое счастье, что отец сделал мне тогда, в день моего совершеннолетия, такой удивительный подарок!.. Слово он чувствовал, что без тебя я погибну.

— И мне философ Тегет сделал драгоценный подарок. Когда я думаю о том, что ты подарил мне свободу и не взял у меня денег, я сам себе не верю, Антоний! Я очень старался. Если это изображение на доске достойно воплощения в мраморе, то я примусь за дело. Работать придется долго и упорно, но я буду делать это с величайшим усердием, Антоний. Со всей моей благодарностью.

Антоний с нетерпением ждал того дня, когда Элий Сир примется за мрамор. Но когда Элий Сир уже взял в руки резец и молоток, Антоний понял, что работа затянется надолго, если Элию Сиру не будет дан помощник. И он предложил подобрать себе помощника из каменотесов, который будет послушно выполнять все, что ему прикажет Элий Сир. Ему хотелось, чтобы черная работа была сделана другими руками и сократилось бы время ожидания.

Начав работу ранней весной, Элий Сир увидел первую свою удачу только поздней осенью. К этому времени уже была готова голова философа Тегета, и можно было быть уверенным, что скульптура понравится Антонию. Антоний то и дело покидал Элия Сира и отправлялся в Рим. Ему хотелось наконец обрести жи-

лище. Он искал небольшой, но удобный дом, в котором смог бы разместиться вместе с Элием Сиром. Ему хотелось иметь хорошее помещение для библиотеки и точно так же хорошую мастерскую для Элия Сира, где бы он мог работать со всеми удобствами.

Антоний потратил больше двух месяцев на поиски такого дома. И он его нашел. Дом был одноэтажный, с небольшим садом, с фонтаном, с кухней. Он стоял у Священной дороги, но так как он был в глубине сада, Антонию понравилась и тишина и покой. Вначале он хотел вызвать Элия Сира, чтобы показать ему свое приобретение, но потом решил лучше сделать сюрприз своему другу: ничего ему не говорить, не показывать сейчас, а когда он закончит работу, привести его — и пусть удивляется.

Когда дом был куплен и при свидетелях составлен договор с бывшим хозяином, Антоний стал думать над тем, как ему создать библиотеку, которая хоть отдаленно была бы похожа на библиотеку отца. Он давно уже не держал в руках драгоценных свитков и очень тосковал о брошенных занятиях. Антоний понимал, что, не имея переписчиков, ему никогда не создать такой прекрасной библиотеки, какая была у философа Тегета. Но покупать рабов-переписчиков он не мог. Теперь, когда было много израсходовано из сокровищницы отца, Антоний уже боялся тратить деньги неразумно. Он хотел кое-что оставить, потому что знал, что не скоро еще завоюет доверие римлян и дождется того времени, когда его будут приглашать на ведение судебных дел и когда люди будут собираться, чтобы услышать его речи, подобные тем, о которых говорил знаменитый трагик Пакувий: «О речь, управляющая сердцами и царица всего существующего!..»

И в это время до Антония дошли слухи о том, что император отправил целый отряд воинов к развалинам Помпей, чтобы извлечь из-под толстого слоя застывшего пепла драгоценные статуи богов, императоров и знаменитых полководцев.

«Как это разумно», — подумал Антоний и тут же решил, что и сам отправится туда с людьми, которые помогут ему хотя бы частично раскопать поместье отца, чтобы проникнуть в его библиотеку. Однако он не мог этого сделать без Элия Сира. К тому же настало время встретиться со Стефаном.

Теперь, когда Антонию нужно было покинуть свой новый дом, он подумал, что надо было бы воспользоваться предложением хозяина этого дома, который хотел продать старую рабыню для ведения хозяйства и привратника, который постоянно сидел бы у ворот. Эти расходы были неизбежны, и, прежде чем уехать, Антоний привел в свой дом пожилую женщину и мужчину средних лет, который и прежде был привратником в этом доме.

Наконец-то Антоний встретился с Элием Сиром и увидел, как много успел сделать этот искусный ваятель. Статуя Тегета была почти уже готова.

Элий Сир охотно согласился принять участие в раскопках поместья философа Тегета. Ему особенно понравилась мысль раскопать библиотеку. Ведь там стояли превосходные скульптуры великих людей Греции и Рима, которые он сделал во время своего пребывания у Антония. Однако надо было закончить эту большую работу. И вместе с Антонием они решили, что на раскопки поместья отправятся весной будущего года, когда уже будет закончено надгробие.

Элий Сир трудился с рассвета до заката. Он не оставлял работу и в холодные дни зимы. Единственное, что он сделал, чтобы облегчить свое положение, — дощатый навес, который позволил бы спрятаться от дождя; а когда стало совсем холодно и ветрено, по настоянию Антония Элий Сир сделал дощатые стены. Юноша, которого он взял к себе в помощники, усердно помогал ему. Муций был сыном каменотеса, работающего на сооружении храма. Он с малых лет привык помогать отцу и потому был очень расторопным и послушным. Так вместе они довольно быстро продвигались в своей работе. Но и к весне будущего года надгробие не было готово. Они всё ещё бились над изображением Паксеи. Антоний то и дело уезжал в Рим, но вскоре возвращался, и тогда он проводил дни и ночи под дощатой крышей, рядом с обломками мрамора.

Антоний, который всегда умел ценить работу ваятеля и который привык видеть в своем доме отличные скульптуры, сделанные лучшими мастерами Рима, был восхищен работой Элия Сира. Он видел, что это лучшее из всего того, что Элий Сир когда-либо сделал. Ваятель и в самом деле сумел выразить свою благодарность таким необычным образом.

Уже был конец лета, когда надгробие было закончено и поставлено под старой пинией. Антоний отправился в поместье, которое было поблизости, и закупил целую гору цветущих роз. Он сложил все это у мраморного изваяния и опустил на колени. Глядя на дорогие ему лица, Антоний говорил:

— Увы, ты не видишь меня, дорогой отец, благороднейший из римлян, добрейший из всех известных мне людей на свете! Но я обращаюсь к тебе, ведь ты жив в моем сердце. Я даю клятву стать ученым, труды которого узнает Рим. Я напишу книги, достойные твоего имени. Я буду верен тебе до гроба. И ты жива в моем сердце, моя матушка Паксея. Любовь к тебе не иссякнет до конца моих дней.

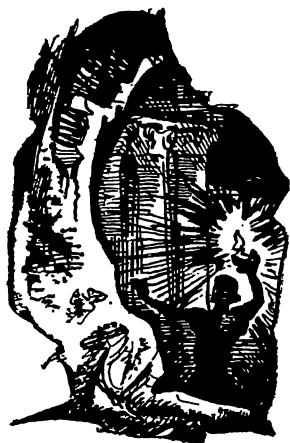
Низко поклонившись, он отправился вместе с Элием Сиром по

дороге, ведущей в Неаполь. Там он хотел дожидаться Стефана, а потом мечтал вместе с ним отправиться в Помпеи.

— Хорошо, что у нашего дома рос такой высокий кипарис,— сказал Антоний Элию Сиру.— Я надеюсь, что он поможет нам выбрать разумно то место, которое нам следует очистить от пепла, чтобы проникнуть в наш дом. Как ты думаешь, Элий Сир, много потребуется денег, если мы захотим нанять хотя бы пятнадцать помощников?

— Много, господин, но мы это сделаем. Я считаю, что после сделанного нами надгробия это самое главное.

— И еще есть для нас одно важное дело, без которого мы не проживем,— сказал Антоний.— Ты сам говорил, Элий Сир, что не пристойно мне жить в инсуле, как нищему. Я должен тебе признаться, что в Риме у нас уже есть дом у Священной дороги и там для тебя уже приготовлена мастерская, а для меня — библиотека. Пока она еще совсем пуста. Но если боги помогут нам и мы проникнем в наш дом, я надеюсь извлечь драгоценные свитки из библиотеки моего отца.

БРАТЬЯ ВСТРЕТИЛИСЬ

— Поистине чудо! — воскликнул Элий Сир, когда увидел Стефана, сидящего на берегу моря у харчевни «Креветка»; Антоний и Элий Сир только что прибыли в Неаполь и еще не решили, где им искать Стефана. — Я вижу твоего двойника, Антоний. Погляди направо.

— Стефан! — закричал Антоний и побежал навстречу. — Наконец-то я вижу тебя. Как долго ты собирался... Как ты живешь, мой друг?

— Я соскучился по тебе, мой брат, — ответил Стефан. — Дважды я приходил сюда безуспешно. Искал тебя повсюду и не нашел. Как ни старался, а не смог хорошенько рассчитать время пути. Дважды опоздал... Родители просили кланяться. Они приносят жертвы домашним ларам и просят покровительства во всех твоих делах.

— Их просьбы помогли, — ответил Антоний. — Я писал тебе, что нашел Элия Сира. Вот он, наш друг.

— Теперь я вижу, что передо мной два Антония, — сказал с поклоном Элий Сир. — Никогда не видел ничего подобного. И как было не заступиться за своего двойника! Ты правильно сделал, Антоний. Как печально было бы, если бы Стефан остался в школе гладиаторов. Мы знаем теперь, что город засыпан пеленой пепла, покрывшей даже самые высокие храмы. Спаслись лишь те, кто бежал.

— Но и в пути многие погибли, — сказал Антоний.

Все поняли, о чем говорит Антоний, и молча опустили головы.

— Я хотел бы тебе помочь в твоих делах,— сказал Стефан.— Я готов выполнить любое поручение. Подумай, Антоний, и скажи.

— Я звал тебя не для этого,— ответил Антоний.— Я хочу дать тебе денег на устройство пекарни. Я помню, что забрал у вас последнюю тысячу сестерций. Но если ты готов помочь мне, тогда вместе пойдем в Помпеи. Попробуем раскопать хотя бы библиотеку. Сейчас мне особенно дороги книги отца, его записки...

— Возьми меня с собой, я буду счастлив помочь тебе, Антоний! Для меня нет дела более важного и значительного. А пекарня подождет. Столько произошло событий удивительных и невероятных. Теперь, когда я вспоминаю все это, мои мечты о пекарне кажутся мне такими ничтожными... Не тревожься, Антоний. Лучше поспешим туда, где был когда-то цветущий город Помпеи.

— Твое предложение очень разумно и благородно,— сказал Антоний.— Я не отказываюсь от твоей помощи. Я знаю, что осуществить задуманное будет очень трудно. Но сердце подсказывает мне удачу, и я готов преодолеть любые препятствия. Не мешкая, завтра утром мы отправимся в Помпеи. Ведь император отправил туда своих воинов. Я знаю, им поручено раскопать часть форума и извлечь из-под толщи пепла ценные статуи. Мы посмотрим, как они это делают, а потом и сами примемся за дело.

В пути все были молчаливы. Антоний показался Стефану таким суровым и строгим, что он не решался обращаться к нему. Как не похож был Антоний на того веселого, жизнерадостного юношу, который впервые подошел к нему на форуме во время праздника пекарей. Казалось, что с тех пор прошло много лет...

Элий Сир, видя смущение и скованность Стефана, старался время от времени что-то ему сказать, чтобы растормошить и вызвать улыбку. Стефан ему нравился прежде всего сходством с Антонием. Но он сразу же увидел, что сходство это только внешнее. В сущности, они были очень разными, потому что внутренний мир каждого резко отличался своими особенностями. Глядя на Стефана, Элий Сир во всем видел печать убогой и нищей жизни. Одежда Стефана, его походка, манеры, язык, даже привычка есть, быстро заглатывая большие куски, торопясь,— все говорило о тяжелой и безрадостной жизни раба. «Ему уже двадцать,— подумал Элий Сир, глядя на жующего Стефана,— а он еще не знал ни одного дня, прожитого в довольстве и покое. Одни беды и несчастья. Ведь вольноотпущенник, оставшийся у своего господина, не далеко ушел от раба. Да и откупились они так недавно. А тут еще эта ужасная история с гладиаторской школой, которая могла стоить жизни. И все же судьба милостива к этому Стефану...»

«Я знаю, что мое молчание Стефан поймет неправильно,— говорил сам себе Антоний,— но, видит бог, я не могу побороть свою печаль. Мысль о том, что я иду откапывать наш дом — дом моих родителей, чудовищна. Каждый предмет будет напоминать мне мою счастливую и беспечную юность. Я буду непрестанно думать о погибших родителях, таких добрых и благородных. Я так старательно перебираю в памяти день за днем свое детство и юность и вспоминаю только доброту и щедрость. Но я был глуп и легкомыслен, когда принимал как должное заботы моего отца, Манилия Тегета. Мне выпало великое счастье... Сколько ума, какая тонкость суждений, какая широта знаний!.. Рана в моем сердце кровоточит... Наберись мужества, Антоний!..»

«Может быть, Антоний сердит за то, что отец назвал его сыном? — спрашивал себя Стефан.— Отец не должен был говорить этого. Как можно было подумать, что Антоний сын раба? И я ошибся, назвав его братом. Не потому ли он так холоден и недоступен. Но я не должен показать своего огорчения. Может быть, его суровость от печали... Должно быть, очень трудно вернуться к своему дому и увидеть его погребенным. Особенно трудно, когда уже нет в живых тех, кто отдал тебе свою любовь, свое сердце, свое достоинство. Антония любил и растил философ Тегет, а отец пожелал, чтобы Антоний признал его отцом. Как неразумно поступил отец, рассказав тогда эту историю рождения близнецов. Занятная история, но может быть, отец ее выдумал? Когда я спросил его об этом, он рассердился. А я, ничего не зная, обрадовался. Глупый я человек!»

Так, рассуждая каждый о своем, они подошли к Помпеям. Все они отлично помнили тот страшный день, когда солнце скрылось и Помпеи погрузились во мрак. В памяти каждого возникли трагические сцены гибели города и людей. Но сейчас, когда они увидели горы пепла там, где были дворцы и храмы, они снова были потрясены. Однако надо было приниматься за дело.

Антоний прежде всего отправился на раскопки форума, чтобы узнать, сколько нужно людей и как вести работы. Воины и рабы императора, присланные из Рима, уже извлекли на поверхность мраморные скульптуры, которые совсем недавно украшали одну из красивейших площадей города. Стефан с восхищением рассматривал скульптуры императоров и знаменитых поэтов, сделанные искуснейшими мастерами Греции и Рима. Элий Сир был в восторге от статуи Аполлона. Он вспомнил, что всего лишь за день до землетрясения ему довелось побывать на форуме и он долго рассматривал эту превосходную статую...

У владельца большого поместья Антоний нанял пятнадцать

рабов. Вот когда он пожалел, что разбежались рабы из поместья его отца, что никто не вернулся к нему, кроме Элия Сира. Но делать было нечего. Сейчас для него было самым важным раскопать библиотеку отца и вернуться к тем занятиям, которые помогут ему завоевать соответствующее положение в римском обществе, положение, достойное сына философа Тетета.

Раскопки начали у засохшей вершины кипариса, которая была единственным ориентиром. Антоний хорошо помнил этот высокий, могучий кипарис, самый большой в Помпеях. Он помнил его с детских лет, и теперь, глядя на обугленные ветви, торчащие изпод застывшего, окаменевшего пепла, он чувствовал, как печаль обволакивает его. И невольно рождалась мысль: «Все потеряно...»

*

Они копали уже много дней. Пятнадцать рабов, нанятых в поместье богатого патриция, долбили толщу окаменевшего пепла с рассвета до заката. Но Антонию казалось, что они никогда не достигнут калитки дома. Работа была очень трудной. Медленно освобождалась земля. Элий Сир и Стефан с первых же дней принялись долбить пепел. Особенно трудился Стефан, которому очень хотелось помочь Антонию скорее добиться цели — извлечь из библиотеки Тетета драгоценные свитки.

Антоний присматривал за раскопками, что-то подсказывал, подгонял рабов, тревожился и, наконец, сам взял в руки кирку. Это было для него ново. За всю свою жизнь ему ни разу не приходилось заниматься подобным делом. Ведь каждый высокородженный знает, что физический труд считается постыдным. С малых лет Антоний знал, что всякий, кто делает что-либо руками, — ничтожен. Все это он знал и помнил, но, как ни странно, копая рядом с рабами, он не только не испытывал унижения, а наоборот, у него появилось какое-то удовлетворение.

И настал день, когда обнажилась калитка, ведущая во двор. А спустя несколько дней очистился порог дома. К счастью, крыша не провалилась. Взяв в руки зажженный светильник, Антоний вошел в дом.

Все знали, как ждал этого мгновения Антоний. Элий Сир и Стефан были уверены, что он встретится с душами умерших и принесет жертву домашним ларам. Они даже тихонько поговорили об этом. И терпеливо ждали. Никто не последовал за Антонием.

Антоний вошел в просторный атрий. Маленький огонек светильника вырвал из тьмы мраморную статую Венеры и засохшие

цветы в больших красивых вазах. Направо от статуи стояло ложе отца. А вблизи низкая мраморная скамья, на которой он, Антоний, так часто сидел у ног отца, когда был еще маленьким. Но и потом, уже взрослым, он нередко сидел на этой скамье, когда отец читал ему свитки знаменитых поэтов и философов. Вот она, скамья. Антоний присел и призадумался. Он поставил светильник на пол и долго смотрел на освещенный круг. Мраморный пол был украшен мозаикой, и скупой огонек светильника дал возможность увидеть шустрого котенка, который тащил маленькую птичку. Эта живая картина напомнила Антонию счастливые дни детства, когда он, сидя у ног отца, звал котенка и нередко гладил его пеструю шерстку, сделанную мастером так искусно, что она казалась мягкой и теплой. Он вспомнил свои долгие беседы с отцом, многочисленных учеников, которые собирались здесь, чтобы читать произведения любимых поэтов. Как печально, что все это никогда уже не повторится... Он никогда уже не увидит дорогие лица отца и матери... И дом он покинет навсегда, чтобы никогда больше не перешагнуть порог этого атрия. Поистине все непостоянно. Все переменчиво! Но как примириться с этим? Как тяжело думать об этом!..

«Мне только двадцать лет, а все уже позади», — сказал сам себе Антоний. Его охватило отчаяние...

Однако надо было торопиться. Люди ждали. Нельзя было предаваться размышлениям. Взяв в руки светильник, Антоний пошел в библиотеку отца, которая была рядом с просторным беломраморным атрием. В библиотеке обвалился только карниз. Ящики со свитками были завалены обломками фриза. Антоний подумал, что если убрать мусор и зажечь большие мраморные светильники, то можно будет довольно легко вынести из библиотеки драгоценные свитки. А это было самое главное.

Наконец-то Антоний выбрался на поверхность и сказал, что можно пойти в библиотеку, но прежде следует добыть масло, чтобы зажечь большие светильники. Кроме того, следует приготовить ящики, куда можно было бы сложить свитки, горами лежащие на столах. А еще он просил Элия Сира подумать о том, как возможно лучше и безопаснее упаковать драгоценные скульптуры, сохранившиеся в библиотеке.

— Неужто они не разбиты? — воскликнул Элий Сир. — Неужто сохранилась скульптура мудрого Эпикура?

— Представь себе, Элий Сир, все сохранилось, потому что карниз упал с другой стороны и ничего не было разбито. Какое счастье, что сохранилась крыша! Если бы она обвалилась, то погибла бы библиотека философа Тетета.

И вот все собрались в библиотеке и стали упаковывать свитки. Элий Сир и Стефан добыли в соседнем поместье ящики и корзины, и целый день они тащили свитки, скульптуры, роскошные мраморные светильники с бронзовыми чашами, драгоценные вазы. И каждый предмет о чем-то напоминал Антонию и как бы связывал его с прошлым.

На следующий день, когда из библиотеки Тегета вынесли все, что было нужно, Элий Сир предложил взять кое-что из атрия, а потом посоветовал Антонию заглянуть в комнату Паксеи. Антонию не хотелось. Ему было больно вспоминать о том, что нет уже в живых нежной, любящей матери. Однако Элий Сир был настойчив. Он сказал:

— Не поддавайся печали, Антоний. Живому многое нужно. Помни, что ты покинешь свой дом навсегда и никогда сюда не вернешься. Поверь мне, ты потом пожалеешь, что не взял того, что было можно взять. Я убежден, что как только мы покинем Помпеи, жители окрестных селений как коршуны набросятся на этот дом и унесут не только вещи, не только скульптуры. Они унесут мраморные столики и скамьи, сорвут мраморную облицовку колонн, захватят драгоценные вазы, которыми так дорожил философ Тегет.

— Пусть уносят, — сказал Антоний. — Я своими руками не буду разорять дом философа Тегета. Пусть он живет в моей памяти таким, каким он был. Если бы не забота о свитках, о драгоценной библиотеке Тегета, я бы не решился прийти на это пепелище. Никакое воображение не может нарисовать того, что видят глаза. Сколько воспоминаний возникло у меня, когда я бродил сейчас в темных комнатах с маленьким светильником в руках. Тебе ли говорить, Элий Сир, как это прискорбно...

— Тогда позволь мне, Антоний, пройтись по комнатам и взять то, что я посчитаю нужным. Я отлично помню, какие драгоценности были у Паксеи. Госпожа имела удивительный вкус, а господин Тегет был очень щедрым. Если мне удастся найти ящичек с драгоценностями, он пригодится тебе. И еще мне хотелось бы, Антоний, унести для твоего дома серебряные и золотые сосуды, которые так восхищали всегда гостей. Право же, будет грешно оставить их здесь. Их унесут люди, которым они ни о чем не скажут, а тебе они всегда будут напоминать твой дом и твоих близких.

— Делай как знаешь, Элий Сир. Я буду ждать тебя здесь, у библиотеки. Самое большое сокровище уже в моих руках. Теперь я знаю, что я смогу продолжить дело моего отца, философа Тегета. И может быть, настанет день, когда и меня назовут философом. Этого хотел отец, и я буду стремиться осуществить его мечту...

Для того чтобы доставить в Рим все то, что извлекли из-под

пепла Помпей, Антоний решил купить несколько двухколесных повозок, запрячь осликов и погрузить свое достояние, чтобы в сохранности доставить в пустой дом. Вот когда Стефан оказался неоценимым помощником. Он умел хорошо наладить упряжь, он отлично все упаковал и разумно уложил в повозки. Ведь все это было ему привычно. Сколько раз ему приходилось сопровождать караван с зерном, предназначенным для продажи.

Но вот уже тронулись в путь ослики с повозками. Их сопровождал Стефан. Элий Сир хотел было отправиться с ними, но Антоний просил его остаться, чтобы вместе дожидаться их возвращения. Антоний обстоятельно рассказал Стефану, где находится его вилла и как ее найти. Он написал записку, предназначенную привратнику, и дал распоряжение принять все, что доставлено, и хранить в целости и сохранности. Рабов отпустили. Антоний остался среди свитков и скульптур, а Элий Сир все еще ходил по темным комнатам виллы Тегета и каждый раз что-нибудь приносил оттуда.

Оставшись наедине, Антоний стал рассматривать свитки, перечитывал записи, сделанные отцом. Он с благодарностью думал о своем добром друге Элии Сире, который оказал ему столько бесценных услуг. Он вдруг вспомнил день своего совершеннолетия, когда после пиршества отец сообщил ему о своем подарке и сказал, что отныне раб-воятель Элий Сир принадлежит уже взрослому Антонию. Антоний подумал сейчас о том, что это был единственный раб, который принадлежал ему. Сейчас у него нет ни одного раба. Даже неизвестно, куда они исчезли — то ли погибли во время землетрясения, то ли сбежали.

Антония очень растрогало необыкновенное внимание и заботы Стефана. Стефан, который во время веселого праздника в Помпеях был таким жизнерадостным и веселым, стал сейчас молчаливым и задумчивым. Он был немногословен, но зато очень старателен: Антоний каждую минуту видел его желание помочь.

«Он не называет меня братом,— подумал Антоний,— потому что понял, как нелепа выдумка вилика Мерулы. Матеры у него грубые, а душа благородная. Он будет мне добрым другом. А я должен помочь ему, не только деньгами. Мы всё обсудим, когда соберемся под крышей моего дома в Риме. Стефан мне настоящий друг. Сколько трогательных забот проявил он к вещам моего отца. Он упаковывал свитки так бережно. А с каким восхищением он рассматривал библиотеку и атрий!.. Я видел его, когда он остался один, а вокруг горели большие светильники. Он рассматривал мозаику на полу, росписи на стенах и скульптуры, и на лице его был восторг. Бедный раб, ему никогда не приходилось прикасаться к таким красивым вещам... А в поместье своего господина он не

имел права даже пройти по роскошным комнатам. И жалкая деревянная надстройка стала доступна вилику Меруле только тогда, когда он стал вольноотпущенником. Теперь, когда я совсем один на всем свете, я особенно должен ценить доброту и внимание Стефана. Нет, нет, мне не нужно утонченных манер и образованности Клавдия! Душа его холодна и равнодушна. В мыслях его только расчет. Он не способен подумать о скорби людской даже на одно мгновение. С каким чванным видом он сообщал мне о благополучии своей семьи. Перед лицом чудовищной трагедии он не изменился и оставался таким же холодным, каким, вероятно, был всегда. А я считал его своим другом. Ах, если бы отец знал, кто мои истинные друзья... Рабы. Элий Сир, которому я дал свободу, и Стефан, которому я тоже так неожиданно и вовремя дал свободу. Но, видимо, есть боги, и они вознаградили меня. Иначе я был бы одинок и в тысячу раз более несчастен...

ДНЕВНИК ТЕГЕТА

Антоний с нетерпением ждал возвращения Стефана. Все его корзины и ящики были сложены под тенистыми акациями недалеко от дороги, ведущей в Неаполь. Элий Сир пошел за провизией в харчевню, стоящую у дороги. Антоний перебирал записи отца. Он обратил внимание на объемистый, туго свернутый свиток. На обложке его рукой отца было написано: «Дневник». Антоний развернул и стал читать записи, сделанные юным Тегетом в ту пору, когда он жил в Риме и был учеником знаменитого ритора. Первые записи относились ко времени, когда девятнадцатилетний Тегет, сын богатого патриция, еще не знал, станет ли он философом, и наивно спрашивал сам себя: «Кем же я буду?» Антоний с любопытством отмечал, что мысли и чувства отца во многом похожи на те мысли и чувства, которые обуревали его, Антония, в дни беспечной и счастливой жизни в Помпеях. Как он, Антоний, был наивен тогда, когда думал, что это благоденствие, эти светлые надежды, это радостное восприятие жизни никогда не изменится. Он посмеялся тогда над бедным влюбленным, который на стене дома написал о том, что все не вечно и переменчиво. Теперь, после этой чудовищной трагедии, к нему уже никогда не вернется та светлая радость и то чистое доверие ко всему прекрасному, которое было прежде.

Ему было приятно узнать, что многие вопросы, которые еще недавно тревожили его ум, в свое время возникали и у философа Тегета. А ведь он, Антоний, был смешон, когда думал, что его

отец, знаменитый ученый, таким и родился. Видимо, прошло много времени в учении, в спорах и сомнениях, прежде чем Тегет утвердился в своих принципах и знаниях. Прежде, чем пришла слава.

А что дальше?..

Вот они, первые выступления одаренного оратора Тегета. Как интересно проследить ход мысли молодого ученого, его надежды на будущее... Как он увлечен!..

...А вот история первой любви к юной Паксее. Тегет уже известен своими выступлениями. Паксея узнала его прежде всего как блестящего оратора. И хотя она намного моложе его, он кажется ей неотразимым. Она читает его труды, ставшие уже известными в Риме. А Тегет влюблен. Он пишет: «Она нежна как лилия. Она добра и красива. Я жить без нее не могу... Паксея согласилась стать моей женой. Какое счастье!..»

Антоний пропускает сотни строк с описанием жизни, тревог и надежд. Он ловит себя на мысли: ему хочется узнать, что пишет отец о сыне. Что он думает о нем, об Антонии?..

Он пропускает еще сотни строк и читает: «Свершилось чудо, свершилось необычайное. Боги подарили нам младенца. Мне уже сорок лет, а Паксее — тридцать. Нам было очень грустно без детей. Я горевал о том, что накопленные мною знания и достояние — все пойдет прахом, когда меня не станет. Так хотелось кому-то отдать все свои сокровища. Не для того ли живет человек на свете? И вот случилось удивительное. Ранним утром, когда я прогуливался в саду, я услышал плач грудного младенца. Я был один, мне некого было позвать, и я вышел за калитку. Предо мной стояла корзинка, а в ней лежал крошечный мальчуган. Как он жалобно плакал! Сердце мое дрогнуло. Это был младенец. Его подарили нам боги. Поистине мы снискали покровительство богов, если такое возможно... Я не знаю, кто принес этот дар к порогу моего дома. Может быть, раб. Да и станет ли свободный человек рисковать жизнью своего ребенка... Это сделал раб, который знает закон: усыновленный станет свободным. Несчастная мать или несчастный отец купили свободу своему сыну такой ценой...»

Руки Антония дрожали, он уронил свиток и почувствовал, что задыхается... Слезы душили его. То, чего он не хотел знать, то, во что он не верил, сказка, придуманная виликом Мерулой, оказалась правдой. Как это ужасно!.. Значит, он в самом деле подброшен и философ Тегет его приемный отец. Значит, вилик Мерула ничего не придумал. Он в самом деле положил в корзинку одного из своих близнецов, чтобы сделать его счастливым. А ведь он был прав, бедный раб Мерула. Он действительно подарил ему, Анто-

нию, счастливое детство. Он, Антоний, не знает, что ждет его впереди, после чудовищных утрат и несчастий, но то, что было, то было! И если бы не гибель родителей, возможно, что он, Антоний, никогда бы не узнал тайны своего рождения. А его приемный отец, благороднейший из людей, философ Тегет, никогда бы не дал ему понять о том, что сын — приемыш.

Антоний читал дальше: «Как счастлива Паксея! Счастливее ее нет человека на свете. Сколько забот и волнений. И как они радостны! Няньки и кормилицы толпятся вокруг, угождая нашему малышу. А он прекрасен, как юный Аполлон. Как мы любим его!...»

Сотни строк посвящены детству и заботам о том, как сделать Антония человеком мыслящим, образованным и благородным. Антоний читает и все больше поражается душевной щедрости философа Тегета, его потребности дарить людям добро. Он пишет о том, что, против своего обыкновения, пригласил к себе целый десяток ровесников Антония, чтобы всем вместе читать любимых поэтов и заставить их полюбить поэзию, понимать ее. Он тратил свое драгоценное время на воспитание сына, отложив свои труды, которые принесли ему известность и прославили его. Его время занято воспитанием сына. И он не жалеет об этом.

«Кто же мой настоящий отец? — спросил сам себя Антоний. — Я думаю, что философ Тегет. Он отдал мне свою душу, свою любовь, свое достояние. Ведь без него не было бы того Антония, который размышляет сейчас над этими свитками. Вилик Мерула заслуживает только сочувствия. Он отдал своего сына в неизвестность. Но он надеялся на счастье. А могло быть и несчастье... Могло случиться, что малыш не прожил бы и года вдали от матери. Где же истина?...»

Пришел Элий Сир и прервал горестное размышление Антония. В первый момент Антоний решил никогда никому не рассказывать о своем открытии. Он решил хранить эту тайну, которая принесла ему много разочарований и в то же время возвысила отца — философа Тегета. Сейчас, зная правду, Антоний еще больше удивлялся бесконечной любви, которая окружала его целых девятнадцать лет.

Скоро будет два года, как он один, а сколько он узнал горя и страданий! Как рушились его надежды. Сколько раз приходило отчаяние. Казалось, что лучше умереть, чем жить так тяжело, в этой страшной пустоте. Теперь он понял, что пустоту эту можно заполнить занятиями, науками, которым отец посвятил свою жизнь. Но что делать ему с этой тайной? Может ли он признаться во всем вилику Меруле? Может ли он подойти к Стефану и сказать ему:

брат мой! Нет, не может. Слишком большое расстояние между семьей раба Мерулы и семьей философа Тегета. А если он не может отойти от священной памяти философа Тегета и дорогой, любимой матушки Паксеи, значит, он не должен признаваться в том, что открыл. А Мерула не узнает. Ведь он понимает: некому подтвердить, что все сказанное им истина.

— Не печалься, мой господин,— сказал Элий Сир, подавая Антонию еду, доставленную из харчевни.— Ты должен сохранить свои силы для дальнейшей жизни. У тебя все впереди. Будет еще много хорошего на твоём жизненном пути. Ты не должен предаваться печали и отчаиваться. Когда мы вернемся в Рим и ты засядешь за свои любимые свитки, перед тобой откроется такой прекрасный мир, что ты забудешь свои беды и печали. А я выполню твое желание и сделаю скульптуры твоих любимых. Ты будешь их видеть постоянно перед собой и будешь вспоминать счастливые дни детства. Тебе было у кого поучиться уму-разуму. Я уверен, впереди у тебя признание. Ты пойдешь дорогой философа Тегета. Но скажи мне, мой господин: как ты поможешь своему другу Стефану? Он не образован и не воспитан и все же он очень хороший. За эти дни, проведенные вместе, я увидел его доброе сердце и смывленность. Увидел ли ты это, Антоний?

— Все увидел и все понял, мой друг Элий Сир. Я намерен дать знания Стефану, с тем чтобы он в дальнейшем мог заниматься науками, чтобы он изучил философию, поэзию, историю. Ведь он уже больше не раб. Как хорошо, Элий Сир, что нам удалось увести его из школы гладиаторов в день гибели Помпей. Какое великое счастье! Однако, Элий Сир, я не могу скрыть от тебя самое главное, что тревожит меня и что заслоняет передо мною весь мир. Я хотел умолчать. Я сказал себе, что тайна эта останется со мной навсегда. Но, видит бог, я не могу хранить один этой тайны. Я чувствую, что должен сказать о ней. Но ты один у меня, кому я могу сказать. Больше нет на свете близких людей. Я в тревоге. Я весь дрожу... Послушай, Элий Сир, я должен признаться тебе, что вилик Мерула ничего не придумал. Поистине все было так! Я его сын. Стефан — мой родной брат. Не случайно мы так похожи друг на друга. У нас одна мать. Нас родила рабыня Клеида. Об этом я прочел в дневнике философа Тегета. Я не верил Меруле, и я был рассержен, когда Стефан назвал меня братом. Я воспринял это как оскорбление и дерзость. Но это правда... Как мне жить теперь, мой друг Элий Сир? Я растерян и унижен. Я не могу привыкнуть к мысли о том, что я сын раба. Я прочел эти строки, и они сделали меня несчастным. Прости меня, Элий Сир! Еще недавно ты сам был рабом. Тебе может показаться обидным то, что я ска-

зал. Но я должен был сказать тебе, иначе печаль сокрушила бы меня...

Элий Сир долго молчал. Как трудно ответить. Ему было жаль Антония и в то же время было трудно помочь добрым советом. Элий Сир понимал, что сию минуту нужно решить, станет ли вилик Мерула отцом Антония, станет ли Стефан его родным братом. И он подумал, что никогда вилик Мерула не может стать родным отцом благородного патриция Антония. Элий Сир понял, что никогда Антоний не сможет пазвать матерью рабыню Клеиду. Антонию уже двадцать лет. Он сложившийся человек. И несмотря на то что он благороден и снисходителен к рабам, он посчитает для себя величайшим унижением, если кто-либо узнает его тайну. Если бы вилик Мерула был богатым вольноотпущенником, если бы он уже занял какое-то положение в римском обществе, тогда, возможно, Антоний смог бы его признать. А сейчас это исключено. Так зачем же терзать себя?

— Если хочешь знать, мой господин, я не считаю, что твоя тайна должна быть раскрыта. Пусть это остается с тобой. Ты окажешь помощь и внимание семье вилика Мерулы. Ты был прав, когда захотел дать знания Стефану. Но тебе не обязательно называть его братом, тем более что ты намерен жить в Риме. При дворе императора Тита есть люди, близкие философу Тегету. Они тебе не простят. Как только они узнают, что ты в родстве с ничтожным виликом, они отвернутся от тебя, ты останешься один. Ты не должен рисковать своим будущим, Антоний. А вилик Мерула, получив от тебя и помощь и внимание, примирится со случившимся. В сущности, когда он, двадцать лет назад, расстался со своим сыном, он вряд ли рассчитывал когда-либо снова встретиться с ним. Для него было счастьем знать, что сын растет свободным, в семье богатого человека. А как это много, знает только тот, кто прожил в рабстве тяжкую жизнь.

— Ты прав, Элий Сир. Все будет сделано так, как ты сказал. Так мне будет легче. Я не считаю себя в чем-либо виновным. Я считаю своим долгом хранить добрую память о философе Тегете и Паксее, которые приобщили меня к жизни прекрасной и возвышенной. Если я предам их мечты и надежды, если я не достигну тех высот, куда вел меня отец Тегет, я буду недостойным их памяти. Я всю жизнь буду помнить мой дом в Помпеях. Отныне и навсегда в моей душе будет жить память о празднике в Помпеях. Я был на этом великом празднике. И я благодарю богов за то, что было.

АРХЕОЛОГИ В ПОМПЕЯХ

(Послесловие)

Я была в Помпеях в июне 1968 года. Ранним солнечным утром, прохладным и ароматным, мы вошли под своды Геркуланских ворот. Ночью прошел дождь и обмыл почти белые плиты, которыми выложены улицы Помпей. Густо разросшаяся трава, кусты шиповника, целые рощи пиний, акаций и кипарисов дали городу как бы изумрудное обрамление, сделали его уютным, обжитым.

Мы шли по улицам Помпей, вдоль каменных оград, мимо роскошных вилл, мимо развалин храмов и терм и нам не верилось, что жизнь здесь остановилась так давно — почти девятнадцать веков назад. Пепел Везувия, поглотивший этот белораморный город в 79 году н. э., исчез. Археологи сняли десятиметровую толщу пепла и камней, очистили улицы, площади и дома.

Можно зайти в лавку пекаря, можно потрогать массивные каменные жернова, можно долго любоваться восхитительной мозаикой, украсившей мраморный бассейн в богатом доме Веттиев. Можно изучать фрески помпейских художников, сохранившиеся на стенах домов. Перед взором путешественников оживают страницы античной истории, настолько живые и выразительные, что все самые блестящие описания, оставленные нам древними авторами, блекнут.

Повсюду следы внезапно остановившейся жизни. И потому вас не покидает ощущение какого-то колдовства. Кажется, что сейчас случится удивительное, и в благоуханный перистиль богатого дома, где цветут те же дамасские розы, какие цвели здесь две тысячи лет назад, войдет молодая красивая римлянка. Может быть, портесса,

которую мы видели на фреске. А может быть, прелестная задумчивая нимфа Галатея, в голубом хитоне, которую художник изобразил на скале на берегу моря.

Здесь, в Помпеях, произошло чудо, о котором мечтают археологи всего мира.

Пепел Везувия, покрывший саваном весь город, оградил его от разрушений, неизбежных за долгие столетия. И потому жизнь, внезапно остановившаяся, предстает перед нами во всех подробностях, которые мы бы никогда не узнали, если бы не случилось помпейской трагедии.

Каждый дом, каждая вилла, каждая мастерская ремесленника или пекарня рассказывают о прошлом, которое стало для нас древней историей.

Вблизи Геркуланских ворот откопали роскошную виллу. Она принадлежала жрице Диониса. Археологи назвали ее Виллой Мистерий. В ней девятнадцать комнат, когда-то богато убранных. Здесь археологи открыли величайшее сокровище — огромную фреску, изображающую посвящение молодой поклонницы Диониса. Здесь двадцать девять фигур почти в натуральную величину. Перед нами ожили люди, покинувшие этот дом в последний день Помпей. Золотистые, красные и лиловые тона превосходной картины дают представление о празднике, посвященном Дионису — богу растительности, покровителю виноградарства и виноделия, любимому божеству помпейцев. Необычайно изящные и красивые женщины в одежде вакханок исполняют ритуальный танец и воздают почести Вакху. У подножия статуи Вакха видны обнаженные вакханки. Вилла Мистерий рассказала нам о священнодействии во время одного из популярных в народе праздников, который, возможно, был прерван извержением Везувия.

Тут же, недалеко от Геркуланских ворот, открыт красивый дом, в котором жил хирург. Возможно, что в этом доме на протяжении столетий жили врачи, и профессия эта передавалась из рода в род. Археологи узнали, что дому было четыреста лет, когда исчезли Помпеи. Здесь найдены хирургические инструменты, напоминающие современные инструменты хирурга. По всей вероятности, дочь хирурга была художницей. В комнате с большим окном, выходящим в сад, на стене изображена молодая женщина, рисующая бюст Вакха. Маленький Эрос поддерживает картину. За работой с любопытством и вниманием следят две невольницы.

В Помпеях повсюду следы остановившейся жизни. Мы вошли в пекарню на окраине небольшой, ровной улицы, выстланной белыми плитами. Эта улица протянулась сверху вниз, и во время дождей ее, вероятно, заливали потоки воды. Для того чтобы перейти с од-

ной стороны на другую и попасть к пекарю, были сделаны возвышения из каменных плит с выемкой для воды. Когда смотришь на этот переход, то кажется, что сейчас появится шустрый мальчуган, который прыгнет с одного камня на другой и побежит на угол к пекарю за свежим душистым хлебом.

Мы внимательно рассматриваем античные жернова, на которых мололи зерно, а затем долго стоим у большой сводчатой печи, чем-то напоминающей русскую деревенскую печь. Рядом на столе лежат хлебы, испеченные помпейским пекарем в тот час, когда пепел Везувия засыпал город. Они окаменели и почернели, но сохранили форму. Отлично видно, что хлеб состоял из нескольких булок, которые легко было разломить на части.

Археологи раскопали сорок пекарен. Сохранившиеся кое-где надписи и строки в летописях римских историков рассказали о том, что пекарнями были и свободные люди и недавние рабы-вольноотпущенники, а помощниками у них были рабы. Иные из пекарей стали богатыми людьми. Была раскопана вилла богатого пекаря Теренция Прокула. На стене одной из комнат художник изобразил Теренция Прокула и его жену. Мы видим лицо немолодого человека, на котором печать его неустанных трудов. Рядом с ним миловидная женщина. Она держит в руках вошеную дощечку и стиль. Может быть, для записи должников?

Мы идем по улице, которую археологи называли улицей Евмахии. Она протянулась от большого крытого рынка, воздвигнутого на средства жрицы Евмахии в память Конкордии Августы. Это был рынок для фуллонов (сукновалов). В благодарность жрице фуллоны поставили ей мраморную статую во весь рост. Рынок фуллонов был расположен по соседству с мясным рынком. Мы рассматриваем каменные прилавки для мяса с водостоками. Они отлично сохранились и могут послужить и в наши дни. Известно, что с южной стороны форума были расположены многочисленные лавки, где продавались всевозможные продукты. А посреди этого базара на двенадцати мраморных колоннах возвышался купол. Под ним был устроен бассейн для рыбы с отводным каналом.

Мы рассматриваем остатки изящной колоннады помпейского форума, который был и центром города, и самым большим его украшением. Мы подходим к мраморной лестнице, которая вела когда-то к храму Аполлона. Можно себе представить, что это был храм дивной красоты. Сейчас сохранились только остатки колоннады, которая опоясывала двор храма. В кругу коринфских колонн когда-то стояли статуи Венеры, Дианы, Меркурия, а также бронзовая статуя Аполлона. Перед мраморной лестницей, ведущей в храм, сохранился большой алтарь, где сжигались ароматные травы.

С западной стороны к форуму примыкала базилика — строение, где производились торговые операции. Здесь же был трибунал. По всей вероятности, помещение трибунала выглядело очень торжественно. Потолок покоился на тонких внутренних колоннах. Вдоль стен стоял двойной ряд колонн с капителями. Сквозь арку открывался великолепный вид на окрестности. Под трибуналом археологи открыли подвальное помещение, предназначенное для заключенных. Но заперов не было найдено.

Со стороны Стабиевой дороги вблизи форума стоял когда-то небольшой храм Изиы. Это был египетский храм. Над входом его была сделана надпись, что он восстановлен на средства шестилетнего Попидиуса Цельсинуса после землетрясения 63 года н. э. Это сделали за маленького помпейского гражданина его богатые родители-вольноотпущенники. Своим щедрым приношением они обеспечили сыну почетную должность в городском совете. Слева от входа в храм лестница вела в святилище. Известно, что в купели этого святилища была нильская вода, которую привозили из Египта для священнодействия. В честь Изиы на алтаре сжигались фрукты.

Так остатки колонн, капителей, мраморные лестницы и нарядные арки, остатки строений и обломки статуй рассказали о жизни форума.

Когда произошло землетрясение, на форуме еще не закончилась укладка мраморных плит на площади. В грунте во многих местах были укреплены постаменты для почетных статуй. По всей вероятности, здесь стояли статуи римских императоров. На некоторых постаментах сохранились надписи. Площадь была закрыта для проезда и отгорожена железными решетками. Здесь не было жилых домов. Широкая мраморная лестница вела к храму Юпитера. Двенадцать коринфских колонн — шесть впереди и по три с каждой стороны — поддерживали переднюю галерею. Высокий фундамент позади храма был предназначен для капитолийской троицы: Юпитер, Юнона, Минерва. Справа к храму примыкала триумфальная арка, взятая в мрамор и украшенная статуями и фонтанами.

В Помпеях был когда-то и старый форум. Эту красивую площадь с двух сторон украшал портик с крышей, которая покоилась на девятиста пяти дорических колоннах. Здесь стояли скамьи, а в центре был мраморный бассейн. Вода к нему поступала по свинцовым трубам. А неподалеку возвышались два театра. Музыкальный театр «Одеон» — на 1500 мест и драматический — на 5000 мест. Во время раскопок был открыт бассейн для шафрановой воды. В жаркие дни этой водой spryskivali арену. Среди скамеек были

найлены брошенные театральные билеты — кружочки из свинца или слоновой кости. На них были выгравированы номера. В этих театрах ставились народные фарсы, трагедии, пантомимы.

Помпеи были городом красивым, утопающим в зелени. Здесь строили прекрасные дома богатые римляне. Не потому ли все, что мы встречаем в городе, говорит о том, как заботились здесь об удобствах и увеселениях. Ученые предполагают, что в Помпеях было двадцать тысяч жителей. Громадный амфитеатр, раскопанный археологами, мог принять все население города. Известно, что это грандиозное сооружение построили богатые люди Гай Квинкт Бальба и Мавр Порций в благодарность за то, что их избрали на высокие должности в городской совет. В амфитеатре проходили бои гладиаторов. Здесь же, на отгороженной барьером арене, сраивали хищников. На арену выпускали волков, медведей, тигров, львов, пантер, газелей, диких кабанов и даже зайцев. Кровь людей и животных лилась потоками на арене, а зрители — страстные болельщики — нередко заводили драки.

Игры в амфитеатре происходили только два раза в год — в честь самых больших праздников. А все остальные дни помпейцы значительную часть времени проводили в роскошных термах — банях, где все было устроено для отдыха и развлечений. Прохладные мраморные залы были украшены фресками и скульптурами. Полы были выложены мозаикой. Очень нарядно выглядели сводчатые потолки и украшенные лепкой арки. Здесь был зал с холодной и теплой водой, зал с горячей водой. Отдельно была устроена парильня, в которую горячий воздух поступал по трубам, проложенным под полом и в стенах. Тут же после купания можно было посидеть в библиотеке. Можно было перекусить в харчевне или заняться гимнастикой. Здесь же, среди благоуханных роз и фонтанов, можно было вести приятную беседу с приятелем.

Среди развалин терм ученые обнаружили небольшие круглые окна с вставленными стеклами. В ту пору застекленные окна были большой редкостью, и, возможно, помпейцы были первыми, кто воспользовался стеклом для окон. Вероятно, помпейцы очень любили свои термы и проводили там не только дни, но и вечера. В одной из общественных бань Помпей было найдено 1328 светильников. Когда-то в них горело оливковое масло.

Но помимо общественных терм, которые были одновременно клубами, библиотеками и банями, в богатых домах помпейцев открыты домашние бани и бассейны, сделанные очень нарядно и красиво.

В одной богатой вилле мы остановились у круглого мраморного бассейна, обрамленного удобной скамьей. Купол этого бассей-

на был украшен мозаикой изумрудного цвета. Можно себе представить, как хорош был этот бассейн, когда изумрудный потолок отражался в чистой воде и окрашивал ее в цвет морской волны.

Превосходные мозаики, сделанные искуснейшими помпейскими художниками, на протяжении столетий приводят в восхищение каждого. В Национальном музее Неаполя мы рассматривали мозаичный пол, раскопанный в Доме Фавпа (так называли виллу, в которой сохранилась фигурка Фавна, божка италийских лесов). Здесь изображена сцена битвы Александра Македонского с Дарием — копия погибшей картины выдающегося греческого художника Филоксена из Эритреи.

В левой части мозаики прославленный полководец Александр Македонский. Волосы его развеваются, глаза горят. Он пронзает копьем персидского сановника, а Дарий со страхом смотрит, как приближается враг. В опасности царская колесница. Возница погоняет коней, а знатный перс соскочил с коня и предлагает его своему повелителю — может быть, он спасется бегством. На горизонте лес копий: сомкнутые шеренги македонских воинов должны сокрушить персов.

Чтобы сделать эту картину, художник уложил на площади в пять с лишним метров на 2,75 полтора миллиона разноцветных камешков. Он создал подлинный шедевр.

Мозаики и фрески, скульптуры и лепные украшения стен, изящные мраморные фонтаны в перистиле, искусные изделия ювелиров — все, что мы видим в Помпеях, вызывает восхищение и чувство величайшего уважения к тем людям, которые создали эти вещи с таким вкусом и чувством красоты.

В Помпеях откопали несколько серебряных столовых сервизов. Это были блюда, тарелки, чаши и кубки, украшенные богатым орнаментом. Один из этих сервизов особенно выделяется своей художественной ценностью. Он был найден в конце прошлого века в полутора километрах от Помпей, вблизи маленького городка Боскареаль. В ту пору велись раскопки на склоне Везувия. Археологи раскрыли дворец и строения для хранения амфор с вином и оливковым маслом. Здесь же была найдена печать, по которой узнали, что это имение принадлежало Людию Герению Флору, богатому владельцу, который получал доходы с виноградников, пастбищ и оливковых рощ.

Извержение Везувия приостановило жизнь имения в тот момент, когда на кухне варилась пища. В печи стояли горшки. На цепи сидела собака. В конюшне лошади поедали овес. А скотный двор был пуст, потому что коровы, овцы и козы были на пастбище. Хозяйка имения пошла проверить, как работает пресс для выдав-

ливания виноградного сока. На прессе работало двое рабов. Впоследствии на этом месте раскопали три человеческих скелета, — очевидно, хозяйке дома принадлежали золотые перстни с топазами.

Тринадцатого апреля 1895 года владелец поля Винченцо да Приско проводил раскопки вместе с надсмотрщиком. Последний обратил внимание на узкое отверстие, ведущее в подвал. Ему стоило больших трудов пробраться внутрь, но он сразу же выскочил оттуда с криком, что в подземелье полно газов. Когда кончился рабочий день и люди, ведущие раскопки, разошлись, надсмотрщик сообщил хозяину да Приско, что в подвале лежит скелет, а вокруг него рассыпаны сокровища.

В сумерках хозяин и надсмотрщик спустились в подвал с фонарями, и представившееся им зрелище буквально потрясло их. Они увидели браслеты, серьги, перстни, тяжелые золотые цепочки, превосходную серебряную посуду, и среди этого сверкающего богатства лежал истлевший кожаный мешок, в котором было 1000 золотых монет разных правителей, начиная с Августа и кончая Веспасианом. Самые поздние монеты относились к 76 году н. э. Их выпустили за три года до извержения Везувия. Там оказались даже весьма редкостные монеты с изображением римских императоров Гальбы, Оттона и Вителия, которые не могли пустить в оборот большое количество денег, потому что каждый из них правил только одну треть года. Почти все монеты сохранились и блестели, как новые.

На кубках, чашах, кувшинах и тарелках древний мастер сделал превосходные изображения. То гонимые преследуют оленей и диких кабанов, то медведи нападают на серну. В когтях орла бьется заяц, а черный дрозд внимательно следит за ящерицей. Лев бросается на вола, лиса борется с волком. Здесь элементы растений и превосходные изображения змей и птиц. На кубке для вина превосходный барельеф — танец скелетов с головами великих философов и драматургов древности. Здесь можно увидеть Софокла, Еврипида, Менандра, Эпикура и Зенона из Китиона. Эти шедевры древнего искусства тайно вывезли из Италии. Владелец поля, под которым сохранились эти удивительные сокровища, продал их французскому миллионеру Ротшильду. Этот сервиз впоследствии попал в Лувр и стал одним из самых ценных экспонатов в залах Древнего Рима.

Наш гид, молодой энергичный неаполитанец, уже несколько часов водит нас из дома в дом, с одной улицы на другую, с форума к зеленым предместьям города, и мы не перестаем восхищаться виденным. В Помпеях небольшой музей, но то, что там

выставлено, поражает воображение туристов. Мы слышим реплики восторга на многих языках мира. Рядом с нами толпятся туристы из Индии, Австралии, Америки и Африки, здесь много европейцев. Каждый экспонат рассказывает свою историю, дополненную уже виденным. Но самое большое впечатление остается от гипсовых слепков, сделанных по методу археолога Фиорелли, который еще в 1864 году сделал удивительное открытие.

Во время раскопок Фиорелли обнаружил пустоты, которые образовались от того, что в момент катастрофы вместе с вулканическим пеплом полил горячий дождь. Мокрым пеплом плотно облепило тела людей, погибших на улице; складки одежды, морщины на лице — все четко отпечаталось в этом горячем месиве, а позднее, когда все истлело и остались только скелеты, образовалась пустота, которую Фиорелли заполнил жидким гипсом. Первая же скульптура, полученная таким способом, удивила ученых. Когда гипсовый раствор застыл, на поверхность земли извлекли скульптуры с лицами подлинных людей, на которых застыл ужас и отчаяние.

Мы стоим у витрины, за стеклами которой виден слепок молодой женщины, опустившей голову на руки. Она лежит на животе. Она беременна. У нее скоро должен родиться младенец. И сейчас, в этом ужасном несчастье, у нее одна забота — лечь так, чтобы не пострадало дитя. Фигура этой женщины так трагична, что кажется, будто вся эта трагедия произошла совсем недавно. А мы словно свидетели ее.

А вот что писал свидетель этой необычайной трагедии, известный писатель древности Плиний Младший:

«Уже в течение многих дней ощущалось землетрясение; его не боялись, потому что в Кампании оно обычно. В эту ночь, однако, оно настолько усилилось, что казалось, все не только движется, но и опрокидывается. Мать ворвалась в мою спальню: я как раз собирался вставать, чтобы разбудить ее, если она спит... Здания вокруг тряслись; мы были на открытом месте, но в темноте, и было очень страшно, что они рухнут. Тогда наконец решили мы выйти из города; за нами шла потрясенная толпа, которая предпочитает чужое решение своему: в ужасе ей кажется это подобием благоразумия. Огромное количество людей теснило нас и толкало вперед. Выйдя за город, мы остановились. Тут случилось с нами много диковинного и много ужасного. Повозки, которые мы распорядились отправить вперед, находясь на совершенно ровном месте, кидало из стороны в сторону, хотя их и подпирали камнями. Мы видели, как море втягивается в себя же; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его от себя. Берег, несомненно, выдвигался вперед; много мор-

ских животных застряло на сухом песке. С другой стороны, в черной, страшной грозовой туче вспыхивали и перебегали огненные зигзаги, и она раскалывалась длинными полосами пламени, похожими на молнии, но большими...

Оглянувшись, я увидел, как на нас надвигается густой мрак — не такой, как в безлунную или облачную ночь, а такой, какой бывает в закрытом помещении, когда огни потушены. Слышны были женские вопли, детский писк и крики мужчин: одни звали родителей, другие детей, третьи жен или мужей, силясь узнать их по раздававшимся зовам; одни оплакивали свою гибель, другие — гибель своих; некоторые в ужасе перед смертью молили о смерти; многие воздевали руки к богам, но большинство утверждало, что богов больше нигде нет и что для мира настала последняя вечная ночь».

Помпеи исчезли на долгие столетия. Современники этой катастрофы, потрясенные случившимся, оставили в летописях свои впечатления. Римский поэт I века н. э. Стаций писал:

«Поверят ли грядущие поколения, когда эта пустыня вновь зазеленеет, что под ней скрываются города и люди!»

Замечание поэта справедливо. Грядущие поколения действительно забыли о том, что были когда-то Помпеи. Город пролежал под саваном пепла восемнадцать столетий.

Первое открытие было сделано в XVI веке итальянским инженером Доменико Фонтана, который руководил постройкой подземного сооружения и во время работ наткнулся на развалины, о которых никто ничего не знал. В 1763 году на холме Чивита раскопали статую из белого мрамора. На цоколе стоял мужчина в тоге. Надпись гласила: «Именем Императора Цезаря Веспасиана Августа — трибун Сведий».

После этого, на протяжении десятилетий, принимались за раскопки разные люди. Одни из них имели отношение к науке, другие — нет.

Систематические раскопки были начаты известным археологом Джузеппе Фиорелли в 1863 году. Ученый заявил, что отныне раскопанные в Помпеях роскошные виллы и дома ремесленников будут сохранены и изучены. Помпеи не будут больше поставщиком музеев, как это было прежде. Ведь долгое время предпринимаемые здесь раскопки велись лишь для того, чтобы увезти в Рим или в Неаполь найденные под пеплом скульптуры, сохранившиеся на стенах фрески и уцелевшие вещи. Впервые было признано большое научное значение Помпей для изучения истории Древнего Рима. Благодаря Фиорелли были раскопаны целые улицы домов, и для того, чтобы они служили потомкам как свидетельство далекого про-

шлого, их восстанавливали и делали нужную реставрацию. Вот почему туристы могут видеть сейчас уцелевший город, словно покинутый жителями только вчера.

В 1875 году, когда Фиорелли назначили главным директором всех итальянских музеев и раскопок, ему поставили статую на помпейском форуме.

В Помпеях сохранились не только улицы, виллы, остатки храмов и терм. Когда пройдешься по улицам Помпей, заглянешь в дома, увидишь скульптуры и мозаики, изящные сосуды и ювелирные украшения, когда прочтешь надписи, сохранившиеся на стенах домов, тебя не покидает ощущение, будто жизнь этих древних людей продолжается, будто в городе Помпеях живет душа древнего талантливового народа.

В Помпеях были найдены тысячи надписей, самых разнообразных. Тут и агитация за кандидата в эдилы: «Паквий просит избрать эдилом Лудия Помея», «О, Требий, поднатужься и сделай эдилом молодого, честного человека Лоллия Фуска».

На колодце, где поили мулов и ослов, сохранилась надпись: «Ах, если бы ты когда-нибудь чувствовал, как пылает огонь любви, ты принес бы меня быстрее к моей девушке. Так вперед же, погоняй своих животных, скорей бери кнут и вожжи! Поспешай в Помпеи — там живет моя любимая!»

Совсем другое написал на стене молодой человек в мрачном настроении: «Одни любят, другие любимы, а мне на это наплевать».

Разочарованная молодая Ливия написала своему Александру: «Твоя судьба меня нисколько не волнует; если ты исчезнешь — тем лучше для меня».

Богатый пекарь Гней Аллей Нигид, довольный нажитым состоянием, написал большими буквами в своей пекарне: «Здесь живет счастье». А в доме купца Сирика сохранилась надпись: «Приветствуем доход!»

Эпидий Гименей испещрил стены своего дома бесчисленными надписями. Он явно любил поучать. Приглашенные на пиршество читали: «Будь приветлив с соседом, и прочь ненавистные ссоры! Если не можешь, шаги к дому обратно направо». Другая надпись гласит: «Взор на супругу чужую не смей кидать, похотливый! Ласков не будь с ней: скромно себя ты веди!» И еще одна надпись, говорящая о бережливости Эпидия: «Береги наши льняные ска-терти!»

На стенах домов расписывались политические деятели, влюбленные и даже пьяницы. Кто-то написал: «Сердечный привет! Мы наполнены, как бурдюки!» А другой кутила увековечил память о

себе следующими словами, обращенными к трактирщику: «Чтобы ты сам оказался жертвой своей хитрости: нам продаешь воду, а сам лакаешь чистое вино».

Встречаются и деловые надписи. На одной из гробниц возле Геркуланских ворот сохранилось объявление: «Тот, у кого 26 августа сбежала кобыла с поклажей, пусть обратится к Децию... за Серненским мостом в Мамианское имение».

Тысячи выразительных надписей, дошедших до нас почти через два тысячелетия, воспринимаются нами, как голоса живых людей. Они нам дороги своей непосредственностью и безыскусностью. Но две тысячи лет назад один разумный помпейский житель раскритиковал любителей писать на стенах: «О, стена, я удивляюсь, как ты до сих пор не развалилась. Ты обречена на то, чтобы сносить столько глупой болтовни!» Мы с благодарностью читаем и эту критическую надпись помпейца, и тысячи других — злых и добрых, язвительных и насмешливых. Они словно приносят дыхание давно ушедшей жизни.

Раскопки ведутся до наших дней. Но и сейчас Помпеи еще не полностью раскрыты, хотя значительная часть города очищена от пепла и камней, и лунной ночью, когда по улицам Помпей бродят туристы, кажется, что город живет прежней жизнью.

В 1968 году гид рассказал нам, советским туристам, о том, что как раз на днях археологи закончили раскопки большой виллы недалеко от Геркуланских ворот. Этот богатый дом хорошо сохранился, и так как крыша не рухнула под тяжестью пепла, археологам удалось получить много ценных находок. Превосходные фрески на стенах, скульптуры, драгоценная посуда и ювелирные изделия — все стало достоянием науки. Обитатели дома не успели уйти. Здесь найдено двенадцать скелетов, и рядом с ними золотые браслеты, ожерелья и перстни с драгоценными камнями. Эти вещи явно принадлежали хозяевам дома. А несколько бронзовых перстней свидетельствуют о том, что рядом с хозяевами погибли рабы. Так почти через девятнадцать столетий ученые узнали, кем были люди, жившие в вилле у Геркуланских ворот.

Мы снова подходим к сводчатым мощным воротам, воздвигнутым более двух тысяч лет назад, и стараемся себе представить, как толпились здесь охваченные ужасом женщины, дети, старики, пытаясь в крошечной тьме, среди грохота, под горячим пеплом поскорее выбраться из города. Каждый знал, что за пределами города, на открытом пространстве, больше надежды спасти свою жизнь. По всей вероятности, как думают ученые, из 20 000 жителей Помпей погибло около 2000. Примерно столько скелетов было подобрано во время раскопок. Можно представить себе, какая была пани-

ка и какое отчаяние охватило людей, когда читаешь на стене дома вблизи Геркуланских ворот короткую и очень выразительную надпись: «Содом и Гоморра».

Эти слова подтверждаются слепками, сделанными по способу Фиорелли. Каждый слепок — трагическая история гибели человека.

На одной узенькой улочке впереди шла пожилая женщина. В руках у нее были три пары золотых серег, сто серебряных монет и два железных ключа. Правая рука женщины сломана. Лево́й она закрыла лицо, явно защищаясь от камней и пепла. Рядом с ней погибла четырнадцатилетняя девочка. Неподалеку был найден скелет женщины с железным колечком на правой руке. Это была рабыня. А еще дальше погиб раб с железным кольцом на пальце, в сандалиях на ногах. Все эти фигуры были получены в гипсовых слепках по методу Фиорелли. Они хранятся в Неаполитанском музее.

Мы покидаем Помпеи, и каждый из нас думает о том, как искусны были строители, какие умелые были ремесленники, как талантливы были художники. Они увековечили память о своем времени и рассказали нам историю давно забытой жизни. Но никто из нас не вспоминает имен императоров, которым подчинялся Рим и миллионы рабов. Они — самые могущественные и сильные — забыты. Помпеи лучше всего сохранили память о тружениках древней Италии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<p>I. Праздник 3</p> <p>II. Отец Антония 13</p> <p>III. Харчевня и ланиста . . . 22</p> <p>IV. Сын спорит с отцом . . . 30</p> <p>V. Евтих потерял Стефана . . 36</p> <p>VI. Вилик Мерула 40</p> <p>VII. Возвращение Евтиха . . . 49</p> <p>VIII. Антоний ждет 53</p> <p>IX. Стефан в школе гладиаторов 63</p> <p>X. Отец ищет сына 69</p> <p>XI. Тегет готов помочь . . . 78</p> <p>XII. Как спасти сына? . . . 86</p> <p>XIII. Антоний у ланисты . . . 92</p> <p>XIV. Щедрость Ария Келада . . 97</p> <p>XV. В поисках истины . . . 102</p> <p>XVI. Злобная Скантия . . . 108</p>	<p>XVII. Клавдий видел Ольвию . 113</p> <p>XVIII. Стефан спасен . . . 118</p> <p>XIX. Небо потемнело . . . 127</p> <p>XX. Господин вернулся из Рима 136</p> <p>XXI. Встреча 140</p> <p>XXII. Элий Сир хранит деньги господина 149</p> <p>XXIII. Надежды вилика . . . 159</p> <p>XXIV. В поисках друзей . . . 165</p> <p>XXV. У святых могил . . . 170</p> <p>XXVI. Надгробие под старой пинией 175</p> <p>XXVII. Братья встретились . 183</p> <p>XXVIII. Дневник Тегета . . . 191</p> <p>Археологи в Помпеях (Послесловие) 196</p>
---	--

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Моисеева Клара Моисеевна

В ПОМПЕЯХ БЫЛ ПРАЗДНИК

Историческая повесть

Ответственный редактор Г. А. Дубровская. Художественный редактор С. И. Нижняя. Технический редактор Т. Д. Юрханова. Корректоры Г. С. Мукозовова и Э. Н. Сизова. Сдано в набор 20/II 1972 г. Подписано к печати 7/III 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 12,13. (Уч.-изд. л. 13,01). Тираж 75 000 экз. ТП 1972 № 460. А03296. Цена 55 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ 3482.

Цена 55 коп.